

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

СКАНДИНАВСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Том 20
Выпуск 1

Издается с 1961 года

ISSN 0202–2397

Том 20

Выпуск 1

Главный редактор: канд. филол. наук, доц. Е. В. Краснова (СПбГУ, Россия)
Редакционная коллегия: д-р филол. наук, проф. А. М. Вунен (Университетский колледж Осло и Акерсхуса, Норвегия); д-р филол. наук, проф. Н. Ю. Гвоздецкая (РГУ, Россия); старший научный сотрудник, д-р физ. наук Т. де Грааф (Фризская академия, Нидерланды); старший преподаватель Ю. М. Григорьева (СПбГУ, Россия); д-р филол. наук, проф. А. Ю. Дароци (Реформатский университет им. Кароли Гаспара, Венгрия); д-р филол. наук Э. С. Йенсен (Комитет по датскому языку, Дания); д-р филол. наук, проф. Ю. К. Кузьменко (Институт лингвистических исследований РАН, Россия); канд. филол. наук, доц. А. Н. Ливанова (СПбГУ, Россия); канд. филол. наук, доц. П. А. Лисовская (СПбГУ, Россия); д-р филол. наук, проф. И. М. Михайлова (СПбГУ, Россия); канд. филол. наук, доц. А. В. Савицкая (СПбГУ, Россия); д-р филол. наук, проф. Е. Р. Сквайрс (МГУ, Россия); д-р филол. наук, проф. Е. М. Чекалина (МГУ, Россия)

Vol. 20

Issue 1

Editor-in-chief

Assoc. Prof. E. V. Krasnova (St Petersburg State University)

Editorial Board

Prof. A. M. Vonen, Doctor of Science (Philology) (Oslo and Akershus University College of Applied Sciences, Norway); Prof. N. Y. Gvosdeckaya, Doctor of Science (Philology) (Russian State University for the Humanities); Senior Research Associate T. de Graaf, PhD in Physics (Frisian Academy, Netherlands); Sen. Lecturer J. Grigoryeva (St Petersburg State University, Russian Federation); Prof. A. J. Daróczy, Doctor of Science (Philology) (Károli Gáspár University of the Reformed Church, Hungary); E. S. Jensen, Doctor of Science (Philology) (Danish language committee, Denmark); Prof. Y. K. Kuzmenko, Doctor of Science (Philology) (Institute of Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Assoc. Prof. A. N. Livanova, Candidate of Science (Philology) (St Petersburg State University); Assoc. Prof. P. Lisovskaya, Candidate of Science (Philology) (St Petersburg State University); Prof. I. M. Michajlova, Doctor of Science (Philology) (St Petersburg State University); Assoc. Prof. A. V. Savitskaya, Candidate of Science (Philology) (St Petersburg State University); Prof. C. Squires (Ekaterina Skuayrs), Doctor of Science (Philology) (Lomonosov Moscow State University); Prof. E. M. Chekalina, Doctor of Science (Philology) (Lomonosov Moscow State University)

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Dmitrieva M.</i> The pragmatic strategy of praise in the texts of the collection of Dutch evangelical psalms.....	5
<i>Hautekiet J., Repina K.</i> Werkwoord constructies in Oost- en West-Vlaams	18
<i>Немецкая А. А.</i> Особенности употребления количественных лексем <i>noget, meget</i> и <i>lidt</i> в датском языке	31
<i>Osmak N., Bocharova Ya.</i> Some observations on distance measurement words in Finnish and Swedish	42
<i>Tomaka K.</i> <i>Nou toch eigenlijk best wel eng hoor.</i> Over semantische waarde, interpretatie en vertaalmogelijkheid van Nederlandse partikels	61
<i>Топорова Т. В.</i> Опыт анализа эпического слова: др.-исл. <i>hel</i> 'загробный мир; владелица загробного мира' в «Старшей Эдде»	79

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Korovin A.</i> <i>The Roads Round Pisa</i> by Karen Blixen — a play with a plot and a Form	98
<i>Лисовская П. А.</i> Жизненные стратегии интеллектуала в условиях войны и диктатуры в романах Эйвинда Юнсона.....	111
<i>Огуречникова Н. Л.</i> Тема Люцифера и формы речи в исландском библейском парафразе.....	127

КУЛЬТУРА И КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ

<i>Бондарь И. А.</i> Руническая надпись нового скандинавского зооморфного амулета раннесредневекового времени, обнаруженного на Среднем Днестре в Молдавии	150
<i>Frank Th.</i> Uniquely preserved Slavic nautical technology behind religious exchange and transition in Old Rus and Scandinavia.....	169
<i>Жаров Б. С.</i> Из истории датско-русской двуязычной лексикографии. Иван Щелкунофф (1870–1966) и его словарь	210

CONTENTS

LINGUISTICS

<i>Dmitrieva M.</i> The pragmatic strategy of praise in the texts of the collection of Dutch evangelical psalms.....	5
<i>Hautekiet J., Repina K.</i> Verb constructions in West and East Flemish dialects.....	18
<i>Nemtseva A. A.</i> Peculiarities of Danish determiners <i>noget, meget</i> and <i>lidt</i>	31
<i>Osmak N., Bocharova Ya.</i> Some observations on distance measurement words in Finnish and Swedish.....	42
<i>Tomaka K.</i> <i>Nou toch eigenlijk best wel eng hoor.</i> About semantic value, interpretation and translation possibility of Dutch particles.....	61
<i>Toporova T. V.</i> Studies in the analysis of the epic word: O.-Icel. <i>hel</i> ‘world of the dead; the dead-goddess <i>Hel</i> ’ in the <i>Elder Edda</i>	79

LITERATURE STUDY

<i>Korovin A.</i> <i>The Roads Round Pisa</i> by Karen Blixen — a play with a plot and a Form.....	98
<i>Lisovskaya P. A.</i> An intellectual’s life strategies in the time of war and under dictatorship in the novels by Eyvind Johnson.....	111
<i>Ogurechnikova N. L.</i> Theme of Lucifer and forms of speech in Icelandic biblical paraphrase.....	127

CULTURE AND CULTURAL RELATIONS

<i>Bondar I. A.</i> The runic inscription of the new zoomorphic amulet of Scandinavian jewelry traditions of the early Middle Ages, originating from the Middle Dniester of Republic of Moldova.....	150
<i>Frank Th.</i> Uniquely preserved Slavic nautical technology behind religious exchange and transition in Old Rus and Scandinavia.....	169
<i>Zharov B. S.</i> From the history of Danish-Russian bilingual lexicography. Ivan Stscelkunoff (1870–1966) and his dictionary.....	210

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

UDC 811.112.5+783

Maria Dmitrieva

St Petersburg State University

THE PRAGMATIC STRATEGY OF PRAISE IN THE TEXTS OF THE COLLECTION OF DUTCH EVANGELICAL PSALMS

For citation: Dmitrieva M. The pragmatic strategy of praise in the texts of the collection of Dutch evangelical psalms. *Scandinavian Philology*, 2022, vol. 20, issue 1, pp. 5–17. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2022.101>

The purpose of the paper is to identify ways to implement the speech macro strategy of praise to God for text material of the collection of Dutch evangelical psalms published in 1806. This article has three main parts. First, the article analyzes how the communicative intention of praise manifests itself in the prose text of the Preface to the Collection. Here the strategy is formulated in the third person; its implementation is most clearly observed in the initial and final positions of the text as the most communicatively loaded. Second, we consider ways in which a given strategy is implemented in the poetic texts of the psalms. In this perspective, the communicative task of glorifying the greatness of God is of the utmost importance; it is formulated directly on behalf of all believers using the following linguistic means and stylistic techniques: rhetorical exclamations and appeals to the Lord, rhetorical questions, lexical means of appropriate semantics and pragmatic potential. Third, the basic principles of interaction between the text of the psalms and the musical arrangement for the voice are discussed. The analysis allows us to conclude that with the help of harmonies and melodic drawing, the dictum and modus content of the poetic text is masterfully emphasized, the inner potential of meter and rhyme is more fully revealed. In general, the macro-strategy of praise has a dominant meaning and manifests itself in many aspects in the contamination of verbal and musical language.

Keywords: macro-strategy of praise, pragmatics, poetic psalm, preface as a type of text, evangelical discourse, Dutch.

1. INTRODUCTION

The projection of theories and methods of pragmatics on the material of texts of evangelical discourse makes it possible to obtain innovative results and provides an expanded understanding of their pragmatic characteristics. Consideration of language material from the point of view of communicative-pragmatic and discursive approaches is one of step for developing a “grammar of feelings,” in the terminology of N. D. Arutyunova [Arutyunova, 2007, p. 111].

The macro-strategy of praising God is one of the dominant and most significant general communicative attitudes of evangelical texts and their discursive space. In the cognitive model of a believer, praise of God is of fundamental importance and is implemented in many aspects in his spiritual and prayer practice. As E. Yakovenko rightly observes, “the dialogue between God and man unfolds against a broad background... it represents an infinite variety of samples... speeches” [Yakovenko, 2010, p. 446]. The texts of prayers, psalms, hymns of praise and others have an important role in this “dialogue.”

The chosen angle for consideration of the language material allows us to solve the following tasks: How is the communicative strategy of praise to God implemented in the text of the Preface to the collection of gospel songs? By what language means is praise expressed in the poetic texts of the psalms in Dutch? What is the role of melodic musical drawing in the implementation of a given strategy?

2. METHODS AND MATERIAL

To solve the tasks set, a comprehensive method of interpretive analysis is used, including 1) communicative and pragmatic analysis, 2) contextual analysis, and 3) elements of musicological analysis. The linguistic material of the study is the prose text of the Preface, the gospel Dutch psalms in verse form and their musical arrangement, published in a single collection in Amsterdam in 1806 [EG, 2013].

The psalms are intended for collective performance by believers during church services, which reflects one of the main trends in the concept of the “new” Lutheran church. Martin Luther formulated this provision as follows: “nicht nur Pfarrer und Lehrer, auch die Gemeinden sollten singen; sie sollten mit ihrem Gebet und ihrem Lobgesang dankend auf Gottes Wort antworten und in ihren Liedern Gottes große Taten singend ausbreiten”

[Dahlgrün, 2016, s. 154]: ‘not only pastors and teachers, but also the congregations should sing; they should respond to God’s Word with their prayer and hymn of praise and spread great deeds of God singing in their songs.’

The Gospel psalms are numbered end-to-end in Roman numerals (which probably makes it possible for potential recipients to find the desired verse more quickly). In general, the texts are grouped according to the generally accepted course of church services. The linguistic material of poetic psalms illustrates the developed system of final rhyme within various poetic dimensions. The use of rhyme is understandable: a poetic text is much easier to memorize and reproduce orally than a prose one.

3. DISCUSSION

The general macro-strategy of the texts of the collection can be designated as the glorification of the greatness of God in all aspects and various manifestations in relation to man and his everyday needs. The peculiarities of the speech act of praise have been repeatedly considered in linguistics. In particular, in the general concept of semantic grammar by A. Wierzbicka, using a broad approach encompassing comparative studies, semiotics, and cultural specifics, praise is defined as “emotionally charged evaluative speech acts, such as... enthusiastic praise” [Wierzbicka, 2011, p. 185]. Linguistic studies based on the material of one language, modern English in particular, give the following definition to the speech act of praise: “a kind of evaluative [utterances] acts as a verbal form of actualization of value relations between the evaluated object, the representation of it and the subject of the representation” [Maltseva, Popova, 2014, p. 139]. The authors offer three types of praise: praise, compliment, and flattery. Due to the specifics of the language material I am discussing, the first of the above types turns out to be relevant.

It clearly follows from both definitions that praise generally refers to an extensive group of evaluative statements. Within the framework of the article, it is not possible to analyze all aspects of this problem. Here is just a succinct statement by G. A. Zolotova, reflecting the general specifics of the assessment: “it is not the action itself that is called, but as if only its possibility, this possibility is weighed and evaluated. ‘Desirability — undesirability,’ ‘желательность — нежелательность’ of this opportunity for the speaker is connected with a pragmatic, ethical or expressive assessment” [Zolotova, 2007, p. 260].

A typical example of the implementation of a speech act of praise and glorification of God can be described by material of the text of Psalm I *Aan God* ‘To God’ [EG, 2013, I, p. 1–2]. The text of the psalm consists of four stanzas, each of which includes six lines, rhymed according to the scheme a-a-b-c-c-b. The first three six-verses have an anaphoric beginning: the traditional Christian solemn exclamation *Hallelujah!*, the internal semantics of which can be described as “Praise God!” Then, in each line, the greatness is consecutively glorified 1) God the Father, 2) God the Son and 3) the Holy Spirit. The fourth six-line, the final one, opens with an exclamation:

- (1) *U, Vader, Zoon en Geest zij prijs!*
‘You, Father, Zoon and Spirit be praise!’

Containing the personal pronoun of the second person in the appellative function and the re-nomination of the three hypostases of God in order to strengthen the pragmatic impact. All four stanzas have an epiphora — a repetition of the final line:

- (2) *Moet al het schepsel zingen* [EG, 2013, I, p. 1–2].
‘Let all things sing.’

(In Examples (1), (2) and further on, the translations of the examples are made by the author of the article and are in the nature of a subscript).

Thus, the strategy of praise enters into a broader field of evaluative statements. Positive connotations are predominant. From Example (1) it can be seen that this is achieved by the following techniques: *prijs* lexemes, lexical repetitions, performative wishes (Example (2)).

Next, we will proceed to the consideration of the three designated areas of research.

4. RESULTS

4.1. *Textotypological characteristics of the preface.* *The macro strategy of praise in the “strong” positions of the text*

The preface as a type of text has recently become the focus of linguists’ research attention. The general trends of this type of text are constant and in general can be reduced to the following characteristics: it precedes the block of the main text / main texts and is subordinated to the goals of establishing contact with the reader and involving him in a dialogue, and

also provides an overview of the main thematic field of the texts of the basic part. In addition, the preface is optional in relation to the main text.

Depending on the discursive affiliation of the text of the main block, these communicative intentions are modulated. Using the example of prefaces to scientific texts, it is pointed out, in particular, their pronounced “attendant” character: the preface outside the main text turns out to be “devoid of any meaning” [Nefedov, 2014, p. 36]. On the one hand, the literal understanding of the thesis put forward contradicts the very essence of the sign system of the language. On the other hand, it is obvious that only in interaction with the basic texts does the general pragmatics of the preface become relevant. In the context of this study, the Preface is considered from the point of view of verbalization of the macro-strategy of praise of God in it.

The preface in the printed version is located on 10 pages, with end-to-end numbering in Roman numerals. The text includes several semantic parts; but the strategy of glorifying God is manifested in the so-called “strong” positions of the text: at the beginning and the final part.

The text opens with an explicit formulation of the basic intention of praise to God:

- (3) *hierdoor brengt de geheele gemeente openlijk hare hulde toe aan God en den Heere Jezus Christus* [EG, 2013, p. III].

‘With this [collection] the holy church openly brings her praise to God and the Lord Jesus Christ.’

The proposal is constructed from the third person, on behalf of the church. The semantics of the lexeme *hulde* ‘praise’ directly indicates a corresponding positive assessment. The adverb *openlijk* ‘openly’ additionally marks the explicit nature of the utterance. Further, the wording from the third person is deciphered in several aspects:

- (4) *onzen dierbaren Zaligmaker... verklaart zij haar geloof in... en haar vertrouwen op Hem... wordt zij versterkt in het geloof aan die waarheden...* [EG, 2013, p. III].

‘our beloved Savior... she expresses her faith... and your trust in him... it is strengthened in faith in these truths...’

The main part of the Preface text contains diverse information about the principles of song selection, the features of musical accompaniment, the importance of using the collection in the education of the younger generation, and more. Along with this, the external, extralinguistic parameters of the discourse are touched upon: the general solemnity of the

church service, the beauty of the temple and, as the most important factor, the multiplicity of simultaneously sounding voices is indicated. This information helps to reconstruct all the components of the model of evangelical discourse in the most complete way, and therefore to more fully realize the pragmatic possibilities of the texts of the psalms.

In the final part of the text, a kind of thematic framework is created: the pragmatics of praise to God is “picked up” again, but, as can be seen from Example (5), other linguistic means are used here for this purpose.

- (5) *God zegene ons werk daartoe! Hij zegent zijne Kerk in dit Land, ook door het gebruik van deze gezangen, om zijns Zoons wil, door zijnen Heiligen Geest!* [EG, 2013, p. X]
'May God bless our work! May God bless His Church in this country, including with these psalms, according to the will of the Son and the Holy Spirit!'

That is, as can be seen from the above schematic description, the macro strategy of praise is implemented here in the so-called “strong” positions of the text with the help of diverse linguistic means.

4.2. Mechanisms of verbalization of praise to God in the poetic texts of the Dutch psalms

The word *psalm* is from the Greek *psalmós*, which means “to pluck the strings of a musical instrument (zither)” [DUW, 2015, s. 1397]. The concept of psalm can be interpreted in different ways. Martin Luther suggests to distinguish *Psalmen* (psalms), *Lobgesänge* (songs of praise) and *geistliche Lieder* (spiritual songs). The psalms themselves mainly include the psalms of King David and other texts that make up the Psalter. Luther defines songs of praise as “andere Gesänge,” “other songs,” composed by Moses, Solomon, Isaiah, and other Old Testament prophets. Spiritual songs, according to Luther, are songs that are not included in the Holy Scriptures, but dedicated to God and performed daily. They should be addressed to spiritual topics and have an instructive or cautionary character. See more [Dahlgrün, 2016, s. 154].

Another point of view on the definition of the concept of psalm is also possible: it consists in a twofold interpretation. The psalm is defined 1) as “each of the 150 religious songs of the Old Testament” and 2) a spiritual song [DB, 1984, s. 531]. Within the framework of this study, the interpretation of the psalm in the given second meaning is accepted.

With the spread of Protestantism, this type of text received a new impetus for development, which is associated with the tradition of the Lutheran Church of the joint choral performance of hymns and prayers during the service. The dominant macro strategy of praising the Lord is formulated in the texts on behalf of all believers. Praise gets a multifaceted expression through a variety of linguistic means and stylistic techniques. Below they will be sketched using the example of selected text fragments.

In Example (6), praise receives a direct explication in the form of two performatives using the personal pronoun of the first person plural *wij* 'we' (Example (6)), the possessive pronoun of the 1st person in repetition (Example (8)), also including verbs of the corresponding semantics and addresses-exclamatives, showing high frequency and variability of internal structure in the texts of psalms. Cf. the following examples:

- (6) *Wij loven U, o God! wij prijzen uwen naam!* [EG, 2013, XII, p. 4]
'We praise You, O God! We praise Your name!'
- (7) *goedheid Gods! nooit regt geprezen!* [EG, 2013, XII, p. 20]
'O goodness of God! You can't praise her!'
- (8) *Mijn God! mij steeds voor oogen zij!* [EG, 2013, XII, p. 22]
'Oh my God! I always have them in front of my eyes!'

Also, a frequent technique for implementing the praise strategy is the use of rhetorical questions in texts — structures with signs of interrogativeness, but not transmitting their own meaning of interrogativity. Cf. Example (9), where such a pseudo-question follows an exclamative:

- (9) *Heer! wie is aan U gelijk?* [EG, 2013, XVI, p. 31]
'Oh, my God! who is equal to you?'

In some contexts, rhetorical questions form chains, as in the Example (10):

- (10) *Wat heb ik dan met mijnen God te vreezen, / Wat woede dafgrond om mij spilt?* [EG, 2013, XVII, p. 33]
'What then should I fear before my God, / what wrath of the abyss will be poured upon me?'

Sometimes an interrogative adverb is one of the lexical means of transmitting an exclamation value:

- (11) *Hoe heerlijk zijn uw werken, Heer! / U dank!, U loov!, U prijz!, U eer!* [XIV, EG, 2013, p. 26]
'How glorious are your deeds, O Lord! / You are grace! You are life! You are praise! You are reverence!'

The repetition of the personal pronoun of the second person, the use of lexemes of the corresponding semantics, the use of the interrogative adverb in the function of enhancing a qualitative feature — all these means act as a single chord in the formation of the designated macro strategy of praise.

Only the most general trends are sketched out here. The frequency of these tools is very high, and each group of tools can become the subject of a separate, more specialized linguistic study.

4.3. Musical text and its role in the implementation of the macro strategy of the song of praise

The musical appendix to the Collection has a considerable volume (about 60 printed pages) and consists of single-voice musical notes of melodies with an indication of the tonality and signs with the key at the beginning of each musical line. The vast majority of melodies are recorded in major frets; only a few examples of the use of minor keys have been found, including Psalm XVII *Wie maar den goden God laat zorgen* [EG, XVII, p.364] ‘How much trouble do we give to the good Lord.’ (Here, the use of the minor is explained by the general communicative intention of the psalm: the affliction of the Lord by sinners.) At the end of each musical line, a special icon indicates the first note of the next line, and the end of a musical phrase is indicated by two vertical lines common in modern musical notation: ||. Notation marks for chanting stressed syllables have a larger size, for unstressed ones — a smaller one. This is the simplest way of marking the duration of a note, as well as a means of additional accentuation of stress. There is no division into cycles. Each musical string strictly corresponds to one line of text. On the one hand, this can be explained by the requirements of the convenience of using notes. On the other hand, and a more important factor is that the musical text is completely subordinate to the verbal; it acts, as one can figuratively say, as an additional way of semantic and thematic division and arrangement of logical and intonational accents.

From the point of view of the general melodic-harmonic structure, all available melody texts can be divided into two broad groups. Within the first group, we will consider melodies that are marked before the musical score “Eigene zangwijze,” “Own chant,” the origins of which go back to the traditions of folk music. “Own chant” of the psalms “accom-

panies” the verbal text located under the musical stanza; each syllable corresponds to a note.

The steps of natural major are mainly used. The center of the tonal system is the tonic triad, and the subdominant and dominant also play an important role. This general principle of the tradition of vocal sacred music is noted by many modern musicologists, see, for example, [Gulyanitskaya, 2015, p. 35], and retains its constancy: it is obviously traced in the musical application under consideration.

If the semantic text phrase is one line, then there is a wave-like development of the melody within one musical line. Psalm VII, in particular, is based on this principle. As an Example (12) below are the first four lines:

(12) *Op bergen en in dalen, / En overal is **God!** / Waar wij ook immer dwalen, / Of zitten, daar is **God*** [EG, 2013, VII, p. 362].

‘In the mountains and on the plains, and everywhere there is **God**. Wherever we go astray and [wherever] we are, **God** is there.’

At the same time, the word God repeated at the end of each even line is sung only at stable tonic or subdominant levels, which emphasizes its special semantic load.

In another case, when a speech phrase occupies two lines, the melody of the first one goes up, which emphasizes the “incompleteness.” The melodic line of the second line goes down, and marks the end of the speech and musical fragment. See, for example, the first two lines of Psalm XXIV:

(13) *Als de nacht van bange zorgen / ‘t Uitzigt uwer hoop bedekt* [EG, 2013, XXIV, p. 367].

“When the night is full of worries / It seems that your hope covers.”

The pragmatic meaning here can be described as “the darkness of the night deprives of hope.” In this example, it is clear that both syntagmas make up a single semantic block. The first line in melodic terms is an ascending scale of eight notes, the number of tones in which corresponds to the number of syllables in the line. The second line corresponds to a descending order of seven notes. Along with the simplest sound patterns, the following basic musical techniques are also used: phonetically conditioned legato — singing of several notes on one vowel (most often on the vowel *e*); singing of stable steps; sequence, that is, repetition of the same melody from different notes. In particular, the sequence is

applied in lines 2 and 4 of the melody to Psalm VII; see Example (12) above. It can be assumed that in this way the denotative similarity of these lines is emphasized.

The second group of melodic structures includes psalms, which should be performed according to the already existing, widely known motives of church hymns in German. The presence of such motives is quite understandable: even Luther was clearly aware and focused attention on the fact that musicality plays an important role in the transmission of the divine Word. M. Luther explains the importance of singing skills for the pastors of the church: “[man sollte] nicht nur den Inhalt verstehen, [man sollte] den Gehalt mit ganzem Herzen, mit dem Gemüt, mit der Seele aufnehmen können” [cit. by: Dahlgrün, 2016, s. 153] ‘[one should] not only understand the content, [one should] be able to absorb the content with all one’s heart, with one’s mind, with one’s soul.’

The name of the corresponding psalm is given immediately before the musical block. Note that in the title of Psalm XXXIV *Wijze*: “Ich ruf zu dir, Herr Jesu Christ!” “*Wijze*: “I call to you, Lord Jesus Christ!” The dominant macro strategy of appealing to God, praising His greatness and mercy is explicitly formulated.

Most of these psalms have a traditional song form, in which the first and third lines are sung to one tune and the second and fourth to another. This fully corresponds to the rhythmic scheme of the verse: a-b-a-b. The melody inside the string is undulating and includes standard melodic moves from the first stage of the tonic to the fourth stage of the subdominant and then back to the tonic. Thus, the musical language emphasizes complex poetic rhymes. For example, Psalm XCVI *Wijze*: “Herr und Aeltster deiner Cranz-Gemeine”:

(14) *Halleluja! eeuwig dank en eere, / Lof, aanbidding, wijsheid, kracht, / Word', op aard en in den hemel, Heere! / Voor uw liefd, U toegebragt!* [EG, 2013, XCVI, p. 383]

‘Chant: The Lord and chief of all crowned communities. Hallelujah! May eternal gratitude and glory, praises, wisdom, and strength be brought to you on earth and in heaven for Your Love, O God!’

Semantically significant tokens of “praise” at the beginning of the first line, as well as the vocative *Heere!* ‘My God!’ at the end of the third line, are voiced by a descending tonic third, thereby emphasizing their semantic load and importance in the syntagma.

Thus, musical accompaniment always acts as an auxiliary tool for the purposes of deeper disclosure of the pragmatic potential of the verbal text of the psalms — this principle turns out to be relevant for both melodic-harmonic groups under discussion.

5. CONCLUSION

In this paper, theoretical and methodological provisions were presented in accordance with the three designated areas of research. In general, the global macro-strategy of glorifying the greatness of God “permeates” the entire text space of the discussed Collection of Psalms. In poetic texts, the communicative intention of praise is realized on behalf of all believers and receives explicit expression by diverse linguistic means, only sketchily indicated in the article. In the Preface, the strategy is formulated on behalf of the entire cathedral church and manifests itself mainly in the “strong” positions of the text: the initial and final fragments. Melodic-harmonic techniques of the musical text act as an additional tool for logical and accentual division of the text material of the psalms. Thus, praise to God is created by a single harmonious “chord” of all available linguistic means and means of musical expression. This can be explained by the fact that praise to God is the most important setting of the cognitive model of liturgical discourse, during which every Christian “speaks” with God. One of the most important ways of this “communication” is the reading of prayers and the performance of psalms and church hymns. Undoubtedly, in addition to the instrument of spiritual practice, the texts are masterful examples of rhetorical art, revealing the stylistic and pragmatic potential of both the Dutch language system and the possibilities of hymn poetry and versification.

SOURCES

EG — Evangelische Gezangen, om nevens het Boek der Psalmen bij den openbaren godsdienst in de Nederlandsche Hervormde Gemeenten gebruikt te worden. Amsterdam: Johannes Allart. 2013. 439 p.

REFERENCES

Arutyunova N.D. *The sentence and its meaning. Logical and semantic problems.* Moscow: LKI Publ., 2007. 384 p. (In Russian)

- Dahlgrün C. “Ein feste Burg” Luther als Sprachkünstler — Psalmen und Lieder. *Die Bibel Martin Luthers. Ein Buch und seine Geschichte*. Leipzig, Stuttgart: Evangelische Verlagsanstalt GmbH. Deutsche Bibelgesellschaft, 2016. S. 151–169.
- Gulyanitskaya N. S. *Methods of Music Science: Research*. Moscow: Muzyka Publ., 2015. 256 p. (In Russian)
- Maltseva N. B., Popova I. V. Praise as a verbal character code of a character. *Language as a cultural code of a nation*. Eds A. V. Zelenshchikov, E. G. Khomiakova. St Petersburg: St Petersburg University Press, 2014. P. 135–158. (In Russian)
- Nefedov S. T. Intertextual dimensions of the author’s preface. *German Philology in St Petersburg University*. Iss. IV: Texts and text units. St Petersburg: St Petersburg University Press, 2014. P. 32–48. (In Russian)
- Wierzbicka A. *Semantic universals and basic concepts*. Moscow: Iazyki slavianskikh kul’tur Publ., 2011. 568 p. (In Russian)
- Yakovenko E. V. “I spoke with my heart...” (on semantic transfers and dualization of the subject in biblical texts). *Logical analysis of language: Mono-, dia-, polylogue in different languages and cultures*. Moscow: Indrik Publ., 2010. P. 446–455. (In Russian)
- Zolotova G. A. *Communicative aspects of Russian syntax*. Moscow: KomKniga Publ., 2007. 368 p. (In Russian)

DICTIONARIES

- DB — *Deutsches Bildwörterbuch von A bis Z*. 9., neu bearb. und erweiterte Aufl. Mannheim: F. A. Brockhaus, 1984. 836 s.
- DUW — *Duden. Deutsches Universalwörterbuch*. 8., überarb. Aufl. Berlin: Dudenverlag, 2015. 2128 s.

Дмитриева Мария Николаевна

Санкт-Петербургский государственный университет

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ ПОХВАЛЫ В ТЕКСТАХ СБОРНИКА ЕВАНГЕЛИЧЕСКИХ ПСАЛМОВ

Для цитирования: *Dmitrieva M. The pragmatic strategy of praise in the texts of the collection of Dutch evangelical psalms // Скандинавская филология. 2022. Т. 20. Вып 1. С. 5–17. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2022.101>*

Цель статьи заключается в выявлении способов реализации речевой макростратегии похвалы Богу на текстовом материале сборника нидерландских евангелических псалмов 1806 года издания. Прославление величия Бога выступает одной из важнейших задач богослужебной практики и евангелического дискурса в целом. В центре исследовательского внимания статьи находятся три основных аспекта. Во-первых, анализируется то, как коммуникативная интенция

похвалы проявляется в прозаическом тексте Предисловия к Сборнику. Здесь стратегия формулируется от третьего лица; наиболее отчетливо ее реализация наблюдается в начальной и конечной позициях текста, как наиболее коммуникативно нагруженных. Во-вторых, рассматривается, какими способами заданная стратегия реализуется в стихотворных текстах псалмов. В этом ракурсе коммуникативная задача прославления величия Бога имеет важнейшее значение; она формулируется непосредственно от имени всех верующих с помощью следующих языковых средств и стилистических приемов: риторических восклицаний и обращений к Господу, риторических вопросов, перформативных актов пожелания, лексических средств соответствующей семантики и прагматического потенциала. В-третьих, обсуждаются основные принципы взаимодействия текста псалмов и нотного переложения для голоса. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что с помощью гармоний и мелодического рисунка мастерски подчеркивается диктумное и модусное содержание поэтического текста, более полно раскрывается внутренний потенциал метра и рифмы, усиливаются логические и динамические акценты. В целом макростратегия похвалы имеет доминантное значение и многоаспектно проявляется в контаминации вербального и музыкального языка.

Ключевые слова: макростратегия похвалы, прагматика, стихотворный псалом, предисловие как тип текста, евангелический дискурс, нидерландский язык.

Maria Dmitrieva

PhD in Philology, Associate Professor,
St Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russian Federation
E-mail: m.n.dmitrieva@spbu.ru

Дмитриева Мария Николаевна

кандидат филологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
E-mail: m.n.dmitrieva@spbu.ru

Received: January 22, 2022

Accepted: March 12, 2022

UDC 811.112.5

Johanna Hautekiet

Universiteit Gent, België

Ksenia Repina

Moscow State Institute of International Relations

WERKWOORD CONSTRUCTIES IN OOST- EN WEST-VLAAMS

For citation: Hautekiet J., Repina K. Werkwoord constructies in Oost- en West-Vlaams. *Scandinavian Philology*, 2022, vol. 20, issue 1, pp. 18–30. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2022.102>

Dit artikel is gewijd aan werkwoordconstructies in West- en Oost-Vlaamse dialecten in de jaren 60 en 70. Het onderzoek werd uitgevoerd op basis van ‘Stemmen uit het Verleden’, een verzameling dialectbanden van de Universiteit Gent. Het doel van het onderzoek was de werkwoordconstructies te vinden die in de bovengenoemde Vlaamse dialecten op een andere manier worden gebruikt dan in het Standaard Nederlands en ze te beschrijven. Op basis van een aantal criteria zijn er 21 opnames onderzocht. Tot de gekozen werkwoordconstructies behoren *weten te + inf.*, *durven te + inf.*, *gaan + inf.* en *om/voor/van te + inf.* Verder wordt ingegaan op het gebruik van de bovengenoemde constructies. De auteurs vergelijken voorbeelden vanuit de standaardtaal met voorbeelden die in de bestudeerde teksten te vinden zijn. In sommige gevallen komen de resultaten van het onderzoek overeen met de norm van het Belgisch Nederlands, in andere gevallen blijken de constructies op een bijzondere wijze te worden gebruikt. We concluderen dat zowel *weten* als *durven* zonder partikel *te* worden gebruikt in de bestudeerde teksten. Het hulpwerkwoord *gaan* kan nooit als het enige werkwoord voorkomen en wordt altijd verdubbeld of zelfs verdriedubbeld. Daarnaast blijkt *voor te + inf.* de meest gebruikte constructie die doel uitdrukt, hoewel *om te + inf.* ook soms in deze functie voorkomt. *Van te + inf.* wordt echter in andere functies gebruikt en drukt nooit doel uit.

Stelutelwoorden: Vlaamse dialecten, Oost-Vlaams, West-Vlaams, werkwoord constructies, Stemmen uit het Verleden.

1. INLEIDING

Oost- en West-Vlaams zijn de dialecten van het Nederlands die in de provincies Oost- en West-Vlaanderen worden gesproken. Deze dialecten vormen twee grote dialectgroepen in Nederlandstalig België naast het Brabants en Limburgs en twee kleinere groepen die buiten België worden gesproken, namelijk Frans-Vlaams en Zeeuws-Vlaams. Het bestuderen van de Vlaamse dialecten is bijzonder interessant voor de huidige neerlandistiek want Vlaanderen blijft een regio waar de dialecten nog steeds van groot belang zijn ondanks de globalisatie.

Ons onderzoek werd uitgevoerd op basis van het corpus ‘Stemmen uit het Verleden’ — een van de grootste verzamelingen die neerlandici kunnen gebruiken om Vlaamse dialecten te onderzoeken. Dit is een verzameling dialectbanden die in de loop van de jaren 60 en 70 van de vorige eeuw aan de Universiteit Gent tot stand is gekomen. De collectie bevat 783 banden met gesprekken, gevoerd op 550 plaatsen, vooral in Frans-, West- en Oost-Vlaanderen.

De banden bevatten de levensverhalen van honderden Vlamingen, geboren rond 1900. Hun verhalen gaan over het dagelijks leven, bijvoorbeeld: werk, huishouden, kinderen, opleiding, hobby's, reizen, burens, gezondheid enz. De interviewer probeert een interessant, maar tegelijkertijd ook een dagelijks onderwerp te vinden voor de spreker zodat die de bijzonderheden van zijn of haar dialect op een natuurlijke wijze kan laten zien.

De hele verzameling is nu gedigitaliseerd en staat op de website *Dialectloket*¹.

Daar is een aparte pagina voor elke woonplaats met vermelding van de datum van de opname en informatie over de spreker(s), bijvoorbeeld hun namen, geboortjaar of beroep. Verschillende opnames zijn daarenboven voorzien van schriftelijke samenvattingen in het Standaard Nederlands.

Sommige opnames zijn voorzien van een handgeschreven of getypte transcriptie. Deze zijn gescand en aan de opnames toegevoegd. Hierin kan je het gesprek letterlijk volgen.

Het doel van het onderzoek was de werkwoordconstructies te bestuderen die in bovengemelde Vlaamse dialecten op een andere manier worden gebruikt dan in het Standaard Nederlands. Om dat doel te be-

---

¹ *Dialectloket*. Available at: www.dialectloket.be (accessed: 28.04.2022).

reiken zijn zulke constructies geselecteerd, is representatief materiaal verzameld en is het materiaal geanalyseerd om patronen te kunnen traceren en die te kunnen vergelijken met de gegevens die al door andere dialectologen zijn beschreven zoals Hugo Ryckeboer, Magda Devos, Reinhild Vandekerckhove en anderen.

Onder het Standaard Nederlands (verder: de standaardtaal) verstaan we het Nederlands dat in Nederland in alle belangrijke sectoren van het openbare leven wordt gebruikt, zoals het bestuur, de administratie, de rechtspraak, de media en het onderwijs [Heestermans, 1999]. Behalve het Standaard Nederlands kent men het Belgisch Nederlands of Standaard Vlaams, de standaardtaal in België. Momenteel is de standaardtaal in Nederland en België grotendeels identiek [Van der Sijs, 2004, p.8]. Alleen in de uitspraak nemen de verschillen juist toe, een van de voorbeelden daarvan is Poldernederlands in Nederland [Stroop, 2018, p.55]. Naast het Standaard Nederlands en het Belgisch Nederlands zijn de dialecten blijven voortleven zowel in Nederland als in Vlaanderen.

Voor het onderzoek werden twee grote dialectgroepen gekozen: Oost- en West-Vlaams. Er zijn 21 opnames onderzocht (433 bladzijden in totaal). Dat zijn de opnames vanuit de volgende steden:

- in Oost-Vlaanderen: Aalst, Wondelgem, Gent, Gentbrugge, Sint-Niklaas;
- in West-Vlaanderen: Brugge, Veurne, Ingelmunster, Ieper, Koksijde, Lendelede, Lombardsijde, Heule.

De volgende selectcriteria werden gebruikt om de opnames te kiezen:

1. Elke opname moet een handgeschreven of een getypte transcriptie hebben.

2. Er moet meer dan één opname voor een woonplaats zijn omdat er geen objectieve conclusies getrokken kunnen worden op basis van één spreker, wat een probleem vormde bij het bestuderen van de West-Vlaamse teksten. Er zijn namelijk over het algemeen minder opnames en ook minder transcripties aangaande West-Vlaamse dialecten. Daarom werd besloten soms ook de fragmenten van de naastgelegen plekken te gebruiken om algemenere conclusies te kunnen trekken. Dit is de reden waarom er meer West-Vlaamse steden op de lijst staan.

Voor dit onderzoek worden ‘werkwoordconstructies’ gedefinieerd als regelmatig in de reden gebruikte combinaties van een hoofdword

en een hulpwoord die in de loop der tijd als zelfstandig grammaticaal element gaan fungeren waarin tenminste een van de woorden een werkwoord is.

Deze interpretatie is gebaseerd op de definitie uit de *Lingvističeskij Enciklopedičeskij Slovar'*. Volgens LES kunnen ofwel woorden die hun lexicale betekenis hebben verloren (bijvoorbeeld hulpwerkwoorden *zijn*, *hebben* enz.) ofwel bijzondere functiewoorden (voorzetsels, lidwoorden enz.) als hulpelement in analytische constructies fungeren. Analytische constructies zijn constructies die uit een hoofd- (oftewel betekenisvol) en hulpwoord bestaan [Gak, 1990, p. 31]. De werkwoordconstructies die hier worden bestudeerd vertegenwoordigen beide groepen. Tot de eerste groep behoren *weten te + inf.*, *durven te + inf.*, *gaan + inf.*, tot de tweede — *om/voor/van te + inf.* In al de bovengenoemde constructies is het eerste element gedeselementiseerd en ze worden in de Vlaamse dialecten op een andere manier gebruikt dan in het Standaard Nederlands.

2. WETEN TE + INF.

Volgens de Algemene Nederlandse Spraakkunst wordt *weten* in de betekenis 'weten waar' gecombineerd met een lijdend voorwerp, *te* en een van de volgende infinitieven: *staan*, *liggen*, *zitten*, *hangen* of *wonen* [Haeseryn et al., 1997]: *Weet jij het uniform van vader te hangen?*

In Belgisch Nederlands wordt in dergelijke gevallen echter een infinitief gebruikt zonder *te* [Haeseryn et al., 1997]: *De bibliothecaris zal toch Van Dale wel weten staan?*

In de bestudeerde teksten komt deze constructie alleen voor in de opname vanuit Gentbrugge (Oost-Vlaanderen). Hoewel die 15 keer voorkomt (12 pagina's transcriptie), staat die altijd in de vorm van het perfectum. Daardoor blijft het onduidelijk of het ook in de tegenwoordige tijd zonder *te* wordt gebruikt:

- aar **heb** ik nog een pompe **weten staan** (p. 4);
- al de rest **heb** ik **weten zetten** (p. 7);
- **heb** ik nog een docteur **weten wonen** (p. 10).

In de tekst is ook een interessant voorbeeld te vinden met het werkwoord *lopen* dat niet in de lijst staat van ANS: *'k heb nog koeien en varkens weten lopen* (p. 3).

3. DURVEN TE + INF.

In Standaard Nederlands wordt *durven* altijd met *te* gebruikt [Haeseryn et al., 1997]: *Dat komt omdat ze hem niet de waarheid durfde te zeggen.*

Alleen onder bepaalde voorwaarden kan *te* in de standaardtaal weggelaten worden, namelijk in het geval dat *durven* als een groepsvormende infinitief wordt gebruikt of in de meervoudsvorm in een bijzin staat [Team Taaladvies]:

- *Hij zal niet durven (te) komen;*
- *Ik weet niet of zij haar de waarheid durven (te) vertellen.*

Als er voor *durven* al een andere *te* staat en als *durven* een deel van een werkwoordengroep vormt die uit drie of meer werkwoorden bestaat wordt *te* echter altijd weggelaten [Team Taaladvies]:

- *Ze schijnt haar de waarheid niet te durven vertellen;*
- *Ik zou haar dat niet durven laten doen.*

In de onderzochte teksten komt *durven* + *inf.* altijd zonder *te* voor zowel in Oost- als in West-Vlaamse dialecten. In de tegenwoordige tijd:

- *hij durft ook ne keer reclamere* (Gent, opname 2, p. 65, r. 30);
- *ze durft 'et zeggen* (Brugge, opname 2, p. 31).

In het imperfectum: *ik dierf nietske zeggen* (Sint-Niklaas, opname 1, p. 112, r. 550). In het perfectum: *die heeft nog durven zegge* (Gent, opname 3, p. 86, r. 25).

Er zijn ook voorbeelden van *durven* dat deel uitmaakt van een werkwoordengroep die uit drie of meer werkwoorden bestaat: *ze zou 't nie durven zeggen* (Brugge, opname 2, p. 31).

Opvallend is dat de infinitief die in al de bovengenoemde gevallen met *durven* gecombineerd wordt *zeggen* is. Er zijn slechts twee voorbeelden te vinden in de opname van Sint-Niklaas waar dat niet het geval is. Daar komen andere werkwoorden voor, namelijk *doorgaan* en *riskeren*:

- *dierven veel mensen nie(t) doorgaan* (Sint-Niklaas, opname 1, p. 103, r. 107);
- *zoudde gij da(t) nog durven riskeren* (Sint-Niklaas, opname 4, p. 141, r. 471).

Aldus worden zowel *weten* als *durven* in de onderzochte opnames zonder *te* gebruikt, wat echter de norm is voor de Vlaamse variant van de Nederlandse taal.

4. VERDUBBELING VAN HET HULPWERKWOORD GAAN IN DE TOEKOMENDE TIJD

In de standaardtaal wordt het werkwoord *gaan* als hulpwerkwoord gebruikt in de toekomstige tijd. Daarnaast kan *gaan* gebruikt worden om ruimtelijke overgang aan te duiden: *gaan slapen*, *gaan werken*. In het West-Vlaams kan *gaan* echter nooit als het enige hulpwerkwoord optreden, er moet altijd tenminste nog één werkwoord zijn: *'k moet gaan helpen*. Opvallend is dat het tweede hulpwerkwoord onder andere *gaan* van de toekomstige tijd kan zijn: *te naaste jare gaan we in Frankrijk gaan skieën*. Deze verdubbeling kan soms bewaard blijven in zinnen met toekomstend *gaan*. Daardoor krijg je zinnen waar het hulpwerkwoord drie keer voorkomt: *'k ga ook een keer in dat vaartje gaan gaan vissen* [Devos, Vandekerckhove, 2005, p. 90–91].

In onderzoeken die aan Oost-Vlaamse dialecten zijn gewijd komen ook voorbeelden voor van verdubbeling van *gaan* in het Oost-Vlaams [Baert, De Meersman, 1981, p. 9], maar we hebben zulke voorbeelden niet teruggevonden in de bestudeerde teksten.

In de bestudeerde West-Vlaamse teksten van ‘Stemmen uit het Verleden’ wordt *gaan* als hulpwerkwoord ook altijd verdubbeld. De verdubbeling zien we niet alleen in de tegenwoordige tijd, maar ook in het perfectum en imperfectum:

- *ik gaan gaarne gaan kaarten* (Brugge, opname 1, p. 7);
- *'k ga ik leren gaan dansen* (Brugge, opname 3, p. 63);
- *we moesten gaan gaan zoeken* (Koksijde, p. 11);
- *'k hên ik toen in zijn plekke gaan gaan werken* (Koksijde, p. 11).

Bovendien zijn er gevallen van driedubbel gebruik te vinden:

- *nonkel Seppen gaat nie' alle dagen gaan gaan komen* (Brugge, opname 2, p. 43);
- *als me vader ging gaan gaan werken* (Koksijde, p. 2).

5. OM/VOOR/VAN TE + INF.

In het Standaard Nederlands bestaat de beknopte bijzin *om te + inf.*, die voornamelijk doel uitdrukt (*Ik heb het gedaan om hem te helpen*). Daarnaast kan *om te* fungeren als een naamwoordelijk deel van het gezegde (*De muziek is niet om aan te horen*) of als een bijvoeglijke bepaling (*het was een prijs om van te schrikken*). In de bovengenoemde gevallen is

het gebruik van *om* wel verplicht, maar niet als de infinitiefconstructie fungeert als onderwerp (*Het valt niet mee (om) zo hard te moeten lopen*), lijdend voorwerp (*Je moet me beloven (om) nu eens op tijd naar bed te gaan*) of voorzetselvoorwerp (*Ik verlangde ernaar (om) eindelijk eens kennis met haar te maken*). Dan is het gebruik van *om* mogelijk, maar niet verplicht [Haeseryn et al., 1997].

In Vlaamse dialecten zijn daarentegen behalve *om te + inf.* nog andere beknopte bijzinnen te vinden, namelijk *voor te* en *van te + inf.* *Van te + inf.* wordt volgens Hugo Ryckeboer gebruikt in de gevallen waar *om* in de standaardtaal weggelaten kan worden [Ryckeboer, 1983, p. 83]. In de onderzochte teksten komt *van te + inf.* niet zo vaak voor en de resultaten komen niet altijd overeen met de resultaten van Hugo Ryckeboer. *Van te + inf.* komt wel voor zowel in West- als Oost-Vlaamse teksten in de functie van een lijdend of voorzetselvoorwerp dus waar *om* in de standaardtaal weggelaten kan worden:

- *En 'oe kwam dat toen Phil, dat uw vader op een zeker moment peinsde van een meulen te moeten bouwen* (Heule, p. 2);
- *hij spreekt niet van aan de universiteit te blijven* (Gent, opname 3, p. 81).

Daarentegen wordt deze constructie in West-Vlaanderen ook als bijvoeglijk bepaling gebruikt. In dit geval wordt *om* in de standaard normaal gesproken niet weggelaten: *de vis hadde tijd van hem te kweken* (Koksijde, p. 7).

Interessant is waar de constructie vandaan komt. Een mogelijke bron is de Franse infinitiefconstructie *de + inf.*, maar dit verschijnsel is nog niet genoeg onderzocht [Groeneboom-Draai, 1994, p. 468–469]. De vraag is of er betekenis- en gebruiksverschillen zijn tussen de bovengenoemde constructies.

Wanneer er in de Vlaamse dialecten *voor te + inf.* wordt gebruikt en wanneer *om te + inf.* — deze kwestie werd het onderzoeksonderwerp van Hugo Ryckeboer. Hij onderzocht deze infinitiefconstructies op basis van de voorbeelden die hij in de RND kon vinden. RND staat voor Reeks Nederlandse Dialectatlassen. Uit het onderzoek van Ryckeboer blijkt dat hij in de meeste gevallen geen duidelijke betekenisverschillen kon vinden en dat beide werkwoordconstructies heel vaak voorkomen in Vlaanderen. Dat wordt geïllustreerd op de volgende kaarten [Ryckeboer, 1983, p. 84] (Figure).

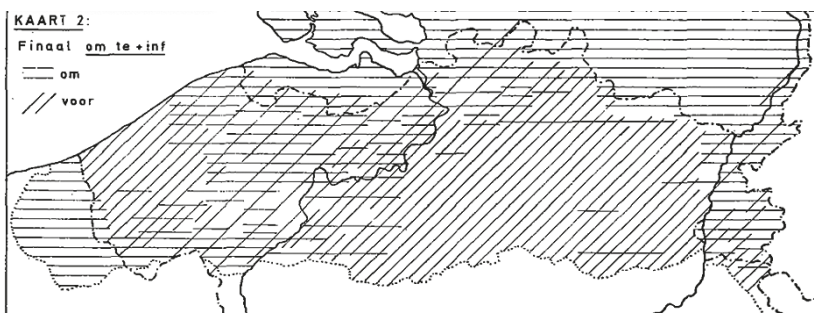
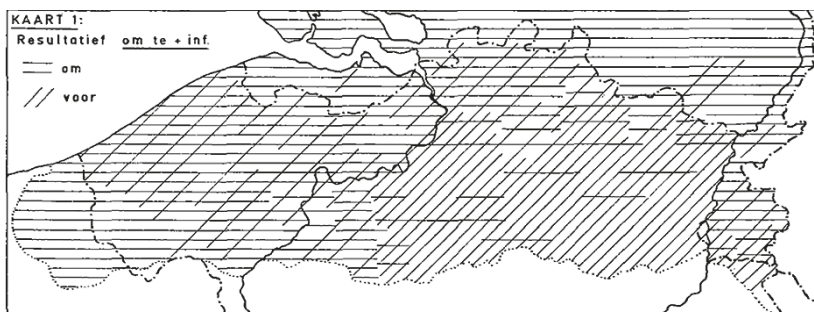

Fig. Om te + inf. en voor te + inf. [Ryckeboer, 1983]

5.1. Om/voor te + inf. In de West-Vlaamse dialecten

In de West-Vlaamse teksten uit 'Stemmen uit het Verleden' zijn alle drie constructies te vinden. We beginnen met de West-Vlaamse dialecten. We hebben West-Vlaanderen in drie onderdelen verdeeld: Brugge, de continentale regio en het kustgebied.

1. In de teksten vanuit Brugge vinden we geen *om te + inf.*, maar wel *voor te + inf.* Deze constructie wordt vooral gebruikt om doel uit te drukken:

- *'eeft nonkel Seppen dan maandagavond geweest naa' memé voo' te* zeggen (opname 1, p.17);
- *'k gaan ik maa juiste voor 'm t' oren zingen maa' voo' te spelen nie' wè* (opname 2, p.36).

Opvallend is dat er voorbeelden te vinden zijn waar de actor van de hoofdzin niet overeenkomt met de actor van de beknopte bijzin wat in de standaardtaal niet mogelijk is. Dan zou er in de standaardtaal een bijzin ontstaan met *zodat* of *opdat* (*We beginnen met enkele leuke activiteiten, zodat / opdat de groep elkaar beter leert kennen*) [Taaladvies]:

- *ze zagen me altijd gaarne wè in 't scholen ... voor' vuile werk(s)jes te doen* (opname 2, p. 51);
- *je gaf die menschen een 'alf frank(s)je, voor een beetje ... voor een beetje je werk te doen* (opname 3, p. 81).

2. In de continentale steden van West-Vlaanderen wordt meestal ook *voor te + inf.* gebruikt. *Voor te + inf.* drukt doel uit:

- *z' adden dikwijls 3 machines daar voor/ voor dat te doen draaien* (Heule, p. 9);
- *'k koste gaan te voet voor bie min broers te graok'ne* (Ingelmunster, p. 7).

Bovendien kan *voor te + inf.* als een bijvoeglijke bepaling optreden: *we maken plannen voor nog een vetstal te maken* (Lendeledede, p. 3).

Er zijn slechts een paar voorbeelden van het gebruik van doel dat wordt uitgedrukt met *om te + inf.*, maar die zijn alleen in Ingelmunster te vinden: *om 'n bitje te groei'n, 'k kroipe 'k ik vanboven up...* (Ingelmunster, p. 2).

3. In de teksten van de steden die aan de kust liggen, wordt zowel *voor te + inf.* als *om te + inf.* gebruikt wat met de kaarten van Hugo Ryckeboer overeenkomt. In de bestudeerde teksten drukt *voor te + inf.* doel uit:

- *ze zoen dat ook nog in tweën knippen voor te zien of 't geen valsen is* (Koksijde, p. 5);
- *...s navonds werken .... (wordt onderbroken) vo de vente klaar te doen en je karre te la(de)n* (Lombardsijde, p. 4).

Om te + inf. wordt daarentegen in de andere functies gebruikt bijvoorbeeld als onderwerp: *'t was moeilijk om aan de diereneten te gera-ken* (Koksijde, p. 4).

In Lombardsijde komen echter voorbeelden van doel uitdrukkinge *om te + inf.* voor: *om te kunnen kommanderen moe je kunnen werken* (Lombardsijde, p. 3). Misschien heeft dat te maken met het feit dat de spreker bij het gemeentehuis werkte en dus vaker met officiële schrifte-

lijke documenten werkte in vergelijking met andere sprekers die vooral boeren of handwerkslui waren.

Over het algemeen komt *voor te + inf.* in de West-Vlaamse teksten vaker voor dan *om te + inf.* *Om te + inf.* speelt echter een grote rol in de dialecten van het kustgebied waar *voor te + inf.* doel uitdrukt en *om te + inf.* in andere functies wordt gebruikt.

5.2. *Om/voor te + inf.* *In de Oost-Vlaamse dialecten*

De Oost-Vlaamse dialecten zijn ook vooral gekenmerkt door het gebruik van *voor te + inf.*

In Gent is maar één opname te vinden waar de sprekers *om te + inf.* als bijvoeglijke bepaling gebruiken. Deze sprekers zijn studenten, dus dat kan ook te maken hebben met hun leeftijd (de meeste sprekers zijn wel ouder) en het opleidingsniveau (zoals we het al eerder hebben gezegd zijn de meeste sprekers of boeren of handwerkslui): *echt ene om mensen mee dood te doen* (opname 3, p. 95, r. 3). Naast *om te + inf.* gebruiken de studenten ook *voor te + inf.* om doel uit te drukken: *'k heb al bij ne mens of twee drie geweest voor te vragen hoe...* (opname 3, p. 108, r. 20).

De andere Gentse sprekers (en ook de sprekers van de andere Oost-Vlaamse steden zoals Gentbrugge, Wondelgem en Aalst) gebruiken alleen *voor te + inf.*:

- *ik zitte te breien voor mijn brood te verdienen* (Gent, opname 2, p. 63, r. 15);
- *ik zie dat ze daar nu zand weg'alen waarschijnlijk voor te bouwen* (Wondelgem, p. 5);
- *'t lag daar een ponte voor de mensen over te zetten langs den anderen kant* (Gentbrugge, p. 6);
- *ik geef 'em twee stoelen: ene(n) voor 'em op te zetten...* (Aalst, opname 5, p. 81, r. 25).

De voorbeelden vanuit Sint-Niklaas verdienen aparte aandacht. Daar zijn zowel voorbeelden te vinden van *om te + inf.*, als *voor te + inf.* in allerlei functies. Beide constructies kunnen doel uitdrukken (1) en als bijvoeglijke bepaling dienen (2):

- (1) — *te voet gaan om ons bi(j)en te bezoeken* (opname 1, p. 105, r. 227);
— *me(t) water me(t) een beetjen voor (h)em in 't leven te brengen* (opname 4, p. 135, r. 172);

- (2) — *ze hadden genen tijd voor die te begraven* (opname 3, p. 125, r. 274);
— *brood om aan de vogels te geven* (opname 4, p. 141, r. 476).

Bovendien zijn er zinnen waar één spreker *voor te + inf.* en *om te + inf.* in één zin gebruikt: *messen om euhm... model te geven aan de klomp hé. Voor model te geven* (opname 4, p. 132, r. 20).

Op basis van de voorbeelden kan geconcludeerd worden dat de beknopte bijzin van doel *voor te + inf.* in Oost-Vlaanderen overheerst. De enige uitzondering is Gentbrugge waar beide constructies gelijkmatig vertegenwoordigd zijn en één Gentse opname waar de sprekers studenten zijn. Hun leeftijd en opleidingsniveau heeft hun taal ook kunnen beïnvloeden.

6. CONCLUSIE EN VERDER ONDERZOEK

In de bestudeerde teksten worden werkwoorden *weten* en *durven* zonder partikel *te* gebruikt wat de norm van het Belgisch Nederlands is. Het hulpwerkwoord *gaan* komt in de West-Vlaamse teksten nooit alleen voor en wordt altijd verdubbeld. In de Oost-Vlaamse teksten zijn geen voorbeelden gevonden van zo'n verdubbeling. Wat betreft de infinitiefconstructies *om/voor/van te + inf.* blijkt *voor te + inf.* de vaakst gebruikte constructie te zijn. De enige regio waar een duidelijk verschil getraceerd kan worden, is het West-Vlaamse kustgebied. Daar wordt *voor te + inf.* gebruikt om doel uit te drukken, terwijl *om te + inf.* in andere functies optreedt. Bovendien zijn er voorbeelden van *van te + inf.* te vinden. Die constructie wordt er als lijdend of voorzetselvoorwerp en als bijvoeglijke bepaling gebruikt.

De resultaten van deze analyse vormen een basis voor verder onderzoek naar Vlaamse werkwoordconstructies en naar andere dialecten van Nederlandstalig België. 'Stemmen uit het Verleden' is een unieke verzameling die nog veel onderzoeksmateriaal bevat. Verder onderzoek moet uitwijzen hoe de bovengenoemde werkwoordconstructies in de andere West- en Oost-Vlaamse teksten worden gebruikt. Verder zullen ook andere werkwoordconstructies bestudeerd moeten worden die in het Vlaams anders worden gebruikt dan in de standaardtaal.

REFERENCES

Baert M. A., De Meersman A. Gaan Vlamingen altijd gaan dansen? *Taal en Tongval*, 33, 1981. P.5-15.

- Devos M., Vandekerckhove R. West-Vlaams. *Taal in stad en land*. Tielt, 2005. 170 p.
- Gak V. Analytisme. *Linguistic Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1990. P.31. (In Russian)
- Groeneboom-Draai E. De Rotterdamse Woelreus. De Rotterdamsche Hermes (1720–1721) van Jacob Campo Weyerman: Cultuurhistorische verkenningen in een achttiende-eeuwse periodiek. Brill, 1994. 628 p.
- Haeseryn W. K., Romijn G. Geerts, de Rooij J., van den Toorn M. C. *Algemene Nederlandse Spraakkunst*. Tweede, geheel herziene druk, 2 banden. Groningen/Deurne: Martinus Nijhoff uitgevers/Wolters Plantyn, 1997. XXVIII + XXIX + 1717 p. Available at: <http://ans.ruhosting.nl> (accessed: 10.02.2022).
- Heestermans H. *Vergeeten woorden: Onze Taal Taalcahiers*. Den Haag: Sdu, 1999. Available at: <https://taaladvies.net/wat-is-standaardtaal-algemeen/> (accessed: 27.02.2022).
- Ryckeboer H. Voor te + infinitief. Verkenning naar de dynamiek van een dialectisme. *Taal en Tongval*, 35, 1983. P.83–89.
- Stemmen uit het verleden*. Dialectenverzameling van de universiteit Gent. Available at: www.dialectloket.be (accessed: 10.02.2022).
- Stroop J. Van dialect naar ABN naar Poldernederlands. Over ontstaan, opkomst en verloop van onze omgangstaal. *Wat iedereen van het Nederlands moet weten en waarom*. Eds Van der Sijs N., Stroop J., Weerman F. Amsterdam, 2018. P.55–65.
- Taaladvies*. Available at: https://taaladvies.net/taal/advies/vraag/629/opdat_zodat/ (accessed: 10.02.2022).
- Team Taaladvies*. Available at: <https://www.taaltelefoon.be/durven-durven-te> (accessed: 10.02.2022).
- Van der Sijs N. *Voorwoord bij de reeks "Taal in stad en land"*. Frans-Vlaams. Tielt, 2004. P.5–14.

Johanna Hautekiet

Ghent University, Belgium

Ksenia Repina

Moscow State Institute of International Relations

VERB CONSTRUCTIONS IN WEST AND EAST FLEMISH DIALECTS

For citation: Hautekiet J., Repina K. Verb constructions in West and East Flemish dialects. *Scandinavian Philology*, 2022, vol. 20, issue 1, pp. 18–30. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2022.102> (In Dutch)

The article deals with verb construction in West and East Flemish dialects in the 1960s and 1970s. The research was based on the unique dialect collection of the Ghent University *Stemmen uit het Verleden* (“Voices from the Past”). The main objective of the paper is to find verb constructions that are specific only for the Flemish dialects and to describe them. Based on a number of criteria, 21 recordings were examined. The article

gives a detailed analysis of the use of such verb constructions as *weten te + inf.* ('to know where something is located') and *durven te + inf.* ('to dare to do something'), *gaan + inf.* ('going to') and the infinitive constructions *om/voor/van te + inf.* In some cases, the results of the research correspond to the standard of Belgian Dutch, in other cases the constructions appear to be used in a specific way. We conclude that both *weten + inf.* and *durven + inf.* are used in the texts without the particle *te*. Auxiliary verb *gaan* can never occur as the only verb and is always doubled or even tripled. Besides, *voor te + inf.* turned out to be the most commonly used construction to express the aim of an action, although *om te + inf.* also frequently occurs in the function. *Van te + inf.*, however, is used in other functions and never expresses purpose.

Keywords: Flemish dialects, East-Flemish, West-Flemish, verb constructions, *Voices from the Past*.

Johanna Hautekiet

Senior Lecturer,
Ghent University,
45, Groot-Brittanniëlaan, Ghent, 9000, Belgium
E-mail: Johanna.Hautekiet@UGent.be

Ksenia Repina

Master in Philology, Lecturer,
Moscow State Institute of International Relations,
76, pr. Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation
E-mail: ksrepina96@gmail.com

Received: February 27, 2022

Accepted: March 9, 2022

УДК 811.113.4

Анастасия Немцева

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ЛЕКСЕМ NOGET, MEGET И LIDT В ДАТСКОМ ЯЗЫКЕ*

Для цитирования: Немцева А. А. Особенности употребления количественных лексем *noget*, *meget* и *lidt* в датском языке // Скандинавская филология. 2022. Т. 20. Вып. 1. С. 31–41. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2022.103>

В статье исследуются особенности употребления количественных лексем среднего рода *noget*, *meget* и *lidt* с существительными общего рода единственного и множественного числа в современном датском языке. Употребление таких лексем связано с двумя тенденциями, обе из которых сопровождаются в датском языке нарушением грамматической нормы, когда при лексемах среднего рода употребляются существительные общего рода (*noget mad*, *noget sygdom*, *meget tid* и т. д.). Кроме того, анализ языкового материала показывает, что все чаще в датском языке оказывается возможным употребление рассматриваемых единиц с исчисляемыми существительными (*noget ananas*, *meget læge*, *lidt problemer*, *noget mand*). Обе тенденции связаны с актуальным для датского языка противопоставлением дискретности/недискретности. В современном датском языке недискретность связана с лексемами среднего рода *noget*, *meget*, *lidt*, когда денотаты мыслятся как нерасчлененное множество. Недискретными могут быть представлены в датском языке различные денотаты. Значительной группой, однако, являются те существительные, семантика которых связана с едой (*en ananas* — *noget ananas*; *en kage* — *noget kage* и т. д.). Рассогласованное употребление по роду и исчисляемости/неисчисляемости количественных лексем может привести к изменению в значении существительного, когда, например, абстрактные существительные приобретают более конкретное значение (ср. *kunst* ‘искусство’ и *noget kunst* ‘произведение искусства’). Кроме того, нарушение грамматической нормы может быть связано с прагматическими факторами, когда говорящий выражает свое отношение к ситуации, подчеркивает ее незначительность для слушающего, что чаще всего проявляется в контекстах с существительными событийной

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00146.

семантики (*fest* ‘праздник’, *dåb* ‘крестины’, *sammenkomst* ‘вечеринка’). Языковые примеры в настоящей статье взяты из датских телесериалов, телевизионных передач и живой диалогической речи датчан.

Ключевые слова: количественные лексемы, прагматика, дискретность/недискретность, категория числа, категория рода, категория количества, неопределенное количество.

Анализ употребления количественных лексем *noget*, *meget* и *lidt* в датском языке является актуальным в свете современных тенденций в грамматике датского языка, связанных в первую очередь с семантизацией рода в датском языке, когда за средним родом закрепляется семантический смысл «вещество», а также недискретность.

В датском языке *noget*, *meget/mange* и *lidt/få* употребляются для выражения неопределенного количества. Использование тех или иных языковых средств зависит от того, является ли существительное, с которым они употребляются, исчисляемым или неисчисляемым. С неисчисляемыми существительными для обозначения неопределенного количества употребляется лексема *noget*, для обозначения значительного количества — *meget* и для обозначения незначительного количества — *lidt*.

1. *I Aarhus og omegn findes der en række fantastiske ostehandlere, som med garanti har noget ost, der passer lige ind i din smag.* — ‘В Орхусе и в его окрестностях есть много потрясающих сырных лавок, в которых наверняка есть какой-то сыр, который придется тебе по вкусу’.
2. *Får barnet for meget mælk, bliver det ofte for mæt til at indtage andre fødeemner, hvilket bl.a. kan medføre jernmangelanæmi.* — ‘Если ребенок пьет слишком много молока, он становится слишком сытым, чтобы есть что-то другое, что, в частности, приводит к анемии’.
3. *Vil du ikke have lidt vin? Der er glas ude i køkkenet.* — ‘Ты не хочешь вина? На кухне есть бокалы’.

Однако в современном датском языке эти лексемы употребляются с нарушением грамматической нормы. Как отмечают датские исследователи, они стали в датском языке так называемыми *bestemmerord* (детерминативами), которые не согласуются по роду с последующим существительным: «с 1986 г. в орфографическом словаре фиксируется, что корректны обе формы: “vi fik for megen el. meget mad”, и хотя обе эти формы официально правильны, нет никакого сомнения в том, что многие считают устаревшим и формальным употребление формы *megen*» [Трап-Йенсен, 2008].

Из рассматриваемых в настоящей статье лексем только *lidt* является неизменяемой и может употребляться с существительными обоих родов в форме единственного числа. Лексемы *meget* и *noget* имеют формы общего рода, однако форма *meget* почти вышла из употребления и считается устаревшей; форма *nogen* употребляется с конкретными существительными общего рода, но в основном в вопросительных и в отрицательных предложениях, а также в условных придаточных.

Таким образом, все рассматриваемые количественные лексемы употребляются с существительными как среднего, так и общего рода. Факт рассогласованного употребления рассматриваемых лексем с существительными с вещественной и абстрактной семантикой не вызывает сомнения и подтверждается многочисленными примерами как из письменной, так и из устной речи. Интересной в связи с настоящим исследованием является другая тенденция, также связанная с нарушением грамматической нормы, а именно употребление этих лексем с исчисляемыми существительными как в форме единственного, так и в форме множественного числа.

Языковой материал настоящей статьи взят из датских телепередач (*Aftenshowet, I Danmark er jeg født, Tillykke, I skal have trillinger!, I hus til halsen*), сериалов (*Forbrydelsen, Nikolaj og Julie, Arvingerne, Ulven kommer*), а также из разговорной речи датчан.

1. ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ *NOGET*

Noget, употребляясь с существительными с вещественной семантикой, может выполнять функцию неопределенного артикля. В грамматике датского языка отмечается, что неисчисляемые существительные, как, например, *legetøj* 'игрушки', *mad* 'еда', *mel* 'мука', *vin* 'вино' иногда присоединяют форму *noget*, которая может рассматриваться как своего рода неопределенный артикль при вещественных существительных [Politikens Nudansk grammatik, 2001, s. 56].

Однако, как показывает языковой материал, *noget* может употребляться с исчисляемыми существительными, обозначающими фрукты и овощи.

1. *Jeg har købt en ananas, som bare er sur som jeg ved ikke hvad.* — 'Я купила такой кислый ананас, что даже не знаю, как сказать.'
2. *Der er noget ananas.* — 'Там есть ананас.'

В первом примере имеется в виду целый ананас, поэтому это существительное употребляется с неопределенным артиклем. Во втором примере мама приглашает детей на кухню, где на блюде лежит ананас, порезанный на кусочки. В таком случае существительное «ананас» предстает как масса со значением «какое-то количество ананаса».

Такую же особенность имеет и существительное *fisk* 'рыба'. Оно может являться исчисляемым существительным со значением «позвоночное водное животное с конечностями в виде плавников, дышащее жабрами» и в таком случае употребляться, в частности, с количественной лексемой *mange*:

De var trætte, når de nåede hjem efter sådan en dag, men de var også glade, for de kom hjem med mange fisk. — 'Они были уставшие, когда вернулись домой после такого дня, но вместе с тем они были счастливые, так как пришли домой с большим количеством рыбы'.

В то же время при употреблении данного существительного в значении «еда» форма множественного числа не образуется, и в датском языке оказывается возможным использовать это существительное с количественными лексемами среднего рода.

1. *Jonas prøvede at give Hugo noget fisk.* — 'Йонас пытался дать Хуго рыбу'.
2. *Somalierne spiser ikke ret meget fisk selv.* — 'Сомалийцы едят не очень много рыбы'.

Noget может менять лексико-семантический вариант не только у тех существительных, чья семантика связана с продуктами питания. Например, существительное *skov* 'лес' может быть конкретным и, соответственно, употребляться в форме множественного числа:

New Zealand er også kendt for sine mange bregner. Nogle skove består næsten ikke af andet. — 'Новая Зеландия известна своими многочисленными папоротниками. В некоторых лесах иногда не растет ничего другого'.

Здесь при существительном *skov* употребляется местоименная форма множественного числа *nogle*, которая имеет значение «некоторые».

В контексте с *noget* и с *mere* это существительное имеет значение «лесной массив». В телесериале «Преступление» полицейский, осматривая место преступления, спрашивает:

- *Hvad ligger der i den retning?*
- *Der er bare noget mere skov.*
- ‘Что находится в том направлении?’
- Там просто еще лес’.

В данном примере существительное *лес* обозначает не дискретный денотат, а денотат, не имеющий четких границ. Для таких случаев О. Хансен использовал термин *uafgrænset* (букв. ‘неограниченное’) [Hansen, 1927; Hansen, 1961]. Кроме О. Хансена, разграничение денотатов на дискретные и недискретные рассматривал в своих работах и Л. Ельмслев. В его статье для выражения недискретности используется понятие *det uformede* (букв. ‘бесформенное’) [Hjelmslev, 1956].

Недискретность выражается и при употреблении существительного *by* ‘город’ с неопределенным местоимением среднего рода *noget*:

Der er rent faktisk noget by, der er noget liv. — ‘На самом деле там есть город, какая-то жизнь’.

В этом примере существительное общего рода *by* употребляется с местоименной лексемой среднего рода *noget*. В данном случае имеется в виду ночная жизнь, развлечения.

Noget может употребляться с исчисляемыми существительными общего рода не только для выражения недискретности, но и для выражения оценки:

Der var noget mand over det. — ‘В этом (поступке. — А. Н.) было что-то мужское’.

Следующий пример взят из интервью с известным человеком, который рассказывал, что собирается сменить род деятельности. Гости программы должны были угадать, чем он собирается заниматься. Один из гостей предположил:

Jeg tror, du skal være noget vicevært. — ‘Я думаю, ты будешь кем-то вроде управляющего домом’.

В данном случае говорящий не очень уверен, поэтому он употребляет *noget* («что-то вроде управляющего»).

Таким образом, *noget* употребляется не только с вещественными существительными в роли неопределенного артикля, но и с конкретными существительными, когда они обозначают неди-

скретные денотаты. *Noget* может также употребляться с исчисляемыми существительными в оценочных высказываниях и в высказываниях, в которых выражается неуверенность говорящего или незначительность информации для слушающего.

2. ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ *LIDT*

Лексема *lidt*, как было отмечено выше, употребляется с неисчисляемыми существительными обоих родов для выражения незначительного количества.

1. *Mit uddannelsesvalg har nok været forkert idet jeg valgte pga. lokation og ikke pga den store interesse. Har dog lidt interesse inden for uddannelsen.* — ‘Выбор мной образования был, наверное, неправильным, так как я выбрал его из-за расположения университета, а не из-за большого интереса. Однако некоторый интерес к этой сфере у меня есть.’
2. *Tom og Falk gik hen til kantinen for at drikke lidt kaffe, inden de kørte hjem.* — ‘Том и Фальк пошли в столовую, чтобы попить немного кофе, прежде чем поехать домой.’

Однако, как показывает языковой материал, *lidt* может употребляться и с исчисляемыми существительными:

Vi holder lige lidt fest. — ‘У нас тут небольшая вечеринка.’

По-видимому, в данном примере *lidt* имеет наречную функцию, и его можно перевести на русский язык сочетанием «мы немного веселимся».

Интересно, что в современном датском языке встречаются случаи употребления *lidt* и с существительными в форме множественного числа, с которыми, в соответствии с грамматической нормой, употребляется лексема *få* (*få danskere* ‘мало датчан’). Такое употребление характерно для контекстов с существительными, обозначающими фрукты и овощи.

1. *Der er lidt grøntsager her.* — ‘Здесь немного овощей.’
2. *Jeg har købt lidt gule ærter til dig.* — ‘Я купил тебе немного желтого гороха.’

В данных примерах существительные рассматриваются как нерасчлененное множество, то есть как недискретная однородная совокупность [Плунгян, 2000, с. 280].

Нам встретились примеры употребления *lidt* с существительным в форме множественного числа не только с существительными, обозначающими фрукты и овощи:

Der har været lidt problemer med anbringelsen af de sigtede i nat. — ‘Ночью возникли небольшие проблемы с задержанием подозреваемого’.

Употребление *lidt* в данном случае свидетельствует о незначительности ситуации для слушающего и связано с желанием говорящего смягчить проблему, показать, что проблемы были, но нет необходимости говорить об этом подробно. Если в данных контекстах употребить *nogle*, то это будет означать, что были проблемы, о которых стоит поговорить отдельно. Интересно, что в данном примере возможно и употребление лексемы *få* ‘мало’, которая является оценочной единицей обозначения количества, и ее употребление свидетельствовало бы о том, что проблем было на удивление мало.

Таким образом, лексема *lidt* также может употребляться с исчисляемыми существительными как в форме единственного, так и в форме множественного числа для обозначения недискретных денотатов и для выражения позиции говорящего.

3. ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ *MEGET*

Meget — количественное прилагательное, имеющее формы общего рода и множественного числа (*megen, mange*), однако, как было отмечено выше, форма общего рода практически вышла из употребления и воспринимается носителями языка как устаревшая. *Meget* употребляется с неисчисляемыми существительными обоих родов и имеет значение «много».

1. *Hun havde drukket alt for meget vin.* — ‘Она выпила слишком много вина’.
2. *Korrespondancen strakte sig over nogle uger, indtil de to havde fattet så meget interesse for hinanden, at de besluttede sig for at udveksle telefonnumre.* — ‘Переписка продолжалась несколько недель, прежде чем они настолько заинтересовались друг другом (букв. у них появилось так много интереса друг к другу), что они решили обменяться телефонами’.

В современном датском языке лексему *meget* затрагивают те же тенденции, что и лексемы *noget* и *lidt*, а именно употребление с исчисляемыми существительными. В особую группу здесь выделяют-

ся существительные, чья семантика связана с едой. Так, например, существительное *kage* в зависимости от употребления может иметь разные лексико-семантические варианты. Употребляясь с неопределенным и определенным артиклем, оно имеет значение «торт, пирог»:

Jeg lover Dem, at det er en dejlig kage, og den er jo ikke vanskelig at bage. — ‘Уверю Вас, это прекрасный пирог, и его легко печь’.

Это существительное в данном лексико-семантическом варианте употребляется с количественной лексемой *mange* для выражения значительного количества:

Under julebagningen i hæftet finder De sikkert mange gode kager. — ‘В разделе «Рождественская выпечка» Вы наверняка найдете много хороших тортов’.

В то же время данное существительное может иметь лексико-семантический вариант «десерт, что-нибудь сладкое» при употреблении с количественными лексемами *meget* и *noget*:

Han drikker ca. 10 liter te og ligeså meget cola om ugen, spiser meget kage og læser altid Anders And. — ‘Он пьет примерно 10 литров чая и так же много колы в неделю, ест много сладкого и всегда читает комиксы’.

В данном примере существительное *kage* в сочетании с количественной лексемой *meget* имеет значение «что-то сладкое».

Форма *mere*, которая является сравнительной степенью от *meget*, тоже может употребляться с исчисляемыми существительными, в частности с существительным *kage*:

Kan du bringe os mere kage? Sagde Rosa til alfen. Så kom alfen med mere kage. — ‘Ты можешь принести нам больше пирога? — сказала Роза эльфу. И эльф принес еще пирога’.

В данном примере имеется в виду не «больше тортов» (*flere kager*), а «больше торта» (*mere af kagen*).

Интересное употребление формы сравнительной степени *mere* находим и в заголовке в учебнике датского языка для иностранцев *Vi taler dansk*, где эта форма употребляется с исчисляемым существительным *familie* ‘семья’:

mere familie — ‘больше родственников’

Это связано с тем, что в датском языке существительное *familie* может иметь значение «семья», а может и приобретать значение

«родственники» при употреблении с неопределенным местоимением *noget*:

Jeg har fundet noget familie i Sverige. — ‘Я нашел родственников в Швеции.’

Заголовок в учебнике отсылает именно к этому значению существительного *familie*. Под ним приводится список слов со значением «родственники» в датском языке.

Возвращаясь к особенностям употребления *meget*, стоит отметить, что языковой материал подтверждает возможность употребления *meget* с исчисляемыми существительными самой разной семантики:

Der har været meget sygdom. — ‘Было много болезни (много болели)’.

На русский язык такие контексты переводятся глагольными сочетаниями.

В то же время при употреблении существительного *sygdom* в своем прямом значении мы видим использование формы *mange*:

Fedme er årsag til mange sygdomme. — ‘Ожирение — причина многих заболеваний’.

Рассогласование по дискретности/недискретности наблюдается и в следующем примере, когда исчисляемое существительное *læge* ‘врач’ употребляется с лексемой *meget*:

Lige i starten er der så meget læge og blodprøver og test af hjerner og hjerner og alle de ting der. — ‘Вначале было очень много врачей и анализов крови, анализ работы сердца, головного мозга и всего остального’.

В этом примере словосочетание *meget læge* имеет значение «много посещений врачей».

Таким образом, конкретные существительные, употребляясь с рассматриваемыми местоименными лексемами, могут приобретать более абстрактное значение.

Выражение недискретности с помощью *meget* встречается и в норвежском языке, где возможными оказываются следующие сочетания:

Nå var det mye barn her. — ‘Как много здесь детей’ [Stubhaug, 2005].

В данном примере при лексеме *mye*, соответствующей лексеме *meget* в датском языке, употребляется существительное в форме множественного числа. Е. Стубхауг пишет, что в данном случае говорящий подразумевает детей как *skrikende og masete masse*

(букв. 'кричащая и суетливая масса'), то есть не воспринимает каждого ребенка отдельно, а рассматривает детей как группу, имеющую особые характеристики.

Как показывает анализ языкового материала, возможность употребления количественных лексем среднего рода с исчисляемыми существительными как в форме единственного числа, так и в форме множественного числа связана с актуальным для датского языка разделением денотатов на дискретные и недискретные. Недискретность в датском языке выражается двумя способами:

- местоименные лексемы среднего рода + существительные общего рода;
- местоименные лексемы среднего рода + существительные в форме множественного числа.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в датском языке наблюдается семантическая связь лексем среднего рода *noget*, *meget*, *lidt* с недискретностью не только вещества, но и конкретных предметов. Кроме того, употребление форм среднего рода может быть связано с позицией говорящего, когда он выражает оценку ситуации, ее незначительность для слушающего или неуверенность. Представляется, что выражение семантического смысла «недискретность» является в ряде случаев настолько важным, что говорящей даже пренебрегает грамматической нормой.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Hansen A. *Bestemt og ubestemt substantiv*. Kjøbenhavn: Arnold Busck, 1927. 180 s.
- Hansen A. *Vort vanskelige sprog*. København: Grafisk forlag, 1961. 164 s.
- Hjelmlev L. Om numerus og genus. *Festskrift til Christen Møller på 70-årsdagen 11 juni*. Borgen, 1956. S. 167–190.
- Plungian V. A. *General morphology. Introduction*. Moscow: Editorial URSS Publ., 2000. 384 p. (In Russian)
- Politikens Nudansk grammatik*. København, 2001. 181 s.
- Stubhaug E. *A trekke ut leksikalsk informasjon om tellbarheten til norske substantiver ved hjelp av korpusmetoder*. Oslo: Universitetet i Oslo, 2005. 38 s.
- Trap-Jensen L. Lidt om meget. 2008. *Sproget.dk*. Available at: <https://sproget.dk/raad-og-regler/artikler-mv/sprogligt-politikens-sprogklumme/16-januar-2008> (accessed: 27.02.2022).

Статья поступила в редакцию 13 сентября 2021 г.,
рекомендована к печати 14 февраля 2022 г.

Anastasia Nemtseva

Lomonosov Moscow State University

PECULIARITIES OF DANISH DETERMINERS *NOGET*, *MEGET* AND *LIDT**

For citation: Nemtseva A. A. Peculiarities of Danish determiners *noget*, *meget* and *lidt*. *Scandinavian Philology*, 2022, vol. 20, issue 1, pp. 31–41.

<https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2022.103> (In Russian)

This article explores the use of Danish neuter gender quantifiers *noget*, *meget*, and *lidt* with singular and plural common gender nouns. The use of these lexemes can be explained by the two tendencies in modern Danish, both of which entail the violation of the grammatical norm, i. e. the use of common gender nouns with neuter gender lexemes (*noget mad*, *noget sygdom*, *meget tid* etc.). The study of linguistic data also demonstrates that the use of these units in combination with countable nouns is getting more common in the Danish language (*noget ananas*, *meget læge*, *lidt problemer*, *noget mand*). Both tendencies are relevant to the dichotomy “discreteness/non-discreteness” present in modern Danish, where non-discreteness is connected with neuter gender lexemes, such as *noget*, *meget*, *lidt*, while denotations are thought of as one unit. Various denotations can be non-discrete in Danish. A vast group is constituted by nouns related to food (*en ananas* — *noget ananas*; *en kage* — *noget kage* etc.). Lack of agreement in gender as well as number between a noun and a quantifier may cause a shift in meaning of a noun, thus abstract nouns acquire a more particular meaning, i. e. *kunst* ‘art’ and *noget kunst* ‘a work of art’. It shall also be noted that the change of grammatical norm may be connected with pragmatics, when the speaker expresses his attitude towards the situation, underlying its insignificance to the listener, which is often seen in contexts where nouns describing some events are used (*fest* ‘celebration’, *dåb* ‘christening’, *sammenkomst* ‘party’). Examples presented in this article are taken from Danish tv-series, TV programs and everyday communication.

Keywords: quantifiers, pragmatics, discreteness/non-discreteness, the category of number, the category of gender, the category of quantity, indefinite quantity.

Немцева Анастасия Алексеевна

кандидат филологических наук, старший преподаватель,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Email: anastdansk@yandex.ru

Anastasia Nemtseva

PhD in Philology, Senior Lecturer,
Lomonosov Moscow State University,
1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

Email: anastdansk@yandex.ru

Received: September 13, 2021

Accepted: February 14, 2022

---

* With the support from the Russian Foundation for Basic Research, grant No. 19-012-00146.

UDC 811.113.6 + 811.511.111

Natalia Osmak

Herzen State Pedagogical University of Russia

Yana Bocharova

ITMO University

Herzen State Pedagogical University of Russia

SOME OBSERVATIONS ON DISTANCE MEASUREMENT WORDS IN FINNISH AND SWEDISH

For citation: Osmak N., Bocharova Ya. Some observations on distance measurement words in Finnish and Swedish. *Scandinavian Philology*, 2022, vol. 20, issue 1, pp. 42–60. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2022.104>

The paper presents an overview of words denoting units of measurement in the Finnish and Swedish languages. Comparative studies between these two languages seem relevant because they have been used in the neighboring regions and countries with a long history of political, cultural, and people-to-people interaction. First, the study describes metalexemes of space and distance in Swedish and Finnish. Next, using thesauri, topical dictionaries and corpora, the study applies the combination of quantitative and qualitative approaches to identify and evaluate pragmatics and communication context for utterances of measure words. Then, the paper identifies several categories of measurement words in the languages, taking etymology into consideration, such as traditional measures, SI-units, foreign units and analyzes their use in the contexts of corpora representing modern discourse. The paper highlights the differences and similarities in how Swedish and Finnish use different categories of the vocabulary items. The detailed analysis of contexts provides observations about collocations and topics of news where these measure words occur. Moreover, the study addresses the impact of Swedish and Russian on Finnish, due to the historical and political circumstances. According to the data studied, the study infers that Finnish and Swedish use all types of measurement words. However, the frequency, contexts of the occurrences and speech situations differ. Some categories tend to be used in a limited amount of topics, while others have no restrictions in usage. The study is expected to contribute to practical dimensions of working with the languages, namely teaching and translation.

Keywords: Finnish, Swedish, spatial metalexemes, words of measurement, historical units of measurement, Scandinavian units of measurement, Russian units of measurement.

1. INTRODUCTION

The paper attempts to overview a set of vocabulary — distance measurement words — in Finnish and Swedish. Despite the differences in the origins of the Finnish and Swedish languages, the two languages have been used in the neighboring regions and countries with a long history of political, cultural, and people-to-people interaction, making comparative studies between them especially relevant.

Today, Finnish and Swedish are official national languages in Finland, and in the Åland Islands Swedish is the only language of official use. Swedish is therefore not considered a foreign language in Finland. Sweden recognizes several official minority languages, including Finnish and Meänkieli. The latter is often seen as a separate group of Finnish dialects.

Throughout history, Sweden formed unions with Denmark and Norway, while Finland was a part of the Swedish Kingdom and the Russian Empire. It resulted in mutual influence between nations and cultures which can be traced in the languages.

The two different cultures, Russian and Swedish, and their influence are traditionally described as *Eastern* and *Western* respectively. Inter alia, the difference can be traced in how different regions of Finland used to apply different measurement systems for expressing the idea of distance within the same country. The Eastern part of Finland is traditionally viewed as being under Russian influence, and some evidence can be found both in the language, culture, and religious rituals. For instance, the Finnish Karelia, bordering Russia, always carried on trade with Russian merchants. The continuous communication led to the integration of some Slavic loan words to a wide range of semantic groups including measurement.

2. SPATIAL METALEXEMES IN FINNISH AND SWEDISH

Distance and measurement words seem to be a relevant choice for a comparative overview since the concept of distance belongs to the domain of space, one of the key ancient metaconcepts.

As Elena Kubryakova notes, *subject (matter)* and *space* represent the main categories of existence [Kubryakova, 2000, p. 85]. Kubryakova describes two systems of world view, namely what-system and where-system [Kubryakova, 2000, p. 88]. The former places an object in the first

place distinguishing it from the surrounding backdrop and the latter serves for identifying the object's position in space, including distance between different objects. It is the second system that enables conceptualization of closeness and remoteness, changes in object's visual appearance depending on its distance from the observer, etc.

Johanna Viimaranta highlights that the fact that space cannot be directly reflected in language explains why different languages can express space differently despite the assumedly universal experience that humans have of space. She mentions that Herbert Clark suggested differentiating P-space for defining the properties of space as a physical entity and L-space — space in language [Viimaranta, 2006, p. 24]. To conclude, P-space is considered to be universal, but L-space differs from language to language, representing the mentality.

Even though *distance* is widely perceived as a scientific physical phenomenon, perceiving and measuring distance seems equally if not more important for the “naive” world picture. According to Yury Apresyan [Apresyan, 1997, p. 272], references to the naive world view can open up new opportunities for finding correlation between meanings of words and reality because the naive picture of the world in a given language reflects the unique way the speakers of the language perceive their surroundings.

Given the importance of describing space and its components as one of the fundamentals of people's perception of the world both in science and the naive world view, different languages develop corresponding metalexemes.

Evgenia Vorobyeva [Vorobyeva, 2011, p. 24–26] suggests seven properties of metalexemes. Thus, according to the author, metalexemes tend to be general lexemes which cannot be divided into components.

Consequently, the following Swedish metalexemes appear to reflect a more general concept of space — *rum* ‘space, room,’ *utrymme* ‘space,’ *plats* ‘place’ and distance — *längd* ‘length,’ *avstånd* ‘distance,’ *sträcka* ‘distance, reach,’ *mått* ‘measure,’ *dimension* ‘dimension.’ These lexemes are used to describe different spatial characteristics, for example, *fasadens längd* ‘length of façade’ and often form part of compound words describing space and distance, such as *armbågsrum* ‘elbow room.’

As for Finnish, we can define spatial metalexemes as words representing the same general concepts, for instance *paikka* ‘place,’ *tila* ‘space,’ *sija* ‘place, space,’ *väli* ‘distance, place,’ *matka* ‘distance,’ *mitta* ‘dimen-

sion, *pituus* 'length'. As in Swedish, they often appear to be parts of compound words (*työpaikka* 'workplace', *tavaratila* 'trunk') and are used for the same purposes (*sillan pituus* 'length of bridge').

It is worth mentioning that spatial metalexemes have obvious connection with temporal expressions and spatial conceptualization can be used for temporal concepts, especially in Finnish [Viimaranta, 2006, p.23–25].

However, metalexemes seem to express the most universal idea, so called P-space. In order to understand more precisely the characteristics of L-space it is worth to pay attention to measurement words.

3. STUDY METHOD

The method applied in this paper involves making a selection of words used for distance measurement in Swedish and Finnish and analyzing their use. It is suggested that the combination of quantitative and qualitative approaches can prove more effective for identifying and evaluating pragmatics and communication context for utterances of measure words. For the purpose of collecting the data we used topical dictionaries, thesauri and corpora. The corpora were also used to analyze examples of the words' use.

As a background fact, it should be noted that both Finland and Sweden adopted the International System of Units, or the SI-system, the modern version of the metric system. However, both cultures used developed systems of metrics described by native and/or eventual loan words. Moreover, both languages absorbed names of some foreign units of measurements due to influence from other cultures that was especially noticeable in Finland. Thus, being a part of the Russian Empire, Finland used the Russian measurement system widely, but at the same time facilitated the introduction of the SI-system which was fully adopted in 1880. However, at the earlier stage of its history Finland was known as a remote province of Sweden and the Swedish laws and measurement system applied in these territories. Throughout history, the foreign influence of more "remote" cultures on Sweden may not seem similarly significant; however, the history of the Swedish language saw periods of drastic changes.

Despite all transformations, the both cultures and languages managed to preserve a wide range of unique vocabulary items including

native words for describing measurements along with adopting foreign lexes for this purpose.

Generally, the study of this specific domain of vocabulary may be expected to contribute to practical dimensions of teaching and translation. Thus, as Alexandra Livanova notes in her article about traditional measurement words [Livanova, 2018, p.280] the measurement units can serve an important source of cultural information but at the same time produce difficulties in translation.

4. PRESENTATION OF STUDY RESULTS OF THE SWEDISH PART

To obtain data for studying the use of the measurement words in Swedish we used the Swedish language bank of the University of Gothenburg *Språkbanken* and its collection of corpora, *Korp v9*. Upon request, the tool [Språkbanken. Korp v9] returns the following entries of what it defines as “Measure linear extent”:

- 1) *tum* ‘thumb, inch’;
- 2) *aln* ‘cubit, elbow’;
- 3) *famn* ‘fathom’;
- 4) *fot* ‘foot’;
- 5) *kabellängd* ‘cable length’;
- 6) *kilometer* ‘kilometer’;
- 7) *meter* ‘meter’;
- 8) *mil* ‘mile’;
- 9) *punkt* ‘point’;
- 10) *centimeter* ‘centimeter’;
- 11) *decimeter* ‘decimeter’;
- 12) *halvmeter* ‘half a meter’;
- 13) *längdmeter* ‘running meter’;
- 14) *löpmeter* ‘running meter’;
- 15) *mikrometer* ‘micrometer’;
- 16) *millimeter* ‘millimeter’;
- 17) *nanometer* ‘nanometer’;
- 18) *yard* ‘yard’;
- 19) *armlängd* ‘arm’s length’;
- 20) *stadion* ‘stadion’;
- 21) *verst* ‘verst’.

Looking at the list, we see that it includes words denoting SI-units of measuring length, namely *meter* ‘meter’ which describes a base SI-unit and its derivatives such as *centimeter* ‘centimeter’, *decimeter* ‘decimeter’, *kilometer* ‘kilometer’, etc. Like in many other languages, the words of this category are loanwords and are widely used in Swedish. Within the scope of this research, it is worth highlighting the use of some of these words. Here are two examples taken from the collection of corpora [Språkbanken. Korp v9].

1. *Det är möjligt att det blir upp emot en decimeter snö, säger Lovisa Andersson, meteorolog på SMHI.*
‘It is possible that there will be up to a decimeter snow, says Lovisa Andersson, meteorologist at SMHI.’
2. *Segermarginalen var hela tre decimeter bättre än Mölndals Johanna Nilsson.*
‘The margin of victory was three decimeters better than Mölndal’s Johanna Nilsson.’

The first example refers to weather and climate and the second one to sports; neither of them is however used in strictly scientific or technical context. The first one is rather a part of a weather report available to general audience and the second one is a typical sports commentary. First of all, it is worth noting that the word *decimeter* ‘decimeter’ is used for denoting both vertical and horizontal distance. Second, we see how Swedish uses this “international” word denoting a certain length in the news contexts which is absolutely untypical of, for example, Russian where we would expect decimeters to appear only in a technical or more specific context. The statistics of the collection of corpora show that the Swedish word for decimeter occurs most frequently in the corpus of the Swedish Public Television (SVT) with the absolute frequency of 1418 hits.

Along with the fully “international” meter and its derivatives, the list contains compound words *halvmeter* ‘half a meter’, *längdmeter* and *löpmeter* ‘running meter’ which combine Swedish and “international” words.

There is another category of words on the list above referring to the historical measures such as *aln* ‘elbow’, *fet* ‘foot’, *famn* ‘fathom’, *tum* ‘inch, thumb’, and *armlängd* ‘arm’s length’.

Fot, *tum* and *aln* served as a basis of the system of duodecimal distance measurements *verkmått* which was used in Sweden before the introduction of the decimal system at the end of the 19th century. The Swedish duodecimal system also operated such words as *verklinja* (literary) ‘work line’, and *kvarter* ‘quarter’.

Bo Bergman offers a detailed description of the etymology of the word *armbåge* ‘elbow’ literally meaning ‘arm arc’ in his book on the etymology of Swedish words [Bergman, 2012, s. 29–30]. According to the author, the part *arm* ‘arm’ substituted the more ancient *al(en)* with the meaning *underarm* ‘underarm.’ It was also the name for the distance between the elbow and the little finger’s tip which constituted 60 cm. It is therefore logical that *aln* ‘elbow’ was used as a unit of measuring distance. The length of the Swedish *aln* ‘elbow’ as approximately 60 cm is also confirmed in the Dictionaries of the Swedish Academy [Svenska Akademiens Ordböcker].

Using the language bank above, we selected two examples of the use of the ancient word *aln* ‘elbow’ related to the Bible [Språkbanken. Korp v9].

1. *Låt det vara ett avstånd på omkring tvåtusen alnar mellan den och er. Josua 3:4.*
‘Yet there shall be a space between you and it of about two thousand cubits by measure. Joshua 3:4’ [Bible].

The quoted English translation of the Bible uses the word “cubit” referring to an ancient unit of measurement which Merriam-Webster Dictionary defines as “any of various ancient units of length based on the length of the forearm from the elbow to the tip of the middle finger and usually equal to about 18 inches (46 centimeters)” [Merriam-Webster]. That is, comparing these versions of the quotes from the Bible it is difficult to establish the estimated length of the mentioned distance (which parenthetically is also called *space* in the English version).

2. *Ska jag försöka lägga en aln till min livslängd och börja träna?*
‘Shall I add a cubit (an elbow) to my length of life and start working out?’

Although the sentence is a modern one, it alludes to Matthew 6:27 which reads as follows: ‘Which of you by being anxious, can add one moment to his lifespan?’ [Bible]. The cited text is complemented by a footnote explaining that the original text contained the word “cubit.”

This example shows us how a word denoting a given distance (that is, a spatial property) transformed its meaning and acquired temporal characteristics.

One more example of a text using *aln* ‘elbow’ retrieved from the collection of corpora reads as follows:

- Bland annat var det en vars längd uppskattades till trettio à trettiofem alnar, som hade låtet se sig utanför Älvsborgs fästning* [Språkbanken. Korp v9].
‘Among other things, it was one whose length was estimated at thirty to thirty-five cubits, which had been seen outside Älvsborg’s fortress.’

Here *aln* comes as a regular length measurement word historically used in Sweden. Since this word denotes a historical unit of measurement, it is not used widely in the modern language and the statistics of the collection of the corpora retrieved a limited number of hits for this unit, the absolute maximum frequency (7072) occurs in the corpus of the questionnaires which the Nordic Museum has been sent to respondents since 1920 for research purposes.

Similar to the word *aln*, the words *famn* ‘fathom’ and *tum* ‘inch, thumb’ describe lengths derived from the dimensions of the human body. Despite the similar origin, the semantics of the English *fathom* and the Swedish *famn* diverged significantly. Thus, according to Merriam-Webster [Merriam-Webster], the English fathom is used to describe a unit of measurement of the depth of water which is equal to six feet, or 1.83 meters. Even though the length of the Swedish *famn* was approximately the same, about 1.8 m, it was used more widely, including for determining a square of a surface. Here is an example from the collection of corpora: *Den är 20 famnar lång = 39 meter, dvs* [Språkbanken. Korp v9]. ‘It is 20 fathom long = that is, 39 meter.’

The word *tum* ‘inch, thumb’ is believed to originate from the measurement of a man’s upper part of a thumb, hence the name. In the modern language, the word *tum* is used widely for description of devices with the same meaning that the English “inch,” as in the following example from the collection of corpora: *En bild på 2 megapixel blir bra i 10 × 15 cm, då man kan skriva ut i 300 punkter per tum* [Språkbanken. Korp v9]. ‘An image of 2 megapixels will be good in 10 × 15 cm, as you can print at 300 dots per inch.’

The Swedish words *armlängd* ‘arm’s length,’ *fet* ‘foot’ from the list above along with such words as *tvärhand*, *handsbredd* ‘hand,’ and *fingerbredd* ‘finger’s breadth’ also received their names after dimensions of the human body.

According to Bo Bergman [Bergman, 2012, s. 546–547], the words *tvärhand*, *handsbredd* ‘hand’ belonged to the common Nordic medieval measurement system and both indicated the length of 7.5–8 cm.

The word *tvärhand* became a part of the expression *en tvärhand hög*, literary ‘one hand long,’ which is continuously used in the modern language to describe a short person like in the following example from the collection of corpora: *För det gör man inte, om man inte har Strl 35 på skor, bor på Östermalmsgatan och är en tvärhand hög* [Språkban-

ken. Korp v9]. ‘Because you do not do that unless you have a size 35 of shoes, live on Östermalmsgatan and are very short.’ More likely than not, native speakers of Swedish do not need to know the exact length of *tvärhand* to use and understand this expression.

The Swedish *mil* is worth special mention since a similar word is used in many languages and fields of application (e. g. nautical mile) denoting different lengths and *mil* can therefore be interpreted incorrectly by users of other languages. The modern Swedish *mil* indicates 10 km while historically the exact length of the *mil* varied between different Swedish regions including Finland (whose territory was under the Swedish rule). The word *mil* is widely used in modern Swedish because the length of the majority of routes is measured in *mil*, not kilometers. The collection of corpora returns a lot of examples, like the following: *Rolf Ericsson har sommarstuga på Gotland, ett par mil från Ojnareskogen, det område där Nordkalk utvidgar sitt kalkbrott* [Språkbanken. Korp v9]. ‘Rolf Ericsson has a summer cottage on Gotland, a couple of miles from Ojnareskogen, the area where Nordkalk is expanding its limestone quarry.’

On the list, we have Swedish words indicating foreign measures such as *yard* ‘yard’, *stadion* ‘stadion’ and *verst* ‘verst.’ All three words denoting English, ancient Greek and Russian measures respectively are explicitly described as foreign measurement units in the Dictionaries of the Swedish Academy. Since among all historical Swedish territories the Russian measurement system was relevant only to Finland and only during a limited period of time, the word *verst* could not root in the Swedish language. The word *arsjin* ‘arshin’ originating from Russian demonstrates a similar pattern. Unlike *verst*, *arsjin* is not even registered in the Dictionaries of the Swedish Academy. However, the word exists in the language and can be found, for example, in Bonniers Swedish Dictionary, where it is more generally defined as an Easter European length measure with a precise value for Russia — 0,711 m [Malmström et al., 1997, s. 35].

Consequently, the words *verst* and *arsjin* are very uncommon in the language, and the collection of corpora returns only one example with *arsjin* from the Swedish Wikipedia: *Från 1500-talet trängdes alnmåttet gradvis undan av längdmåttet arsjin, som motsvaras av 0.7112 meter* [Språkbanken. Korp v9]. ‘From the 16th century, the elbow measure was gradually displaced by the length measure arsjin, which corresponds to 0.7112 meters.’

5. PRESENTATION OF STUDY RESULTS OF THE FINNISH PART

Approaching the analysis of the Finnish lexemes, we defined data collected from the topical dictionaries. According to the Finnish thesaurus, there are 172 words marked with the topical category “Units of measure” [Finnish thesaurus], however only 31 of them are used for measuring length or distance. Some of words have homonyms or different meanings as seen in Table 1.

All these words can be divided into several groups according to their etymology, as follows:

- 1) measures loaned from Russian culture;
- 2) traditional Finnish measures;
- 3) measures loaned from Swedish culture or language;
- 4) measures loaned from other countries and languages;
- 5) SI-system measures.

To have a clearer picture of how all these groups are used in modern Finnish speech we decided to address two Finnish language corpora. The first one is the Helsinki Korp Version of Samples of Spoken Finnish [The Helsinki Korp Version of Samples of Spoken Finnish], which is a monolingual corpus representing Finnish oral speech from 1978 to 2000. The second corpus contains the articles from the YLE news archive dated 2011–2018 [YLE Finnish News Archive 2011–2018]. Its size is stated as 207,500,221 tokens. These two corpora were chosen to assess utterances of measurement words in different types of Finnish discourse: spoken conversational and journalistic.

Once the data were collected from the dictionary and divided into the groups above we gathered all the contexts of usage from the two corpora and conducted their qualitative research, the results of which will be presented further.

The first group includes such units as *arsina* ‘arshin,’ Russian *kortteli* ‘quarter,’ and *virsta* ‘verst.’ The first one is marked in most dictionaries as Russian measure [Vahros, Shcherbakov, 1975, p. 40], while *kortteli* and *virsta* can have different meanings depending on context.

The word *kortteli* also is listed as a traditional Scandinavian way of expressing distance. However, Russian *kortteli* differs from Scandinavian and refers to a different measurement system, the word itself has come to Finnish from Swedish *kvarter*, which means also “quarter” [Häkkinen, 2007, s. 481].

Table 1. List of words expressing distance according to Finnish Thesaurus

No.	Finnish word	Meaning in English
1	arsina	arshin, Russian unit of length (71.12 cm)
2	desimetri	decimeter
3	hehtometri	hectometer
4	jaardi	yard, English unit of length (equal to three feet, 91.4 cm)
5	jalka	foot (unit of measure, 30.48 cm)
6	kilometri	kilometer
7	kortteli	block (distance from one street to another in a city)
8	kortteli	Scandinavian unit of length, 0.148 m (half of foot or ¼ of <i>kyynära</i>)
9	kortteli	Russian unit of length, 0.1778 m
10	kyynära	specific Finnish unit of length, 0.594 m
11	linja	Finnish unit of length, around 2.062 millimeters, comparable to imperial line
12	maili	mile
13	meripeninkulma	nautical mile
14	metri	meter
15	mikrometri	micrometer
16	millimetri	millimeter
17	penikuorma	traditional unit of length equal to 10 versts, considered to be phonetic variation of <i>peninkulma</i>
18	peninkulma	measure of length equal to 6 km (before 1655)
19	peninkulma	measure of length equal to 10.688 km (1655–1886)
20	peninkulma	measure of length equal to 10 km (from 1887)
21	poronkusema	informal traditional measure around 7.5 km
22	päivämatka	traditional measure of length equal to 21 km
23	senttimetri	centimeter
24	stadion	ancient Greek measure of length (164–192 m)

No.	Finnish word	Meaning in English
25	tuuma	inch
26	vaaksa	Finnish span (space between thumb and index finger)
27	vakomitta	furlong
28	valosekunti	light second
29	valovuosi	light year
30	virsta	an old Russian unit of measure, the verst, 1066.8 m
31	ångström	angstrom (0.1 nanometers)

Kaisa Häkkinen mentioned that *virsta* ‘verst’ has been loaned from Old Russian not only by Finnish but also by almost all related languages (cf. Estonian *verst*, Veps *virsty*). Although the original *virsta* is Russian and equals 1066.8 meters, so-called *Ruotsin virsta* ‘Swedish verst’ (2672 meters) and *Suomen virsta* ‘Finnish verst’ (1069 meters) also existed. According to K. Häkkinen, after Finland adopted the International metric system at the end of the 19th century, such units as *virsta* and *arsina* are used mostly in traditional texts, proverbs and other folklore material [Häkkinen, 2007, s. 1502].

Data from the corpora verify this statement. The Corpus representing Samples of Spoken Finnish contains only 10 occurrences of *virsta* mainly in the Ingrian Finnish dialect, where the influence of Russian is stronger than in other parts of the country. For example:

1. ...*se käytettiin kolme virstaa, kolme **virstaa** oli, matka sieltä, kirkosta sinne, toiselle, puolen kirkko mikä se puoli kutsuttiin tsasuunoita...*
‘...it used to be three versts, was three versts, way from there from the church there, to another half church that they called a chapel...’
2. ...*se oli, taisei tulla sinne, kolmekymmentä **virstaa**, matkaa...*
‘...there was, might be around 30 versts of way there...’

YLE archive has 12 occurrences of *virsta*, almost all of them in contexts describing old measurement systems or in descriptive expressions.

1. *Tässä Ruoveden ja Juupajoen kievareiden välillä on niin sanottu paha **virsta**.*
‘Here between the taverns of Ruovesi and Juupajoki there is a so-called evil verst.’

2. *Hän pystyy yhä haistamaan naisen tuoksun sieraimissaan, vaikka siitä on jo kaksi kuunkiertoa ja tuhat virstaa.*
'He was still able to smell women's odour in his nostrils, though since that two moons and thousands of versts have passed.'

The word *arsina* has no occurrences neither in Spoken Finnish, nor in YLE news archive corpus. Meanwhile the situation with *kortteli* is not clear enough. The word itself is represented in both corpora, but distinguishing the exact meaning is not always possible even taking into consideration the context. However, next occurrence might be an example of expressing the idea of distance (exact amount of meters), but still it is impossible to define whether it is Russian *kortteli* or Scandinavian one:

...oli semmoinen, toista korttelin pituinen lohi...
'...there was such one and half quarter long salmon...'

Next group includes traditional Finnish measures, such as *jalka* 'foot', *kyynärä* 'elbow', *poronkusema*, *peninkulma*, *penikuorma* (these three are considered to be culture-related words and untranslatable), *päivämatka* 'distance for a day trip', *vaaksa* 'span'. Some of them, connected with parts of the body, which F. Petrushevskii called natural [Petrushevskii, 1849, p. 19], have similar equivalents in other languages, such as Russian, English etc., and refer to the early periods of language development, as their usage helped to create the easiest metrological system always available (*kyynärä* 'elbow', *jalka* 'foot', *vaaksa* 'span'). Other language units, for instance, *poronkusema*, *peninkulma* and *penikuorma*, originate from traditional culture and represent essential parts of life.

A well-known example of such units is the word *poronkusema*, which means "the distance that deer can cover without urinating," represents also temporal characteristics. Units *peninkulma* and *penikuorma* can also illustrate the lifestyle. According to K. Häkkinen, the both are compound words, where the first part *peni-* was used in old Finnish for "dog" (*penikki*), while the second parts refer to the words *kuulla* 'hear' and *kuorma* 'load', so that their meaning can be described as distance from which a dog's bark can be heard and distance, which a dog can run with some load [Häkkinen, 2007, s. 898].

Corpora data show that the usage of these units can be described as rather seldom. The Samples of Spoken Finnish contains only 5 occurrences of *kyynärä* 'elbow' in the meaning of distance:

...ja, oliko se, neljä **kyynärää**, pitkä ja, se pirtti ja, ja, kolme **kyynärää** leveä ja siinä oli kymmenen huonetta ja kaksi sänkyä...

‘...and it was four elbows long, this house and, and, three elbows wide and there was ten rooms and two beds...’

YLE News Archive corpus has a wider range than the previous one. The absolute frequency can be found in Table 2 below.

Table 2. Absolute frequency list of natural measure words expressing distance in YLE News Archive 2011–2018 Corpus

Lexem	Absolute frequency
jalka	31,366 (14 — measure word)
kyynärä	6
meripeninkulma	48
peninkulma	31
poronkusema	3
päivämatka	129 (1 — measure word)
vaaksa	36

A detailed analysis of contexts provides us a possibility to make some interesting observations about collocations and topics of news where these measure words are represented. As these words are considered to be traditional, contexts of their occurrences usually refer to descriptions of national houses, distances between places in historical texts as well as in news, regarding old words and concepts.

1. *Se on 281, 3 **jalkaa** pitkä ja 180,9 **jalkaa** leveä.*
‘It was 281.3 **foot** long and 180.9 **foot** wide.’
2. *Mutta ei siitä ole kauaa , kun Suomessakin käytettiin pituusmittoina linjaa , **jalkaa** , korttelia, **kyynärää**, peninkulmaa ja virstaa eikä metristä tiennyt kukaan.*
‘But this was not long ago when in Finland they used for measuring length words as line, **foot**, quarter, **elbow**, **peninkulma**, verst and no one knew about meters.’

Another significant group of measure words are those borrowed from the Swedish language or culture, which can be found in both corpora.

However, there are some difficulties in defining the origin of a word, because a lot of concepts came into Finnish language from others through Swedish. We tend towards classifying as a loan from Swedish language or culture such units as *kortteli* ‘quarter’ (in the usage to express Scandinavian unit of measurement), *linja* ‘line,’ *peninkulma* (Swedish mile), *tuuma* ‘inch,’ *virsta* (Swedish verst) and *ångström* ‘angstrom.’

Some of the listed words used to have other meanings, for example *kortteli* and *virsta* are known as Russian units, *peninkulma* — as a traditional Finnish one. However, the Finnish thesaurus lists them as also referring to Scandinavian and Swedish systems of measurement.

The word *tuuma* origins from Swedish *tum*, which etymologically is connected with *tumme* meaning “one thumb” [Häkkinen, 2007, s. 1368]. See also above. Thus, this measurement word can be classified as a natural one, because it refers to somatic vocabulary. However, the measure itself corresponds to the English system as well.

Linja ‘line’ came into Finnish from the old Swedish word *linia*, to which in modern Swedish corresponds *linje*. It is stated that *linja* appeared in written Finnish first time in an almanac of 1746 [Häkkinen, 2007, s. 612]. However, corpora research showed that this unit isn’t used in its measuring meaning.

Turning to corpora data was complicated because contexts do not always allow us to understand the exact meaning of the word (especially analyzing contexts of word *kortteli* and *peninkulma*). In some situations these words seem to be used for defining distance simultaneously referring to the past.

Tuuma ‘inch’ has occurrences in both corpora, however the amount of correlated appears to be much less than original, which can be explained by the homonymic forms of verb *tuumata* ‘to think’ and noun *tuuma* ‘idea, thought.’ For example, the whole frequency of *tuuma*-occurrences in The Samples of Spoken Finnish corpus is 14, but only 6 of them express a meaning which corresponds to our study’s topic. YLE News Archive demonstrates the same situation: the whole amount is 2400, and only 158 of them are correlated. The majority of the contexts deals with measurement of electronics or wheels, for instance:

1. *Myyjä suositteli sitten 32 tuuman tai 40 tuuman televisiota.*
‘Shop-assistant recommended a 32-inch or 40-inch TV.’
2. *Skoottereissa asiakkaat haluavat aiempaa suurempia eli 12 tuuman renkailla varustettuja malleja.*
‘In scooters, customers want larger models with tires that have 12-inch tires.’

Next group, representing measures loaned from other cultures has obvious connection with the previous one as a lot of words and concepts came into Finnish through Swedish (language or culture). We can suggest, that English measurement system, including such words as *jaardi* ‘yard’ and *maili* ‘mile’ became well-known in Finland through Swedish culture. Corpora data don’t allow to make any conclusions about their usage in speech (0 occurrences of both). Meanwhile, a corpus representing news offer a large amount of contexts (1004 for *jaardi*, 625 — *maili*), most of which refer to sport topic.

1. *Billy Cundiffin 19 jaardin potkumaali avasi kuitenkin ottelun pisteteh-tailun.*
‘However, Billy Cundiff’s 19-**yard** kick opened the scoring for the match.’
2. *Legendaarinen 500 mailin kilpailu keskeytettiin kahdeksi tunniksi Juan Pablo Montoyan kolaroitua pahasti.*
‘The legendary 500-**mile** race was suspended for two hours after Juan Pablo Montoya crashed badly.’

The last analyzed group refers to SI-system and represents the majority of contexts in both corpora. The absolute frequency in two corpora is given in the Table 3 below.

Table 3. Absolute frequency of SI-system units in both corpora

Word	The Samples of Spoken Finnish corpus	YLE News Archive Coprus
desimetri	0	6
kilometri	77	55,951
metri	66	67,697
millimetri	0	2284
mikrometri	0	69
senttimetri	34	3638

The topics covered by the contexts where these language units occur do not have any restrictions or specification.

According to all this data, we can infer that in modern Finnish all types of measurement words are used. However, the occurrences’ con-

texts and speech situations differ. The most “independent” group is SI-system measures, while the usage of others is restricted not only by topic but also by discourse and form of speech.

6. CONCLUSIONS

To summarize, we conducted an overview of words related to measuring distances in Swedish and Finnish, identified several categories of these vocabulary items, and considered examples of how the words are used in different contexts. We illustrated differences and similarities between the languages in terms of using vocabulary items related to SI-system, historical measurement systems and foreign measures. We also highlighted significant influence of the Swedish and Russian languages on the Finnish languages in this field. We believe that the study can contribute to practical work with the languages such as language teaching and translation.

REFERENCES

- Apresyan Y. Deixis in lexis and grammar and naive world model. *Semiotika i informatika*, 35, 1997. P.272–298. (In Russian)
- Bergman B. *Ordens ursprung: Etymologisk ordbok över 2000 ord och uttryck*. Stockholm: Bonnier Fakta, 2012. 444 s.
- Bible*. Available at: <https://www.biblegateway.com/passage/?search=Joshua+3-4&version=WEB> (accessed: 13.02.2022).
- Finnish thesaurus*. Available at: <https://kaikki.org/dictionary/Finnish/category-words/Units%20of%20measure.html> (accessed: 08.02.2022)
- The Helsinki Corp Version of Samples of Spoken Finnish*. Available at: <http://urn.fi/urn:nbn:fi:lb-2015040101> (accessed: 06.02.2022).
- Häkkinen K. *Nykysuomen etymologinen sanakirja*. Juva: WS Bookwell OY, 2007. 1633 s.
- Kubryakova E. S. On the concepts of locality, object and space. *Logicheskii analiz iazyka. Iazyki prostranstv*. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2000. P.84–92. (In Russian)
- Livanova A. N. Traditional units of measurement as a source of linguistic and cultural information. *Proceedings of Voprosy sovremennoy filologii i problemy metodiki obucheniiia iazykam*. Briansk: Brianskii gosudarstvennyi inzhenerno-tekhnologicheskii universitet Publ., 2018. P.271–281. (In Russian)
- Malmström S., Györki I., Sjögren P. *Bonniers svenska ordbok*. Stockholm: Bonnier Fakta, 1997. 661 s.
- Merriam-Webster*. Available at: <https://www.merriam-webster.com> (accessed: 13.02.2022).

- Petrushevskii F. I. *General metrology*. St Petersburg, 1849. 826 p. (In Russian) *Språkbanken. Korp v9*. Available at: <https://spraakbanken.gu.se/korp> (accessed: 10.02.2022).
- Svenska Akademiens Ordböcker*. Available at: <https://svenska.se> (accessed: 13.02.2022).
- Vahros I., Shcherbakov A. *Suomalais-venäläinen sanakirja*. Moscow: Russkii iazyk Publ., 1975. 816 p. (In Russian).
- Viimaranta J. *Talking about time in Russian and Finnish*. Helsinki: Helsinki University Printing House, 2006. 456 p.
- Vorobyeva E. V. Temporal metalexemes in Norwegian and time-related semantic component. *Scandinavian Philology*, 11, 2011. P.24–31 (In Russian).
- YLE Finnish News Archive 2011–2018*. Available at: <http://urn.fi/urn:nbn:fi:lb-2019121006> (accessed: 05.02.2022).

Наталья Осмак

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Яна Бочарова

Университет ИТМО

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД СЛОВАМИ, ОБОЗНАЧАЮЩИМИ ЕДИНИЦЫ ИЗМЕРЕНИЯ РАССТОЯНИЯ, В ФИНСКОМ И ШВЕДСКОМ ЯЗЫКАХ

Для цитирования: *Osmak N., Bocharova Ya.* Some observations on distance measurement words in Finnish and Swedish // Скандинавская филология. 2022. Т. 20. Вып. 1. С. 42–60. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2022.104>

В статье представлен обзор слов, использующихся для обозначения единиц измерения в финском и шведском языках. Сравнительные исследования между этими двумя языками представляются актуальными, поскольку данные языки использовались в соседних регионах и странах с долгой историей политическо-го, культурного и межличностного взаимодействия. Сначала в исследовании описываются металексемы пространства и расстояния в шведском и финском языках. Затем, используя тезаурусы, тематические словари и корпусы, авторы исследования применяют сочетание количественных и качественных подходов, чтобы выявить и оценить прагматику и коммуникативный контекст использования слов, обозначающих единицы измерения. После этого в статье описывается несколько категорий слов с учетом этимологии, обозначающих единицы измерения в рассматриваемых языках, таких как традиционные меры измерения, единицы СИ, иностранные единицы измерения, и анализируется их использование в контекстах корпусов, представляющих современный дискурс. В статье подчеркиваются различия и сходства в использовании разных категорий словарных единиц в шведском и финском языках. Подробный анализ контекстов позволяет привести некоторые наблюдения о словосочетаниях и темах новостей, в которых встречаются рассматриваемые слова. Кроме этого, в исследовании рассматривается влияние шведского и русского языков на финский язык в связи

с историческими и политическими обстоятельствами. На основании изученных данных в исследовании делается вывод, что в финском и шведском языках используются все типы слов, обозначающих единицы измерения, однако частотность, контексты их употребления и речевые ситуации различаются. Некоторые категории используются в достаточно ограниченном количестве тем, в то время как остальные не имеют ограничений. Ожидается, что исследование внесет вклад в практические аспекты работы с языками, в частности в преподавание и перевод.

Ключевые слова: финский язык, шведский язык, пространственные метаксемы, единицы измерения, исторические единицы измерения, скандинавские единицы измерения, российские единицы измерения.

Natalia Osmak

PhD in Philology, Associate Professor,
Herzen State Pedagogical University of Russia,
48, nab. r. Moiki, St Petersburg, 191186, Russian Federation
E-mail: nataly.androsova@gmail.com

Осьмак Наталья Андреевна

кандидат филологических наук, доцент,
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Российская Федерация, 191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48
E-mail: nataly.androsova@gmail.com

Yana Bocharova

Lecturer,
ITMO University,
49, Kronverksky pr., St Petersburg, 197101, Russian Federation;
Senior Lecturer,
Herzen State Pedagogical University of Russia,
48, nab. r. Moiki, St Petersburg, 191186, Russian Federation
E-mail: yana.spb06@mail.ru

Бочарова Яна Викторовна

преподаватель,
Университет ИТМО,
Российская Федерация, 197101, Санкт-Петербург, Кронверкский пр., 49;
старший преподаватель,
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Российская Федерация, 191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48
E-mail: yana.spb06@mail.ru

Received: February 18, 2022

Accepted: March 14, 2022

UDC 811.112.5

Kamila Tomaka

Johannes Paulus II Katholieke Universiteit van Lublin, Polen

NOU TOCH EIGENLIJK BEST WEL ENG HOOR.
OVER SEMANTISCHE WAARDE, INTERPRETATIE EN
VERTAALMOGELIJKHEID VAN NEDERLANDSE PARTIKELS

For citation: Tomaka K. *Nou toch eigenlijk best wel eng hoor.* Over semantische waarde, interpretatie en vertaalmogelijkheid van Nederlandse partikels. *Scandinavian Philology*, 2022, vol. 20, issue 1, pp. 61–78.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2022.105>

Nederlandse partikels behoren tot de moeilijkst grijpbare elementen van de Nederlandse taal. De meeste leerlingen van het Nederlands weten niet wat ze ermee moeten doen en als gevolg hiervan slaan ze de partikels regelmatig over. De interpretatie en weergave van Nederlandse partikels vormt echter het probleem niet alleen voor leerlingen. Ook docenten, onderzoekers en vertalers hebben grote problemen met partikels in het Nederlands. Deze bijdrage stelt het onderzoek naar de grootste problemen met partikels in het Nederlands centraal. Mijn aandacht wordt dan vooral gericht op de semantische waarde, interpretatie en vertaalmogelijkheid van Nederlandse partikels. In deze bijdrage wordt ook ingegaan op de taxonomie van partikels in het Nederlands op basis van de huidige wetenschappelijke uitwerking. Aansluitend vervolg ik met de verdeling van Nederlandse partikels op basis van de discursieve niveaus waarop ze functioneren. Het doel van dit artikel is ook om de karakterisering van de categorie van Nederlandse partikels naast de categorie van Nederlandse bijwoorden te presenteren. Deze bijdrage geeft ook een overzicht van benaderingen van partikels die in het Nederlandse taalgebied zijn gebruikt met als doel hun belangrijkste punten te identificeren en een kader voor verdere analyse te suggereren. Het stelt ook dat de categorie van partikels om een aantal redenen een absorberend object van cross-linguïstisch onderzoek is. Allereerst is de partikelscategorie tot nu toe in veel talen niet duidelijk afgebakend. Ten tweede verschillen de criteria die worden gebruikt om deze categorie te identificeren niet alleen cross-linguïstisch, maar zelfs ook binnen Nederlandse studies. Bovendien is de classificatie van partikels in veel talen nog steeds niet grondig onderzocht en er moet nog een nauwkeurige identificatie van de equivalenten van Nederlandse partikels worden vastgesteld.

Slutelwoorden: partikels, semantische waarde, interpretatie, vertaling, taxonomie.

1. INLEIDING

Vertalers Jacques Westerhoven (Japans-Nederlands) en Irina Michajlova (Nederlands-Russisch) ontvingen de Martinus Nijhoff Vertaalprijs 2020 van het Prins Bernard Cultuurfonds. Westerhoven ontving de prijs voor zijn vele vertalingen uit het Japans. Michajlova kreeg de prijs voor haar vertaaloeuvre van Nederlandse werken naar het Russisch.

In de bevindingen van zowel de juryleden als van de externe rapporteurs die door de jury werden geraadpleegd, komt een aantal aspecten naar voren: de grote accuraatheid waarmee de vertaalster te werk gaat, haar feilloze beheersing van het Russisch in al zijn stilistische en idiomatische nuances, en de durf waarmee de vertaalster oplossingen bedenkt voor lastige vertaalproblemen. De jury benadrukt dat een van de grootste vertaalproblemen het gebruik van Nederlandse partikels is [Juryrapport Nijhoff Vertaalprijs, 2020]:

Vrijwel niets ontsnapt aan haar aandacht, ook niet de modale partikels ('wel', 'toch', 'maar eens'...), die in het Nederlands zo vaak voorkomen: één-op-één-vertalingen zijn dan in het Russisch meestal niet mogelijk, maar de vertaalster compenseert dit door op een andere manier de juiste toon aan te slaan, met expressieve middelen die eigen zijn aan het Russische idioom en de Russische grammatica.

Dat doet mij zo meteen denken over de linguïstische mogelijkheden die andere talen bieden om het gebruik van Nederlandse partikels te compenseren. Is het mogelijk om Nederlandse partikels één-op-één in een vreemde taal te vertalen? Zijn de lexicale tegenhangers van Nederlandse partikels soortgelijk? Om deze vragen te kunnen beantwoorden geloof ik dat het noodzakelijk is om een onderzoek te voeren naar het partikelgebruik in het Nederlands, al is het niet zo eenvoudig om een synthetisch onderzoekskader uit te werken en een vaste bron van vergelijkbaarheid tussen Nederlandse partikels en hun equivalenten in andere talen te vinden. Het probleem van commensurabiliteit van partikels is allesbehalve een eenvoudig probleem.

2. DE TIEN GROOTSTE PROBLEMEN MET NEDERLANDSE PARTIKELS

Partikels in het Nederlands zijn dus ongetwijfeld een gedetailleerd onderzoek waard. Zowel voor de moedertaalsprekers die zich vaak niet realiseren welke betekenis een bepaald partikel met zich mee brengt.

Maar vooral ook voor studenten en leerlingen NT2 en NVT. Aan het begin van dit onderzoek heb ik de grootste problemen met partikels in het Nederlands waarmee studenten, docenten, onderzoekers of vertalers te maken krijgen, opgesomd. Ik heb die problemen opgesteld op basis van de bestaande literatuur maar ik kan ook vanuit mijn eigen ervaring als docente Nederlands in Polen inbrengen dat ze heel vaak optreden bij het onderwijs van Nederlands als vreemde taal. Vanuit mijn onderwijservaring met name met beginnende studenten zie ik namelijk de volgende tien problemen als de grootste obstakels met partikels:

1. Vertaalproblemen.
2. Problemen bij het onderwijs van Nederlands als vreemde taal.
3. De aandacht voor partikels in lesmethoden is nogal beperkt.
4. De precieze betekenis van partikels is uiterst lastig te omschrijven voor moedertaalspreker zelf.
5. Sommige partikels hebben ook een functie als bijv. voegwoord of bijwoord, wat het nog lastiger maakt om ze te definiëren.
6. Het gebrek aan een Nederlands partikelwoordenboek.
7. Problemen om uiting te geven aan beleefdheid (of het tegengestelde daarvan) voor mensen die het Nederlands als vreemde taal leren.
8. De taalleerders die de cultureel-bepaalde context niet van jongstaf hebben meegekregen, hebben grote moeilijkheden bij zowel de interpretatie als de produktie van partikels [van de Poel, van de Walle, 1994].
9. Het probleem van de polysemie van partikels: *'Ik heb toch maar vijf minuten overstaptijd in Zwolle?'* *'Nee, niet vijf, maar drie minuten.'* *'Echt waar? Dan kan ik maar beter opschieten!'* (Driemaal het woord 'maar', drie verschillende betekenissen).
10. Het verschil in partikelgebruik in een geschreven tekst en een gesproken taal.

Hoewel al deze problemen tot op zekere hoogte onlosmakelijk met elkaar verbonden zijn, is het niet mijn bedoeling om ze hier *case by case* uitgebreid te behandelen. In deze bijdrage concentreer ik mijn aandacht vooral op de semantische waarde, interpretatie en vertaalmogelijkheid van Nederlandse partikels. Deze kleine woordjes hebben constant veranderende betekenis afhankelijk van de context waarin ze voorkomen. Daarom is de vertaling van Nederlandse partikels vaak erg problema-

tisch. Ze zijn niet altijd letterlijk te vertalen of simpelweg te vervangen door hun buitenlandse equivalent. In de vertaling krijgen ze vaak een kunstmatige betekenis, zodat hun genuanceerde werking in de context geheel verdwijnt. De vertalingen trachten niet altijd zo goed als mogelijk het betekenisveld van Nederlandse partikels te dekken.

3. INLEIDENDE VOORBEELDEN

Om de aard van het probleem beter te laten zien, presenteer ik een kort zinnetje:

Nou toch eigenlijk best wel eng hoor.

Deze zin bevat zes woorden die als partikel geclassificeerd kunnen worden. Als ik de studenten vraag of ze spontaan een poging zouden willen doen om deze zin naar het Pools te vertalen, raken ze meteen in problemen. Het Pools bezit wel degelijk partikels. Maar toch is het partikelgebruik in vergelijking met het Nederlands beperkt. Daarom verloopt de interpretatie van Nederlandse partikels voor Poolse studenten helaas niet zonder problemen. In het vertaalproces grijpen eerstejaars studenten Nederlands vaak naar een woordenboek op zoek naar een één-op-één-vertaling. Op deze manier worden Nederlandse partikels te letterlijk vertaald en dan klinkt deze zin vreemd of zelfs absurd in de oren. De eerstejaars studenten beseffen meestal niet dat een goed begrip van de betekenis van Nederlandse partikels zeker waardevol is omdat partikels een belangrijke bijdrage leveren aan de organisatie van de tekst en informatie geven over de houding van de verteller of spreker ten opzichte van wat hij zegt en ten opzichte van de hoorder. Kennis van de partikels verrijkt dus de interpretatie van de teksten waarmee ze te maken krijgen.

Er wordt ook gesteld dat een tolk Nederlands-Pools geconfronteerd zou worden met zijn eigen machteloosheid als hij het volgende gesprek tussen Geert Wilders en premier Rutte simultaan moet vertalen [Het Parool]:

Wilders: 'Het was Pechtold die zei: een islamitische aap, het was mijn collega die zei: daar komt de islamitische aap uit de mouw. En hij heet... Inderdaad. Maar dat is beeldspraak.'

Rutte: 'Maar dat is dan toch zo.'

Wilders: 'Dat is de beeldspraak.'

Rutte: 'Ach!'

Wilders: 'Ja, wat ach? Doe eens normaal man!'

Rutte: 'Doe eens normaal man? Doe lekker zelf normaal! Tsjongejonge...'

Wilders: 'Lezen voordat u wat zegt!'

Rutte: 'Ik zou zeggen doet u zelf eens normaal. Meneer Wilders. Je kunt toch niet praten over de premier van Turkije als een islamitische aap. Dat is toch een idiote uitspraak!'

Wilders: 'Doe eens normaal en rustig man!'

Rutte: 'Ik ben hier volkomen rustig.'

Dit gesprek wordt gekruid en genuanceerd met veel verschillende partikels. Vroeger werd vaak gedacht dat deze woorden geen betekenis hebben maar dat ze bijvoorbeeld gebruikt worden om tijd in het gesprek te winnen. Dit voorbeeld toont echter aan dat dit niet klopt en dat de partikels juist heel belangrijk zijn voor de communicatie (alhoewel in dit gesprek is er geen communicatie mogelijk).

Met deze voorbeelden hoop ik te hebben geïllustreerd dat het voor een beter begrip van Nederlandse partikels essentieel is systematisch onderzoek te voeren zodat de meeste problemen opgelost kunnen worden. Allicht zal de vraag rijzen: maar wat maakt het dan zo moeilijk om Nederlandse partikels te begrijpen en dan te vertalen? Wat veroorzaakt de neiging om ze in leer- of vertaalproces over te slaan? Wat vertalen we eigenlijk? Ik geloof dat om deze vragen te kunnen beantwoorden moet worden vastgesteld dat het voor een beter begrip van het functioneren van diverse partikels in het Nederlands en ook voor hun duidelijke beschrijving essentieel is om systematisch onderscheid te maken tussen hun algemene semantische waarde (betekenis) en hun interpretatie in verschillende contexten. Verder zou ik geneigd zijn om Nederlandse partikels naast de functie groepen ook te verdelen en te beschrijven op basis van de discursieve niveaus waarop ze functioneren en volgens de aard door deze partikels uitgedrukte relaties tussen discursieve eenheden. Volgens mij is dit onderscheid heel belangrijk en werkt vaak verhelderend om de betekenis van Nederlandse partikels te begrijpen en dan duidelijk genoeg uit te drukken in een andere taal.

4. KARAKTERISERING VAN PARTIKELS IN DE NEDERLANDSE TAALKUNDE

De meeste Nederlandse bijdragen over partikels, ongeacht het theoretische kader dat ze vertegenwoordigen, beginnen hun analyses met uitspraken over de problematische en heterogene aard van deze cate-

gorie [Foolen, 1986]. Soortgelijke reflecties zijn te vinden in referentie-grammatica's. Aan de ene kant beweren de wetenschappers dat partikels kleine en raadselachtige woorden zijn, maar een wereld van verschil kunnen maken in taal. Zo beschrijft Van der Wouden [van der Wouden, 1999] partikels in het Nederlands als 'smeermiddelen van de taal' of 'woordjes die het Nederlands markeren' [van der Wouden, 2006]. Aan de andere kant merken de taalkundigen op dat de categorie van partikels de prullenbak-categorie van grammatica vormt en noemen ze de partikels 'rotwoordjes' [van der Wouden, 1999] of 'geluiden zonder bijzondere betekenis' [Foolen, 1986]. Dergelijke uitspraken lijken op het citaat uit een inleidend taalkundig boek: "If it's small and you don't know what to call it, call it a particle" [Hurford, 1994, p. 153].

Om de benaderingen van partikels in de Nederlandse taalkunde te schetsen, is het nuttig even terug te gaan naar de vroege karakterisering van deze categorie. Oorspronkelijk gebruikte de Nederlandse grammatica de term partikel om naar alle onverbogen woorden te verwijzen [Hoogvliet, 1903]. In de Nederlandse taalkunde werd de categorie oorspronkelijk gedefinieerd om van toepassing te zijn op een relatief grote groep woorden die 'invoegselwoordjes' worden genoemd [Hoogvliet, 1903]. In de 19e eeuw is de categorie van partikels in de Nederlandse grammatica geleidelijk opgenomen in de categorie van bijwoorden. Hoewel partikels in de Nederlandse taalkunde een aparte woordklasse vormen, vallen ze traditioneel tot nog toe in de categorie van bijwoorden [van der Wouden, 1999, p. 105; Haeseryn et al., 1997]. In de Nederlandse taalkunde wordt de dynamische aard van de categorieën van partikels en bijwoorden vaak opgemerkt.

Het belang van de meest recente publicaties op het gebied van Nederlandse partikelstudies is het vaststellen van de classificatiecriteria voor elk type afzonderlijke partikels, en het verduidelijken van hun reeks van betekenissen. De moeilijke status van partikels in het Nederlands verklaart waarom wetenschappers er tot nu toe nauwelijks in slaagden tot een bevredigende classificatie te komen. Het probleem van de classificatie van partikels is het probleem dat grote controverses veroorzaakt, zowel in de algemene taaltheorie als bij de analyse van partikels in afzonderlijke talen. Onderzoekers benaderen dit probleem vanuit verschillende gezichtspunten en passen verschillende criteria toe op de classificatie van partikels. Daarom is er veel subjectiviteit bij het definiëren van deze criteria en bijgevolg vinden we verschillende classificaties.

5. TAXONOMIE VAN NEDERLANDSE PARTIKELS

Als het gaat om het specificeren van de criteria voor de classificatie van Nederlandse partikels, is het heel ingewikkeld. Tot nu toe bestaat er niet zoiets als een alomvattend overzicht van Nederlandse partikels en ze zijn nooit grondig geïnclassificeerd. De grammaticale en semantische eigenschappen van Nederlandse partikels worden onvolledig behandeld in grammaticas, woordenboeken en in cursusmateriaal Nederlands als vreemde taal. Ondanks pogingen om een woordenboek van Nederlandse partikels te maken [van der Wouden, 2002], slaagden onderzoekers er niet in een bevredigende classificatie in te voeren en de reikwijdte van de klasse van partikels in het Nederlands in duidelijke bewoordingen te specificeren. Dit lijkt hier essentieel, aangezien de taalkundige literatuur op het gebied van de Nederlandse partikelsstudie uiteenlopende lijsten van partikels biedt, soms zeer verschillend van elkaar, en vermoedelijk niet uitputtend. Die lijsten kunnen echter in verder onderzoek worden gebruikt als bron voor mogelijke classificatie van Nederlandse partikels, en vervolgens worden herzien en verrijkt met de daarin ongemarkeerde eenheden met betrekking tot hun equivalenten in andere talen.

Hoewel er veel onduidelijkheid bestaat op het gebied van Nederlandse partikels en hoewel ze moeilijk te categoriseren zijn, hebben sommige onderzoekers geprobeerd een voorlopige taxonomie te introduceren. In deze studie volg ik de classificatie van Nederlandse partikels die gemaakt is door onderzoekers als Foolen, van der Wouden, König, Redeker, Vandeweghe, Devos, De Meersman. Nederlandse partikels kunnen op verschillende manieren in groepen worden ingedeeld. Op grond van de functie in de tekst, d.w.z. van de precieze bijdrage die partikels leveren aan de uiting waarin ze voorkomen, worden ze in functioneel georiënteerde analyses meestal in drie groepen ingedeeld.

De onderzoekers onderscheiden meestal modale partikels, focus- of scope partikels en discours- of verbindingspartikels. Deze classificatie streeft er gewoonlijk naar om de grenzen tussen het bereik van de betekenis van Nederlandse partikels te trekken door hun semantische, syntactische en pragmatische eigenaardigheden te onthullen. Door dit descriptieve kader over te nemen en uit te breiden, kan men dus beginnen met het karakteriseren van partikels in het Nederlands binnen deze drie hoofdgroepen.

De Nederlandse modale partikels duiden op een bepaalde houding van de spreker ten opzichte van de in de uitgesproken zin uitgedrukte ge-

dachte. Ze benadrukken een bepaald aspect van een boodschap en brengen de stemming of houding van de spreker over. De modale partikels zijn meestal erg moeilijk om te vertalen. Eén partikel kan in een bepaalde context het ene betekenen, maar in een andere context iets heel anders. Daarnaast hebben Nederlandse modale partikels vaak een tegenhanger in een of meer andere woordklassen. Partikels zoals *nou, toch, eens, maar, dan, ook, even, zelfs, misschien, soms* vallen onder deze groep. In de officiële grammatica van de Nederlandse taal (De Algemene Nederlandse Spraakkunst, ANS) worden modale partikels ook geclassificeerd als 'schakeringspartikels', die betrekking hebben op de gehele zinsinhoud en deze op subtiele wijze schakeren [Haeseryn et al., 1997, p. 457].

De focus- of scope partikels dat zijn de partikels die het precieze bereik (de 'scope') van een taalelement afbakenen, met andere woorden partikels die specificeren op wie/wat of in welk geval dat element van toepassing is. De lijst van focus- of scope partikels omvat meestal *alleen, ook, zelfs, slechts, vooral, met name, niet eens, juist, en maar* in de zinnen zoals *We zijn maar arme taalkundigen* [König, 1991; van der Wouden, 2002]. Binnen de categorie van focus partikels onderscheidt Van der Wouden ook tijdspartikels. Dit zijn partikels die een tijdsaspect uitdrukken zoals *al, nog, pas, weer, (niet) meer*.

De discours- of verbindingspartikels markeren verschillende soorten verbanden of samenhangende relaties binnen de argumentatie. Ze worden ook coördinatoren genoemd die de verbinding tussen verschillende teksteenheden aangeven. Ze hebben te maken met de tekststructuur en presentatie, en worden daarom ook wel tekststructurend of presentationeel genoemd. De meest voorkomende discours partikels zijn onder andere: *dus, enfin, kortom* die aanduiden of suggereren dat de spreker (een deel van) het gesprek samenvat of een conclusie wil maken. De lijst van discours partikels omvat ook het partikel *maar* in zinnen als *Maar hoe zit het nou met dat proefschrift van jou* dat door een spreker gebruikt kan worden om zijn of haar gesprekspartner(s) duidelijk te maken dat er een ander onderwerp wordt aangesneden [Redeker, 1994]. De partikels *kijk, hé, hoor, joh* [van der Wouden, 2002; Redeker, 1994] behoren ook tot deze groep. Deze partikels worden dus vaak gebruikt om het discours te verbinden en te organiseren, bijv. om het begin van een nieuw deel van de argumentatie te markeren, om te eindigen of van onderwerp te veranderen, om de argumentatie samen te vatten, te ordenen, of te rangschikken. Ze fungeren ook als antwoordfiches in een gesprek. De

partikelslijst van Van der Wouden omvat ook graadpartikels zoals *zo*, *erg*, *te*.

Interessant is dat de officiële grammatica van de Nederlandse taal (ANS) de focus en modale partikels (hier ‘schakeringspartikels’) in de categorie van bijwoorden als oordeelpartikels classificeert. Vandeweghe, Devos en De Meersman [Vandeweghe et al., 2013, p.147] verdelen de oordeelpartikels verder in vijf groepen, die zij handig vinden om de semantiek van partikels te presenteren in plaats van hun formele classificatie. De vijf groepen die ze onderscheiden zijn: aspectuele partikels (*al./reeds, nog, niet meer, nog niet, nog maar, pas*), restrictieve partikels (*maar, enkel, alleen, alleen maar*), additieve partikels (*ook, zelfs, niet eens*), preciserende partikels (*net, juist, precies, uitgerekend*), en benaderende partikels (*bijna, vrijwel, nagenoeg*).

6. LEXICALE BETEKENIS EN MODALE BETEKENIS

In de hierboven beschreven onderverdeling worden vooral modale partikels beschouwd als functie worden, d.w.z. woorden, die geen lexicale betekenis hebben of liever die een betekenis hebben, die geen feitelijke informatie toevoegt aan de betekenis van de zin en die pragmatisch moet worden beschouwd. Het kan echter problematisch zijn dat er toch vaak een ‘lexicaal’ woord bestaat dat dezelfde vorm heeft en dat wel een lexicale betekenis heeft en dus als een polyseme variant kan worden beschouwd. In het artikel van Beheydt vinden we geschikte voorbeelden daarvoor [Beheydt, 2004, p. 23]:

Lexicale betekenis

*Ik kom **zeker** voor acht uur aan.*
*Je hebt **maar** vijf minuten.*
*Bram zal **misschien** wat later komen.*
*We praten **soms** met de patiënten.*
*Marieke zal er **ook** zijn.*
*Dat gebeurt **maar eens** in de vijf jaar.*
*Je moet nog **even** wachten.*
*Blij dat je **toch** gekomen bent.*
***Dan** moet je me waarschuwen.*
*Ik heb **alleen** gezegd dat het te laat was.*

Modale betekenis

*Jij bent **zeker** Lieveke?*
*Kom **maar** binnen.*
*Heb je **misschien** een mes?*
*Is Karoo **soms** thuis?*
*Hoe heet jij **ook** weer?*
*Zal ik je **eens** wat zeggen?*
*Luister eens **even**.*
*Hou dan **toch** op.*
*Wat bedoel je **dan**?*
*Ik heb er **alleen** niet aan gedacht.*

Beheydt bewijst dat, in tegenstelling tot de onderstreepte woorden in de zinnen in de linkerkolom, de onderstreepte partikels in de zinnen

in de rechterkolom geen lexicale betekenissen hebben die specifieke informatie toevoegt aan de zin en waarvan we een precieze lexicografische definitie kunnen geven, los van een context. De betekenis van de partikels in de zinnen in de rechterkolom is afhankelijk van de context en van de specifieke communicatieve situatie en is daardoor tot op zekere hoogte flexibel.

7. SEMANTISCHE WAARDE EN INTERPRETATIE VAN PARTIKELS IN HET NEDERLANDS

Het is vaak ook zo dat verschillende partikels diverse nuances kunnen uitdrukken, afhankelijk van diverse contexten. Deze nuances behoren niet tot de betekenis maar tot de interpretatie van het partikel in deze specifieke contexten, of zoals Beheydt dat noemt, tot de modale illocutie. Het partikel kan gebruikt worden als het gaat om een uitvoering van een wens, of een verzoek of om het uitdrukken van de diverse gevoelens [Beheydt, 2004, p. 24]:

<i>Luister eens even.</i>	[wens]
<i>Je ziet maar.</i>	[berusting]
<i>Hou toch op!</i>	[irritatie]
<i>Doe maar!</i>	[aanmoediging]
<i>Is Ferre soms thuis?</i>	[twijfel]
<i>Hoe heet je ook weer?</i>	[onzekerheid]
<i>Kijk dan toch!</i>	[ongeduld]
<i>Heb je dan een digitale camera?</i>	[ongeloof]
<i>Kijk eens!</i>	[verzoek]
<i>Bert zal wel te laat komen.</i>	[veronderstelling]
<i>Ja toch? Niet dan?</i>	[verzoek om instemming]
<i>Hij zal toch wel komen?</i>	[hoop]
<i>Ik doe het niet, hoor.</i>	[waarschuwing]
<i>Je had zeker geen grotere!</i>	[ironie]
<i>Wat is dat nou?</i>	[verbazing]
<i>Hij valt nog op zijn hoofd.</i>	[vrees]

8. EENZELFDE PARTIKEL — VERSCHILLENDE INTERPRETATIES

Iedereen die Nederlandse partikels uit het hoofd leert of een vertaling van Nederlandse partikels maakt moet evenwel in acht nemen dat hetzelfde partikel verschillende nuances kan uitdrukken afhanke-

lijk van de context en situatie waarin het wordt gebruikt. In het leer- of vertaalproces is het dus heel belangrijk om niet automatisch met die partikels te beginnen maar te beseffen dat bij eenzelfde partikel steeds verschillende interpretaties mogelijk zijn zoals de hiernavolgende zinnen met respectievelijk *maar* [zie ook Foolen, 1993] en *toch* [zie ook Elffers, 1997] illustreren [Beheydt, 2004, p. 24, 25]:

<i>Doe maar!</i> Geef maar gas.	[aanmoediging]
<i>Doe maar.</i> Ik hou je niet tegen.	[berusting]
<i>Doe maar.</i> Ik heb daar geen moeite mee.	[geen bezwaar]
<i>Kijk maar.</i>	[suggestie; van der Wouden, 2002, 24]
<i>Geef die boeken maar hier.</i>	[geruststellend en vriendelijk verzoek; Haeseryn et al., 1997, p. 457]
<i>Ik ga maar naar huis.</i>	[besluitend]
<i>Maar wie we daar hebben!</i>	[verwondering]
<i>Wat doe je toch? — Hou daar mee op.</i>	[irritatie]
<i>Hij gaat toch niet springen?</i>	[vrees]
<i>Hij gaat toch niet springen. Ik zie dat.</i>	[zekerheid]
<i>Ik heb dat toch niet gezegd.</i>	[verwijt]
<i>Het is nu toch te laat.</i>	[ontgoocheling]

9. CONCEPTUELE BETEKENIS

Beheydt merkt ook op dat diezelfde woorden die wel een lexicale betekenis hebben ook van elkaar kunnen verschillen in betekenis, maar hier hebben we te maken met een verschil op het conceptuele niveau. De betekenis van deze woorden kan nog steeds gedefinieerd worden los van context en situatie. Hij geeft volgende voorbeelden daarvoor [Beheydt, 2004, p. 25]:

*Ik wil wel komen, **maar** ik heb geen tijd.*
*Ik heb **maar** vijf euro meer.*

In de eerste zin heeft het woordje *maar* de lexicale betekenis *echter*. In de tweede zin *maar* is een bijwoord met de lexicale betekenis *slechts*. De betekenis is hier conceptueel gegeven en niet, zoals in het geval van partikels, op basis van illocutieve taalhandeling en context. Om dit verschil nog duidelijker te maken zou ik hier geneigd zijn om Nederlandse partikels naast de functie groepen ook te verdelen en te beschrijven op

basis van de discursieve niveaus waarop ze functioneren en volgens de aard door deze partikels uitgedrukte relaties tussen discursieve eenheden.

10. DRIE DISCURSIEVE NIVEAUS — ONDERZOEKSVOORSTEL

Nederlandse partikels kunnen worden verdeeld en beschreven op basis van de discursieve niveaus waarop ze functioneren. Er zijn tenminste drie niveaus waarop de functie van partikels geanalyseerd kan worden. Dit model werd met succes gebruikt door Nederlandse wetenschappers voor het beschrijven van partikels in dode talen, die behoorlijk rijk aan partikels zijn — Latijn [Kroon, 1995] en Oudgrieks [Wakker, 1997]:

Tabel 1. Het model voor de verdeling van Nederlandse partikels op basis van de discursieve niveaus waarop ze functioneren

Functie	Discourse niveau	Aard uitgedrukte relatie	Enkele Nederlandse voorbeelden
focus- of scope partikels	representatieve	semantische relaties tussen de standen van zaken in de gerepresenteerde wereld	<i>alleen, ook, zelfs, maar</i>
verbindingspartikels	presentatieve	functionele relaties tussen discourse eenheden	<i>dus, enfin, kortom, maar</i>
modale partikels	interactieel	de relatie van een discourse-eenheid tot zijn niet-verbale, communicatieve omgeving	<i>nou, toch, eens, maar, dan, ook, even, misschien, soms</i>

Men kan dus denken aan deze voorbeelden in het Nederlands:

Representationeel:

*Ik ben **maar** een gewone mens.*

Presentationeel:

***Maar** hoe zit het nou met dat proefschrift van jou.*

Interactieel:

*Dan ga ik **maar** naar huis.*

Op het representationele niveau geeft de spreker de (echte of een denkbeeldige) wereld weer buiten de taal en de verbanden daarin. Veel

voegwoorden werken op dit niveau, maar ook partikels. Het presentationele niveau gaat over de (thematische en communicatieve) structuur die de spreker in zijn tekst aanbrengt. Deze structuur geeft aan wat de verbanden tussen de teksteenheden zijn (hoofdlijn, achtergrond, ander onderwerp aansnijden, samenvatten). Op het interactionele niveau ligt de relatie tussen de spreker en de adressaat. Op dit niveau wordt aangegeven hoe taaluitingen in een uitwisseling passen.

11. VERTAALMOGELIJKHEID VAN NEDERLANDSE PARTIKELS

Als er in een bepaalde context de interpretatie van het partikel werd vastgesteld ofwel op basis van de functie in de tekst of op de grond van de discursive niveau waarop het fungeert, dan komt de kwestie van weergave in een andere taal: hoe kan die interpretatie in een andere taal worden vertaald? Er dient hier opgemerkt te worden dat er alleen richtlijnen bestaan voor de omgang met partikels in het vertaalproces.

Ten eerste moet de vertaler beseffen dat, hoewel de meeste talen behoorlijk rijk aan partikels zijn, er vaak geen corresponderende equivalent voor het Nederlandse partikel voorhanden is of de buitenlandse term te vaag is om de betekenis van Nederlandse partikel duidelijk genoeg uit te drukken ofwel een andere inhoud heeft. Ten tweede moet hij weten dat een andere taal immers over andere middelen beschikt om dezelfde betekenisnuances uit te drukken, bijvoorbeeld de betekenis van modale partikels kan worden uitgedrukt met werkwoordstijden ('conditioneel'), met een wijze ('imperatief', 'vraag'), met intonatie, met toevoeging van andere partikel(s), met toevoeging van beleefheidswoordje. Ten derde moet de vertaler in de brontekst vooral de intenties van de spreker herkennen om dan het gebruik van specifieke partikel te kunnen omzetten naar of inpassen in de doeltaal. Ten laatste moet de vertaler zich bewust zijn van het feit dat deze kleine woordjes grote effecten kunnen hebben in het taalgebruik en dat de nauwkeurige cross-linguïstische zoektocht naar de equivalenten van partikels in de twee talen essentieel is voor een vruchtbare vertaling.

Partikelsonderzoek heeft veel wetenschappelijke aandacht gekregen, zowel in de Poolse als in de Nederlandse taalkunde. Het onderzoek wordt ook steeds meer cross-linguïstisch: partikels worden vaak in een contrasterend perspectief geplaatst met hun equivalenten in andere talen. Studies die Nederlandse partikels contrasteren met hun equiva-

lenten in andere talen (bijv. Engels, Duits, Frans, Zweeds) zijn talrijk [bijv. Abraham, 1984; Nuyts, 2001; Aijmer, Simon-Vandenberg, 2003; Hiligsmann, Noiret, 2005, 2010; de Vriendt, van de Craen, 2008], maar Nederlands-Pools of, meer in het algemeen, Nederlands-Slavisch contrastief onderzoek op dit gebied is tot dusver eerder schaars en fragmentarisch geweest [Křížová, 2015].

Hoewel er een behoorlijke traditie bestaat in onderzoek naar Nederlandse en Poolse partikels, heeft het contrastieve onderzoek daar dus geen deel van uitgemaakt. De categorie van partikels is echter om een aantal redenen een absorberend object van cross-linguïstisch Nederlands-Pools onderzoek. Allereerst is de partikelscategorie tot nu toe in beide talen niet duidelijk afgebakend. Ten tweede verschillen de criteria die worden gebruikt om de categorie te identificeren niet alleen cross-linguïstisch, maar zelfs ook binnen Nederlandse of Poolse studies. Bovendien is de classificatie van partikels in beide talen nog steeds niet grondig onderzocht en er moet nog een nauwkeurige identificatie van de equivalenten van partikels in de twee talen worden vastgesteld.

Om al die ingewikkelde nuances van partikels te herkennen en dan in een vreemde taal uit te drukken 'moet de vertaler voorzien zijn van een zintuig voor wat anders is voor andere en anderstalige lezers. [...] Een vertaling moet spreken, moet zich uitspreken, in bedekte termen', benadrukt Naaijkens [Naaijkens, 2004, p. 18]. Daarvoor moet de vertaler de angst voor het nieuwe en het vreemde — of het nu gaat om vreemde kleine woordjes of om vreemde denkpatronen — wegnemen, of beter nog: hij moet die angst omsmeden tot een instrument dat een vruchtbare vertaling zal opleveren.

12. TOT SLOT

Ik sluit mijn artikel af met een gedicht van Ingmar Heytze uit zijn bundel *De allesvrezer*. Dit gedicht geeft in een notendop perfect weer hoe al die kleine woordjes het taalgebruik nuanceren [Heytze, 2016, p. 24]:

*Woorden van de allesvrezer
Dus! Want! En! Maar!
Het arrogantste woord
is dus. DUS weet
dat twijfels niet meer hoeven.*

*Het redelijkste woord
is want. WANT geeft van alles
de reden aan.*

*Het plakkerigste woord
is en. EN lijmt
de dingen aan elkaar.*

*Het gemeenste woord
is maar. MAAR zet alles weer
op losse schroeven.*

Deze kleine woordjes of smaakmakers in een tekst, zoals ‘dus’, ‘want’, en ‘maar’ zijn lange tijd in het zakje voor de moeilijke schroefjes van de Nederlandse grammatica gebleven, maar zijn juist woorden waarmee een auteur zijn communicatieve bedoelingen laat blijken. Het blijkt dat de functionele beschrijvingen van partikels een beter inzicht geven in de effecten die deze kleine woordjes in een bepaalde context kunnen hebben, waardoor het duidelijk wordt dat Nederlandse partikels niet zomaar beschouwd kunnen worden als betekenisloze elementen die naar willekeur over een tekst worden verspreid, zoals velen het zien. Door systematisch naar het linguïstisch gedrag van partikels te kijken, maar ook naar het teksttype, de context waarin het gegeven partikel wel en niet voorkomt of naar het discursieve niveau waarop het werkt, kunnen we achter de functie en ‘gevoelswaarde’ van het kleine woordje komen en daardoor de grootse problemen met het gebruik van Nederlandse partikels oplossen.

REFERENCES

- Abraham W. De betekenis en de functie van het Nederlandse *wel* — een vergelijking met het Duits. *Studies over Nederlandse partikels*. Eds J. van der Auwera, W. Vandeweghe. *Antwerp Papers in Linguistics*, 35, 1984. P. 19–46.
- Aijmer K., Simon-Vandenberghe A. M. The Discourse Particle *well* and Its Equivalents in Swedish and Dutch. *Linguistics*, 41, 2003. P. 1123–1161.
- Beheydt L. Modale partikels en grammaticalisering. *Langues à niveaux multiples. Hommage au professeur Jacques Lerot à l'occasion de son éméritat*. Ed. H. Bouillon. Peeters: Louvain-la-Neuve, 2004. P. 22–34.
- de Vriendt S., van De Craen P. Schakeringspartikels in het Nederlands en het Frans. *Verslagen en mededelingen van de Koninklijke Academie voor Nederlandse taal- en letterkunde*. Gent: Koninklijke Vlaamse Academie voor Taal- en Letterkunde, 2008. P. 5–15.

- Elffers E. De onaccentueerbaarheid van modale partikels. *Grammaticaal Spektakel. Artikelen aangeboden aan Ina Schermer-Vermeer*. UvA: Amsterdam, 1997. P.87–99.
- Foolen A. *De betekenis van partikels. Een dokumentatie van de stand van het onderzoek, met bijzondere aandacht voor 'maar'*. PhD thesis. K.U.Nijmegen, 1993. 244 p.
- Foolen A. Typical Dutch noises with no particular meaning: Modale partikels als leerprobleem in het onderwijs Nederlands als vreemde taal. *Verslag van het negende colloquium van docenten in de Neerlandistiek aan buitenlandse universiteiten*. 's-Gravenhage: IVN, 1986. P.39–57.
- Haeseryn W., Romijn K., Geerts G., de Rooij J., van den Toorn M. C. *Algemene Nederlandse Spraakkunst* = ANS. Tweede, geheel herziene druk. Groningen: Martinus Nijhoff & Deurne; Wolters Plantyn, 1997. 1717 p.
- Het Parool*. Available at: <https://www.parool.nl/nieuws/doe-eens-normaal-de-opvallendste-dialoog-van-het-jaar> (accessed: 15.07.2021).
- Heytze I. *Voor de liefste onbekende*. Amsterdam: Podium, 2016. 426 p.
- Hiligsmann P., Noiret F. Modale partikels in het Nederlands, hoe worden die *nou* in het Frans vertaald? *Le linguiste/De taalkundige*, 51 (4), 2005. P.13–21.
- Hiligsmann P., Noiret F. Modale partikels in het Nederlands en hun vertalingen in het Frans. *Voor Magda. Artikelen voor Magda Devos bij haar afscheid van de Universiteit Gent*. Red. De Caluwé J., van Keymeulen J. Gent: Academia Press, 2010. P.281–292.
- Hoogvliet J.M. *Lingua. Een beknopt leer- en handboek van Algemeene en Nederlandsche taalkennis*. Amsterdam: S.L. van Looy, 1903. 175 p.
- Hurford J.R. *Grammar: A student's guide*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 288 p.
- Juryrapport Nijhoff Vertaalprijs 2020*. Available at: <https://www.cultuurfonds.nl/juryrapport-nijhoff-vertaalprijs-2020-irina-michajlova> (accessed: 01.11.2021).
- König E. *The meaning of focus particles: a comparative perspective*. London: Routledge, 1991. 232 p.
- Křížová K. Het Nederlandse woord *even* en zijn Tsjechische equivalenten in het parallele corpus InterCorp. *Brünner Beiträge zur Germanistik und Nordistik*, 29 (2), 2015. P.151–165.
- Kroon C. *Discourse Particles in Latin. A study of nam, enim, autem, vero and at*. Amsterdam: Gieben, 1995. 402 p.
- Naaijkens T. Een wereld van verschil. Over taal en cultuur in vertaling. *Taal en cultuur in vertaling. De wereld van Cees Noteboom*. Eds S. Evenepoel, G. Roroyck, H. Verstraete. Antwerpen — Apeldoorn: Garant, 2004. P.13–23.
- Nuyts J. *Epistemic modality, language, and conceptualization: A cognitive-pragmatic perspective*. Amsterdam: Benjamins, 2001. 450 p.
- Redeker G. Maar nu even iets heel anders — *maar* als segmentatiesignaal. *Nauwe Betrekkingen. Voor Theo Janssen bij zijn vijftigste verjaardag*. Eds R. Boogaart, J. Noordegraaf. Amsterdam: Stichting Neerlandistiek VU, 1994. P.213–221.

- Van de Poel K., Van de Walle L. Nederlandse partikels en andere kleine woorden in het kader van beleefdheidsstrategieën, Nederlands in culturele context. Handelingen twaalfde Colloquium Neerlandicum. *Internationale Vereniging voor Neerlandistiek*. Woubrugge, 1994. P.325–344.
- van der Wouden T, Caspers J. Partikels als leerprobleem in het Nederlands als tweede taal. *Internationale Neerlandistiek*, 46 (3), 2008. P.33–45.
- van der Wouden T., van Balen E., Caspers J. Modale partikels in het Nederlands als tweede taal: aanwijzingen voor een vaste verwervingsvolgorde. *Internationale Neerlandistiek*, 48, 2010. P.31–40.
- van der Wouden T. Naar een partikelwoordenboek van het Nederlands. *Nederlandse Taalkunde*, 7, 2002. P.20–43.
- van der Wouden T. Partikels: woordjes die het Nederlands markeren. *Wat iedereen van het Nederlands moet weten en waarom*. Eds N. van der Sijs et al. Amsterdam: Bert Bakker, 2006. P.119–129.
- van der Wouden T. Smeermiddelen van de taal. Partikels in het Nederlands. *Onze Taal*, 11, 1999. P.292–295.
- Vandeweghe W., Devos M., De Meersman F. *Grammatica van de Nederlandse zin*. Antwerpen — Apeldoorn: Garant, 2013. 366 p.
- Wakker G. C. Daarom dan dus. Kleine woorden, grote effecten. *Oratiereeks Faculteit der Letteren*. Groningen: Rijksuniversiteit Groningen, 2009. 28 p.
- Wakker G. C. Emphasis and Affirmation. *New approaches to Greek Particles*. Ed. A. Rijksbaron. Amsterdam: Gieben, 1997. P.209–231.
- Wenzel V. Partikels in het Nederlands als vreemde taal. *Neerlandica Extra Muros*, 42 (1), 2004. P.33–43.

Kamila Tomaka

The John Paul II Catholic University of Lublin, Poland

NOU TOCH EIGENLIJK BEST WEL ENG HOOR.

ABOUT SEMANTIC VALUE, INTERPRETATION AND TRANSLATION POSSIBILITY OF DUTCH PARTICLES

For citation: Tomaka K. *Nou toch eigenlijk best wel eng hoor*. About semantic value, interpretation and translation possibility of Dutch particles. *Scandinavian Philology*, 2022, vol. 20, issue 1, pp. 61–78.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2022.105> (In Dutch)

Dutch particles are among the most difficult elements of the Dutch language to learn. Most students do not know what to do with particles and regularly omit them in text translations. However, the interpretation and translation of Dutch particles is a problem not only for students. Teachers, researchers, and translators also have great difficulties with them. This contribution focuses on research into the biggest problems with Dutch particles. My attention is focused on the semantic value, interpretation, and translation possibility of Dutch particles. This article also discusses the taxonomy of particles in Dutch based on current elaborations. I then proceed with the distribution of particles based on the discursive levels at which they function. The aim of this paper

is also to present the characterization of the category of Dutch particles next to the category of Dutch adverbs. This article demonstrates also an overview of approaches to particles taken in Dutch linguistics area with the aim of identifying their most important points and suggesting a framework for further analysis. Eventually, it states that the category of particles is also an absorbing object of cross-linguistic research for a number of reasons. First, the category of particles has not been clearly defined in many languages so far. Second, the criteria used to identify this category differ not only cross-linguistically, but even within Dutch studies. Lastly, the classification of particles in many languages has still not been thoroughly researched and an accurate identification of Dutch particles equivalents has yet to be established.

Keywords: particles, semantic value, interpretation, translation, taxonomy.

Kamila Tomaka

Assistant Professor of Dutch Linguistics,
Instytut Językoznawstwa WNH, Katolicki Uniwersytet Lubelski Jana Pawła II,
14, al. Raławickie (CN-006), Lublin, 20-950, Poland
E-mail: kamila.tomaka@kul.pl

Received: October 29, 2021

Accepted: February 22, 2022

УДК 81-26

Татьяна Топорова

Институт языкознания, Российская академия наук

ОПЫТ АНАЛИЗА ЭПИЧЕСКОГО СЛОВА: ДР.-ИСЛ. *HEL* 'ЗАГРОБНЫЙ МИР; ВЛАДЕЛИЦА ЗАГРОБНОГО МИРА' В «СТАРШЕЙ ЭДДЕ»

Для цитирования: *Топорова Т. В.* Опыт анализа эпического слова: др.-исл. *hel* 'загробный мир; владелица загробного мира' в «Старшей Эдде» // Скандинавская филология. 2022. Т. 20. Вып. 1. С. 79–97.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2022.106>

Статья посвящена изучению эпического слова на примере др.-исл. *hel* 'загробный мир; владелица загробного мира' в древнеисландском поэтическом памятнике письменности «Старшая Эдда», используемого для номинации одного из важнейших локусов мифопоэтической модели мира, а также его персонификации. В центре внимания автора оказывается анализ контекста, на основании которого можно реализовать главную цель — понять принципы дистрибуции данной лексемы в «Старшей Эдде». Используется многокомпонентный анализ, учитывающий данные статистики (прежде всего частотности словоупотреблений), грамматики (падежной парадигмы соответствующих форм), морфологии (типов сочетания компонентов композита), синтаксиса (предикатов, выполняющих ряд функций), этимологии, способной к актуализации в определенных ситуациях, мифологии (тяготения к тем или иным мифологемам, мотивам, сюжетам или мифам), поэтики (аллитерации, звуковых повторов, анаграмм) и экстралингвистического аспекта — связи с «миром вещей». Особое внимание уделяется композитам, в составе которых др.-исл. *hel* выступает в качестве первого или второго компонентов, так как именно в сложных словах может быть реализован семантический потенциал данной лексемы. Было установлено, что др.-исл. *hel* противопоставляется *миру живых* (др.-исл. *heimr*); ассоциируется с *низом*, указывающим на локализацию хель, способом попадания в нижний мир (*убивать*) и субъектами, его населяющими (*люди*); преимущественно выполняет функцию направления, цели, сочетаясь с глаголами движения. Выдвигается гипотеза о семантической эволюции: *локус (загробный мир) > персонаж (его владелица)* — и реконструируются различные этапы этого процесса, обнаруживаемые в «Старшей Эдде». Для определения семантики др.-исл. *hel* особое значение

приобретает *антропоцентрический* фактор, так как точкой отсчета служит населенный людьми «средний мир», по отношению к которому используются пространственные ориентиры *вниз* и *отсюда*. На основании эддических фактов устанавливается экстралингвистическая специфика соответствующего денотата как огороженного пространства, имеющего ворота. Верифицируется принадлежность др.-исл. *hel* сфере похоронного ритуала и сакральной терминологии.

Ключевые слова: *Старшая Эдда*, древнеисландский язык, мифопоэтическая модель мира, эпическое слово, грамматика, морфология, семантика, этимология, поэтика.

Эпическое слово, функционирующее в знаменитом древнеисландском поэтическом памятнике — «Старшей Эдде»¹ (основная рукопись Codex Regius 2365 второй половины XIII в.), объединяющей песни мифологического и героического циклов, — уникально по своей природе и требует особого подхода, так как обладает аксиологическим статусом и отражает концепты архаической мифопоэтической модели мира, определяемой как «сокращенное и упрощенное отображение всей суммы представлений о мире внутри данной традиции, взятых в их системном и операционном аспектах» [Мифы народов мира, 1982, с. 161]. Выбор др.-исл. *hel* 'загробный мир; владелица загробного мира' в качестве объекта исследования отнюдь не случаен, так как эта лексема используется в «Старшей Эдде» для номинации одного из важнейших локусов эддической модели мира, а также его персонификации.

Для адекватного исследования эпического слова и кодируемых им денотатов разработана специальная схема описания², учитывающая многообразие факторов, влияющих на конституирование его значения.

1. Решающее значение для определения лексико-семантических тождеств и различий приобретает *контекст* как непосредственная среда существования слова.

2. Для осмысления принципов дистрибуции лексем в тексте применяется анализ распределения эпического слова по *числам* и *надежам* и учитываются *статистические данные*.

---

¹ Цит. по изданию [Edda, 1968], перевод цит. по изданию [Старшая Эдда, 1963].

² Она основана на исследованиях русского фольклора [Фольклорная лексикография, 1994, с. 1; Никитина, 1997, с. 360–373] и впервые применена автором при анализе обозначений *горы* в «Старшей Эдде» [Топорова, 2006, с. 9–11].

3. Этимология позволяет увидеть *индоевропейскую перспективу* формирования значения.

4. *Мифология* эксплицирует тяготение слова к тому или иному мифу, сюжету или мотиву.

5. *Поэтика* отражает актуальные связи лексем в пределах эддического текста.

Перейдем к непосредственному анализу интересующей нас лексемы.

1. Заголовочное слово: др.-исл. **hel** ‘мир иной; загробное царство; владения богини смерти Хель’.

2. Фонетические/морфологические варианты: **heliar**, **helio**.

3. Контексты:

а) в мифологических песнях: ...*enn annarr gelr fyr iǫrð neðan, / sótrauðr hani, at sǫlom Heliar* (Vsp. 43) ‘...другой поет под землей внизу / черно-красный петух у палат **Хель**^{*3}; *Frá iǫtna rúnom oc allra goða / ec kann segia satt, / þvíat hvern hefi ec heim um komit; / nío kom ec heima fyr Niflhel neðan, / hinig deyaia ór helio halir* (Vm. 43) ‘О великанов тайнах и всех богов / поведал я правду, / так как каждый я прошел мир; / девять прошел я миров до Тумана хель вниз, / туда умирают из **хель** люди^{*}; *Giǫll oc Leiptr, þær falla gumnom nær, / enn falla til heliar heðan* (Grm. 28) ‘Гьель и Лейфтр, они текут (букв. падают) рядом с людьми, / но текут (букв. падают) в **хель** отсюда^{*}; *Priár rætr standa á priá vega // undan asci Yggdrasils; // Hel býr undir einni, annarri hrímþursar, // þriðio mennzcir menn* (Grm. 31) ‘Три корня стоят в трех направлениях // под ясенем Иггдрасилем; // **Хель** живет под одним, под другим инеистые великаны, // под третьим людские люди^{*}; *Ara þúfo á scaltu ár sitia, / horfa heimi ór, snugga heliar til* (Skm. 27) ‘На орлиной скале ты будешь сидеть, / отвернувшись от мира, повернувшись к **хель**^{*}; *Hárbarðr inn ragi, ec mynda þic í hel drepa, / ef ec mætta seilaz um sund* (Hrbl. 27) ‘Харбард женоподобный, я убил бы тебя в **хель**, / если бы смог перебраться через пролив^{*}; *Hrungnis bani mun þér í hel koma, / fyr nágrindr neðan* (Ls. 63) ‘Хрунгнира убийца заставит тебя пойти в **хель**, / вниз к мертвым воротам^{*}; *Máni heitir með mǫnnum... / kalla hverfanda hvél helio í* (Alv. 14) ‘Месяц называется у людей, / ...называют вращающимся колесом в **хель**^{*}; *Scý heita með mǫnnum, enn scúrván goðom, / ...kalla*

³ Знак * обозначает дословный перевод автора.

í **helio** *hiálm huliz* (Alv. 18) ‘Тучей называется у людей, надеждой на дождь у богов, / ...называют в **хель** шлемом скрывающим’*; *Vindr heitir með tǫnnnot, enn váfuðr með goðom, / kalla í helio hviðid* (Alv. 20) ‘Ветром называется у людей, а летящим у богов, / называют в **хель** порывистым’*; *Eldr heitir með tǫnnnot, enn með ásom funi, / ...kalla í helio hrǫðid* (Alv. 26) ‘Огонь называется у людей, пламя у асов, / ...называют в **хель** спешащим’*; *Bygg heitir með tǫnnnot, enn barr með goðom, / kalla í helio hnípinn* (Alv. 32) ‘Ячмень называется у людей, злак у богов, / называют в **хель** поникшим’*; *Ql heitir með tǫnnnot, enn með ásom biórr, / kalla... / hreinalog iǫtnar, enn í helio miǫð* (Alv. 34) ‘Пивом называется у людей, а у асов брагой, / чистой влагой у великанов, а в **хель** медом!’*; ...*reið hann niðr þaðan Niflheljar til, / mœtti hann hvelpi, þeim er ór helio kom* (Bdr. 2) ‘... поскакал он вниз оттуда в Нифльхель, / встретил он пса, из **хель** пришедшего’*; ...*fram reið Óðinn, foldvegr dundi, // hann kom at hávo Heljar ranni* (Bdr. 3) ‘...дальше поскакал Один, гудел земли путь, // он приехал к высокому **Хель** жилищу’*;

б) в героических песнях: ...*hofuð þitt leystu helio ór, / finn mér lindar logs* (Rm. 1) ‘...голову твою освободи из **хель**, / найди мне пламя вод’⁴; ...*enn þú, Fáfnir, ligg í fiǫrbrotom, / þar er þic Hel hafí* (Fm. 21) ‘...а ты, Фафнир, лежи в окончании жизни, / пусть там тебя **Хель** имеет’*; ...*eino sinni skal alda hverr / fara til heljar heðan* (Fm. 10) ‘...однажды должен каждый из людей / отправиться в **хель** отсюда’*; *Hofði scemra láti hann inn hára þul / fara til heljar heðan* (Fm. 34) ‘Тула седого пусть обезглавит, / заставит отправиться в **хель** отсюда’*; ...*þeir báðir bræðr scolo brálliga / fara til Heljar heðan* (Fm. 39) ‘...оба брата должны быстро / отправиться в **хель** отсюда’*; *Þá lét ec gamlan á Goðþjóðo Hiálm-Gunnar næst heljar ganga* (Hlr. 8) ‘В готском краю я тогда заставила пойти Хьяльм-Гуннара старого в **хель**’*; *Hrundo þeir Vinga oc í hel drápo* (Am. 41) ‘Оттолкнули они Винги и в **хель** убили’*; ...*oc hofom einn feldan, // lamðan til heljar, liðs var sá uðvars* (Am. 43) ‘...и имеем одного павшего, убитого в **хель** из вашего войска’*; *Annan réð hon hoggva, svá at sá upp reísat, // í helio hon þann hafði* (Am. 50) ‘Другого она изрубилла, так что не поднялся он, / в **хель** его тогда имела’*; *Bræðr várom fiórir, er Viðla mistom, // hefír nú Hel hálfu, hoggnir tveir liggia* (Am. 55) ‘Бра-

⁴ *Пламя вод* — золото [Стеблин-Каменский, 1963, с. 239].

твев было нас четверо, когда лишились Будди, / имеет **Хель** полови-
ну, изрубленными двое лежат⁵; ...*sendoð systir Helio* (Am. 56)
'...ты послала сестру **Хель**⁵; ...*þorðuz ér bræðr ungr, báruz róg mil-
li, // hálf gecc til heliar ór húsi þíno* (Am. 97) '...сражались вы, юные
братья, вражду разжигали, / половина пошла в **хель** из дома твое-
го⁵; ...*at þú myndir mín, móðigr, vitia, // halr, ór helio, enn ec þín ór
heimi* (Ghv. 19) '... что ты должен был, могучий, посетить меня, / че-
ловек, из **хель**, а я тебя из мира⁵.

4. Количество словоупотреблений:

а) в мифологических песнях — 15;

б) в героических песнях — 13.

5. Толкование:

«**hel** f. *totenwelt, reich der totengöttin Hel; fara od. ganga til h-iar zur unterwelt fahren: sterben* (Fm.; Am. 97); *lemia til h-iar totschiagen* (Am. 43); *drepa í hel dass.* (Hrbl. 27; Am. 41); *ähnl. hafa í h-io in die unterwelt schaffen* (Am. 51; vgl. auch 56) *u. í h. koma (e-m) in die unterwelt bringen*» [Kuhn, 1968, s. 92–93];

«**hel** f. *world of the dead, realm of the dead-goddess Hel: fara or ganga til h-iar to go to the world of the dead: to die* (Fm. 10; Am. 97); **lemia til heliar** *to kill* (Am. 43); **drepa í hel** *same* (Hrbl. 27; Am. 41); *simil. hafa í h-io to send to the underworld* (Am. 51; cf. 56) *and í hel koma (e-m) to bring (s. o.) to the underworld* (Ls. 63)» [La Farge, Tucker, 1992, p. 109];

«**hel** f. <...> [Ulf. *halja*, A. S. and Engl. *hell*, Hel. and O. H. G. *hellia*, Germ. *hölle*]; — *the abode of the dead*: 1. in a heathern sense answering to the Greek Hades, and distinguished from Valhalla; <...> *fara til Heljar, to fare to Hel, to die*. 2. phrases or sayings: <...> *leysa höfuð ór Helju, to release one's head out of Hel*, II. *death*; *til heljar to death*; *í hel to death*. III. *the ogress Hel, Proserpine of Scand. mythol.*» [Cleasby, Vigfusson, 1957, p. 253–254].

6. Денотат: *загробный мир*, локализуемый в нижней зоне космозированной вселенной, под девятью мирами, имеющий «мертвых ворота» (Ls. 63), где пребывают умершие (Vm. 43), в том числе убитые (Hrbl. 27), иногда в сражении (Am. 43); *один из миров* наряду с *миром людей, богов, карликов, великанов* в (Alv. 14; 18; 20;

⁵ То есть «ты была причиной смерти Брюнхильд» [Стеблин-Каменский, 1963, с. 248].

26; 32; 34); *местонахождение подземных рек*, расположенное под «срединным миром», населенным людьми (Grm. 28); *владычица загробного мира* (Vsp. 43; Bdr. 3), обитаемого *пространства* под одним из *корней мирового древа* — ясеня Иггдрасиля (Grm. 31).

7. Грамматическая информация:

— тип основы: **-jō- основа**;

— род: **женский**;

— число: зафиксировано только **ед. ч.**;

— падеж (+ модель управления): **И. п.** (Grm. 31; Fm. 21; Am. 55); **Р. п.** (Vsp. 43; Bdr. 3); **heliar til** (Grm. 28; Skm. 27; Fm. 10; 34; 39; Hlr. 8⁶; Am. 43; 97) ‘в хель’; **Д. п.** (**helio** (Am. 56); *i helio* (Alv. 14; 18; 20; 26; 32; 34; Am. 50) ‘в хель’; *ór helio* (Vm. 43; Rm. 1; Ghv. 19; Bdr. 2) ‘из хель’; **В. п.** (*i hel* (Hrbl. 27; Ls. 63; Am. 41) ‘в хель’.

8. Этимология: «**hel** f. ‘totenreich; Todesgöttin’, nisl. fär. norw. dä. *hel*, aschw. *hel*, *hæl*. — got. *halja* ‘hölle’, ae. *hell*, afr. *helle*, *hille*, as. *helia*, ahd. *hella*. — Gehört zum im skand. nicht überlieferten Zw. *helan ‘verbergen’: ae. as. ahd. *helan*, afr. *hela*. — lat. *occulo* (< *ob-celo) ‘verberge’, *cella* ‘kammer’, air. *celim* ‘verhehle, zur idg. wzl *kel ‘bergen, verhüllen» [Pokorny, 1959, s.553]; «<...> Die bed. ‘verbergen’, die man gewöhnlich für die wzl *kel ansetzt, betrachtet J. Trier als sekundär; man muss von dem fachwerkbau ausgehen: das totenreich ist urspr. das sippengrab, das von einem steinkreis oder zaun umringt wurde (vgl. auch **holl**)» [Vries, 1977, s.220–221].

9. Словообразование: —.

10. Словосложение в мифологических песнях:

а) в качестве первого элемента композита:

Hel-vegr ‘(в) хель путь’ («*m. weg zur totenreich* (Vsp. 47) *u. 52, Hlr. pr.*» [Kuhn, 1968, s. 190]) < др.-исл. **hel** ‘загробный мир’ и др.-исл. **vegr** ‘путь’ («*m. weg*» [Kuhn, 1968, s.217]): ...*hræðaz allir á helvegom*, // *áðr Surtar þann sefi of gleypir* (Vsp. 47) ‘...боятся все на хель дорогах, // до того как Сурта родственник его проглотит’⁶; ...*troða halir helveg, enn himinn klofnar* (Vsp. 52) ‘...ступают люди на дорогах хель, а небо раскалывается’⁶;

б) в качестве второго элемента композита:

Nifl-hel ‘Тумана хель’ < др.-исл. **nifl-** ‘тьма, туман’ («**nifl-farinn** *adj. ins dunkel gefahren: zur Hel gegangen, tot; vgl. niól n. (od. f.) dun-*

⁶ Ср. конъектуру *til Heliar* (Hlr. 8) [Edda, 1968, s.220].

kelheit, bezeichnung der nacht (Alv. 30)» [Kuhn, 1968, s. 152]) и др.-исл. **hel** ‘хель’: *Frá iǫttna rúnom oc allra goða / ec kann segia satt, / þvíat hvern hefi ec heim um komit; / nío kom ec heima fyr Niflhel neðan, / hinig deyia ór helio halir* (Vm. 43) ‘О великанов тайнах и всех богов / поведал я правду, / так как каждый я прошел мир; / девять прошел я миров до **Тумана хель** вниз, / туда умирают из **хель** люди’*; ...*reið hann niðr þaðan Nifheliar til, / mætti hann hvelpi, þeim er ór helio kom* (Bdr. 2) ‘...поскакал он вниз оттуда в **Тумана хель**, / встретил он пса, из **хель** пришедшего’*.

11. Количество словоупотреблений в мифологических песнях:

а) в качестве первого элемента композита — 2;

б) в качестве второго элемента композита — 2.

12. Словосложение в героических песнях:

а) в качестве первого элемента композита:

Hel-for ‘(в) хель поездка’ («*f. fahrt ins totenreich* (Gðr. I 8)» [Kuhn, 1968, s. 95] < др.-исл. **hel** ‘загробный мир’ и др.-исл. **for** ‘поездка’ («*f. fahrt, zug, fortgang*» [Kuhn, 1968, s. 59]): *Siálf scylda ec gofga, siálf scylda ec gøtva, / siálf scylda ec hǫndla helfor þeira* (Gðr. I 8) ‘Сама их одела, сама убрала их, / сама подготовила их **поездку в хель**’*;

Hel-fúss ‘(к) хель готовый’ («(*ags. hell-fūs*) *adj. zur unterwelt strebend, todesbereit* (Акв. 41)» [Kuhn, 1968, s. 93] < др.-исл. **hel** ‘загробный мир’ и др.-исл. **fúss** ‘готовый’ («(*ahd. funs*) *adj. gewillt od. bereit etw. zu tun* (Skm. 13; Am. 30)» [Kuhn, 1968, s. 64]): *Hon beð broddi gaf blóð at drecca, // hendi helfússi, oc hvelpa leysti; // hratt fyr hallar dyrr, oc húskarla vacþi* (Акв. 41) ‘Постель она с лезвия кровью насытила, / рукой, к **хель готовой**, и псов отпустила, / хлопнула дверью чертога и разбудила домочадцев’*;

Hel-stafir ‘хель руны’ («*m. pl. tötende runen, in líosta helstǫfom = tóten* (ННв. 29)» [Kuhn, 1968, s. 93] < др.-исл. **hel** ‘загробный мир’ и др.-исл. **stafr** ‘руна’ («*m. ‘stab’, runenzeichen, rune*» [Kuhn, 1968, s. 190]): *Austr líttu, Hríngerðr, er þic lostna hefr / Helgi helstǫfom* (ННв. 29) ‘Взгляни на восток, Хримгерд, от тебя освободелся / Хельги при помощи **смерти рун**^{7*}’*;

Hel-vegr ‘(в) хель путь’ («*m. weg zur totenreich* (Vsp. 47) *u. 52, Hlr. pr.*» [Kuhn 1968, s. 190]) < др.-исл. **hel** ‘загробный мир’ и др.-исл.

⁷ *Руны смерти* — магические руны, вырезанные на оружии, чтобы придать ему губительную силу [Стеблин-Каменский, 1963, с. 236].

vegr ‘путь’ («*m. weg*» [Kuhn 1968, s. 217]): *Svá er sagt, at Brynhildr óc með reiðinni á helveg oc fór um tún, þar er gýgr noccor bió* (Hlr. проз. 4–5) ‘Говорят, что Брюнхильд поехала в этой повозке по **пути** **в хель** мимо двора, в котором жила некая великанша’;

б) в качестве второго элемента композита: —.

13. Количество словоупотреблений в героических песнях:

а) в качестве первого элемента композита: 4;

б) в качестве второго элемента композита: —.

14. Грамматика сложных слов с *hel* в качестве второго компонента:

а) в мифологических песнях: —;

б) в героических песнях: *hel-stafir* ‘хель руны’ (pl.).

15. Морфологические модели композитов с *hel*:

а) в мифологических песнях:

subst. & subst. (*hel-vegr* ‘(в) хель путь’; *nifl-hel* ‘тумана хель’);

б) в героических песнях:

subst. & subst. (*hel-for* ‘(в) хель поездка’, *hel-stafir* ‘хель руны’, *hel-vegr* ‘(в) хель путь’);

subst. & adj. (*hel-fúss* ‘(к) хель готовый’).

16. Семантика композитов:

а) в мифологических песнях:

хель & дорога: др.-исл. *hel-vegr*;

хель & туман: др.-исл. *nifl-hel*;

б) в героических песнях:

хель & дорога: др.-исл. *hel-vegr*;

хель & поездка: др.-исл. *hel-for*;

хель & руны: др.-исл. *hel-stafir*;

хель & готовый: др.-исл. *hel-fúss*.

17. Синонимы:

хель — **под землёй:** ...*enn annarr gelr fyr iðrð neðan, / sótrauðr hani, at solum Heliar* (Vsp. 43) ‘...другой поет **под землей вниз** / черно-красный петух у палат **Хель**’*.

18. Антонимы:

хель — **мир:** *Ara þúfo á scaltu ár sitia, / horfa heimi ór, snugga heliar til* (Skm. 27) ‘На орлиной скале ты будешь сидеть, / отвернувшись от **мира**, повернувшись к **хель**’*; ...*nío kom ec heima fyr Niflhel neðan, /*

hinig deya ór helio halir (Vm. 43) ‘...девять прошел я миров до Тумана хель вниз, / туда умирают из хель люди’*; ...*at þú myndir mín, móðigr, vitia, // halr, ór helio, enn ec þín ór heimi* (Ghv. 19) ‘...что ты должен был, могучий, посетить меня, / человек, из хель, а я тебя из мира’*.

19. Гиперонимы: —.

20. Гипонимы: —.

21. Ассоциативный комплекс:

а) с существительными:

хель — люди: ...*hinig deya ór helio halir* (Vm. 43) ‘...туда умирают из хель люди’*; *Giöll oc Leiptr, þær falla gumnom nær, / enn falla til heliar heðan* (Grm. 28) ‘Гьёлль и Лейфтр, они текут (букв. падают) рядом с людьми, / но текут (букв. падают) в хель оттуда’*; ...*at þú myndir mín, móðigr, vitia, // halr, ór helio, enn ec þín ór heimi* (Ghv. 19) ‘...что ты должен был, могучий, посетить меня, / человек, из хель, а я тебя из мира’*;

б) с наречиями:

хель — вниз: ...*nío kom ec heima fyr Niflhel neðan, / hinig deya ór helio halir* (Vm. 43) ‘...девять прошёл я миров до Тумана хель вниз, / туда умирают из хель люди’*; *Hrungnis bani mun þér í hel koma, / fyr nágrindr neðan* (Ls. 63) ‘Хрунгнира убийца заставит тебя в хель пойти, / вниз к мертвых воротам’*;

в хель — отсюда: *Giöll oc Leiptr, þær falla gumnom nær, / enn falla til heliar heðan* (Grm. 28) ‘Гьёлль и Лейфтр, они текут (букв. падают) рядом с людьми, / но текут (букв. падают) в хель отсюда’*; ...*eino sinni scal alda hverr / fara til heliar heðan* (Fm. 10) ‘...однажды должен каждый из людей / отправиться в хель отсюда’*; *fara til heliar heðan* (Fm. 34; 39) ‘заставит отправиться в хель отсюда’*;

в) с глаголами:

хель — убить (с дериватами): *Hárbarðr inn ragi, ec mynda þic í hel drepa* (Hrbl. 27) ‘Харбард женоподобный, я убил бы тебя в хель’*; *Hruno þeir Vinga oc í hel drápo* (Am. 41) ‘Оттолкнули они Винги и в хель убили’*; ...*oc hqfom einn feldan, // lamðan til heliar, liðs var sá uðvars* (Am. 43) ‘...и имеем одного павшего, убитого в хель из вашего войска’*; *Hrungnis bani mun þér í hel koma* (Ls. 63) ‘Хрунгнира убийца заставит тебя пойти в хель (то есть быть убитым)’*;

(в) хель — иметь: *þar er þic Hel hafí* (Fm. 21) ‘пусть там тебя Хель имеет’*; *hefir nú Hel hálfá, hqgggnir tveir liggia* (Am. 55) ‘имеет

Хель половину, изрубленными двое лежат^{*;}; *í helio hon þann hafði* (Am. 50) ‘в хель его тогда имела’^{*;};

в хель называть: см. предикаты локуса.

22. *Хель* — субъект (что? — подлежащее): см. предикаты субъекта.

23. *Хель* — объект (что? — дополнение): ср. именное словосочетание со значением принадлежности *Хель дом (Heliar ranni (Bdr. 2).*

24. Поссессоры *хель* (чья *хель?*): **люди** (Vsp. 52; Vm. 43); **пес** (Bdr. 2); **петух** (Vsp. 43).

25. *Хель* — локус (где? — в *хель*): см. предикаты локуса.

26. *Хель* — направление, цель (куда? — в *хель*): см. предикаты направления, цели.

27. *Хель* — инструмент (чем? — *хель*).

28. Атрибуты *хель*: —.

29. Предикаты *хель*:

— предикаты *хель* как с у б ъ е к т а :

жить: *Þriár rœtr standa á þriá vega // undan asci Yggdrasils; // Hel býr undir einni, annarri hrímþursar* (Grm. 31) ‘Три корня стоят в трех направлениях // под ясенем Иггдрасиля; // **Хель** живет под одним, под другим инеистые великаны’^{*;};

иметь: *enn þú, Fáfnir, ligg í fiðrbrotom, / þar er þic Hel hafí* (Fm. 21) ‘а ты, Фафнир, лежи в окончании жизни, / пусть там тебя **Хель** имеет’^{*;}; *Brœðr várom fiórir, er Будла mistom, // hefir nú Hel hálf, hoggvir tveir liggia* (Am. 55) ‘Братьев было нас четверо, когда лишились Будли, / имеет теперь **Хель** половину, изрубленными двое лежат’^{*;};

— предикаты *хель* как о б ъ е к т а :

послать: *sendoð systr Helio* (Am. 56) ‘ты послала сестру **Хель**’^{*;};

— предикаты *хель* как л о к у с а :

иметь (в *хель*): *Annan réð hon hoggva, svá at sá upp reísat, // í helio hon þann hafði* (Am. 50) ‘Другого она изрубила, так что не поднялся он, / в хель его тогда имела’^{*;};

называть: *kalla hverfanda hvél helio* í (Alv. 14) ‘называют вращающимся колесом в хель’^{*;}; *kalla í helio hiálm huliz* (Alv. 18) ‘называют в хель шлемом скрывающим’^{*;}; *kalla í helio hviðid* (Alv. 20) ‘называют в хель порывистым’^{*;}; *kalla í helio hröðid* (Alv. 26) ‘называют в хель спешащим’^{*;}; *kalla í helio hnipinn* (Alv. 32) ‘называют в хель поникшим’^{*;}; *kalla... / hreinalög iðtnar, enn í helio mið* (Alv. 34) ‘называют... / чистой влагой у великанов, а в хель медом!’^{*;};

— предикаты *хель* как на правления, цели:

освободить (из *хель*): *hǫfuð þitt leystu helio ór, / finn mér lindar logs* (Rm. 1) ‘голову твою **освободи** из *хель*, / найди мне пламя вод’*;

падать (в *хель*): *Giðill oc Leiptr, þær falla gumnom nær, / enn falla til heliar heðan* (Grm. 28) ‘Гьель и Лейфтр, они текут (букв. падают) рядом с людьми, / но **текут** (букв. **падают**) в *хель* отсюда’*;

повернуться (к *хель*): *Ara þúfo á scaltu ár sitia, / horfa heimi ór, snugga heliar til* (Skm. 27) ‘На орлиной скале ты будешь сидеть, / отвернувшись от мира, **повернувшись** к *хель*’*;

убить (в *хель*): *Hárbarðr inn ragi, ec mynda þic í hel drepa, / ef ec mætta seilaz um sund* (Hrbl. 27) ‘Харбард женоподобный, я **убил** бы тебя в *хель*, / если бы смог перебраться через пролив’*; *Hrundo þeir Vinga oc í hel drápo* (Am. 41) ‘Оттолкнули они Винги и в *хель* **убили**’*; *...oc hǫfom einn feldan, // lamðan til heliar, liðs var sá uðvars* (Am. 43) ‘...и имеем одного **павшего, убитого** в *хель* из вашего войска’*;

умирать (из *хель*): *...nío kom ec heima fyr Niflhel neðan, / hinig deyia ór helio halir* (Vm. 43) ‘...девять прошел я миров до Тумана *хель* вниз, / туда **умирают** из *хель* люди’*;

идти (в *хель*), **приходить** (из *хель*): *Hrungnis bani mun þér í hel koma, / fyr nágrindr neðan* (Ls. 63) ‘Хрунгнира убийца заставит тебя **пойти** в *хель*, / вниз к мертвых воротам’*; *...eino sinni scal alda hverr / fara til heliar heðan* (Fm. 10; аналогично Fm. 34; 39) ‘...однажды должен каждый из людей / **отправиться** в *хель* отсюда’*; *Þá lét ec gamlan á Godþjóðo Híalm-Gunnar næst heliar ganga* (Hlr. 8) ‘В готском краю я тогда заставила **пойти** Хьяльм-Гуннара старого в *хель*’*; *...hálftr gecc til heliar ór húsi þíno* (Am. 97) ‘...половина **пошла** в *хель* из дома твоего’*; *...mætti hann hvelpi, þeim er ór helio kom* (Bdr. 2) ‘...встретил он пса, который из *хель* **пришел**’*; *...at þú myndir mín, móðugr, vitia, // halr, ór helio, enn ec þín ór heimi* (Ghv. 19) ‘...что ты должен был, могучий, **посетить** меня, / человек, из *хель*, а я тебя из мира’*;

— предикаты *хель* как инструмента: — .

30. Сравнение, параллелизм.

31. Звуковая игра:

— звуковые повторы:

— аллитерация: *enn falla til heliar heðan* (Grm. 28) ‘но текут (букв. падают) в *хель* отсюда’*; *Hrundo þeir Vinga oc í hel drápo*

(Am. 41) 'Оттолкнули они Винги и в хель убили'*; *i helio hon þann hafði* (Am. 50) 'в хель его тогда имела'*;

— **А...В — А...В**: ...*hefir nú Hel hálfa, hoggfir tveir liggia* (Am. 55) '...имеет Хель половину, изрубленными двое лежат'*; *hálft gecc til heliar ór húsi þíno* (Am. 97) 'половина пошла в хель из дома твоего'*; ...*at þú myndir mín, móðugr, vitia, // halr, ór helio, enn ec þín ór heimi* (Ghv. 19) '...что ты должен был, могучий, посетить меня, / человек, из хель, а я тебя из мира'*.

Комментарий. Др.-исл. *hel* 'загробный мир; владелица загробного мира' зафиксирован в «Старшей Эдде» 28 раз: 15 в мифологических песнях и 13 — в героических, то есть почти в равных пропорциях. Следует отметить, что данная лексема максимально продуктивна в трех песнях, в которых сосредоточено наибольшее количество ее дистрибуций, — в «Речах Альвиса» (6), «Гренландских речах Атли» (6) и «Речах Фафнира» (4). В некоторых случаях частотность мотивирована. Например, «Речи Альвиса» построены как серия вопросов и ответов о номинации ключевых объектов вселенной (земли, неба, солнца, воды и др.) в различных мирах (у людей, богов, великанов, карликов, в нижнем мире — хель), поэтому шестикратное упоминание *хель* как одного из локусов эддической мифопоэтической модели мира вытекает из стратегии нарратива. «Гренландские речи Атли» представляют собой самую большую по объему песнь героического цикла (105 строф), посвященную описанию *гибели* Гьёкунгов, поэтому, принимая во внимание сюжет, вполне оправдана высокая частотность др.-исл. *hel*, фигурирующего в словосочетаниях, имеющих непосредственное отношение к описанию смерти, ср. *убить в хель* (Am. 41; 43), *послать в хель* (Fm. 56), *заставить пойти в хель* (Am. 97) и, как результат этих действий, *иметь в хель* (Am. 50; 55). Мотив убийства Фафнира в «Речах Фафнира» имплицитно также неоднократно употреблено др.-исл. *hel*.

Др.-исл. *hel* 'загробный мир; владелица загробного мира' употребляется только в **ед. ч.** по вполне понятным причинам: речь идет об *уникальном* локусе космизированной вселенной и о его *персонификации*. По поводу распределения исследуемой лексемы в пределах падежной парадигмы можно отметить следующие тенденции: ядро образуют **Д. п.** (12) и **Р. п.** (10); **И. п.** (3) и **В. п.** (3) находятся на периферии.

Если углубиться в семантику падежей, то обращают на себя внимание следующие особенности:

— редуцированность **В. п.**, отсутствие функции прямого объекта, ср. *убить в хель* (*i hel drepa* (Hrbl. 27); *i hel drápo* (Am. 41)), *пойти в хель* (*i hel koma* (Ls. 63));

— **Д. п.** — объединение трех подгрупп: конструкция *называть* (где?) *в хель* в «Речах Альвиса» (6 примеров), где наиболее релевантные с точки зрения космогонического мифа объекты вселенной обозначаются на языке различных классов существ — богов, людей, великанов, карликов и *в хель*, с примыкающей конструкцией *иметь в хель* (*i helio... hafði* (Am. 50)); дательный косвенного объекта⁸ *послать* (кому?) *хель* (*sendoð... Helio* (Am. 56)); остальные дистрибуции (4), в которых др.-исл. *hel* сопровождается предложением *из*: *умирать из хель* (*deyia ór helio halir* (Vm. 43)); *приходить из хель* (*ór helio kom* (Bdr. 2)); *vitia... ór helio* (Ghv. 19)); *освобождаться из хель* (*leystu helio ór* (Rm. 1));

— неоднородность **Р. п.** по составу: наряду с приименным «родительным субъекта»⁹ (*at sþlom Heliar* ‘у палат Хель’ (Vsp. 43); *at... Heliar ranni* ‘к жилищу Хель’ (Bdr. 3)) выделяется обширная группа примеров, где др.-исл. *hel* сочетается с глаголами движения (ср.: *падать в хель* (о стремительном извержении подземных вод (Grm. 28)); *вернуться к хель* (Skm. 27); *отправляться в хель* (Fm. 10; 34; 39; Hlr. 8; Am. 97)); *убивать* (куда?) *в хель* (*lamðan til heliar* (Am. 43)) — единичное словоупотребление.

При анализе композитов с др.-исл. *hel* обнаруживается следующая картина:

— в мифологических и героических песнях засвидетельствовано одинаковое количество словоупотреблений — по четыре примера, однако нельзя не заметить и существенного различия: только в мифологических песнях данная лексема выступает в качестве второго базового компонента (др.-исл. *Nifl-hel* ‘тумана хель’), обозначая «глубину глубин», располагающуюся ниже загробного мира (хель). Занимая первую позицию в композите, др.-исл. *hel* используется для модификации основного значения, выраженного вторым элементом;

⁸ О семантике этой разновидности Д. п. см.: [Стеблин-Каменский, 1955, с. 67].

⁹ Подробнее см.: [Стеблин-Каменский, 1955, с. 64].

— др.-исл. *hel* сочетается преимущественно с лексемами, воплощающими идею движения (ср. др.-исл. *hel-for* '(в) хель поездка'; *hel-vegr* '(в) хель путь'; *hel-fúss* '(к) хель готовый', то есть '(к) хель стремящийся'), кодируя направление или цель перемещения;

— наряду с наиболее распространенной морфологической моделью, объединяющей **subst. & subst.** (др.-исл. *hel-for* '(в) хель поездка', *hel-vegr* '(в) хель путь', *hel-stafir* 'хель руны'), зафиксирована конструкция **subst. & adj.** (*hel-fúss* '(к) хель готовый'); на основании этих фактов можно констатировать, что интересующая нас лексема достаточно активно участвует в словосложении, не ограничиваясь одним морфологическим типом сочетания компонентов композита;

— с точки зрения семантики особого упоминания заслуживает функционирование композита с *hel* в сакральной сфере, ср. др.-исл. *hel-stafir* 'хель руны'.

Др.-исл. *hel* 'загробный мир; владелица загробного мира' синонимично словосочетанию «под землей» (Vsp. 43) и противопоставляется «миру живых» (др.-исл. *heimr* (Vm. 43; Skm. 27; Ghv. 19)); в свете этих данных вполне естественными представляются ассоциации с низом, указывающим на локализацию хель, способом попадания в нижний мир (*убивать*) и субъектами, его населяющими (*люди*).

Что касается синтаксических функций, реализуемых др.-исл. *hel*, то можно выделить три подгруппы: периферию, включающую функции объекта (1 словоупотребление: *посылать* (кому?) *хель* (Am. 56)) и субъекта (3 словоупотребления: *хель имеет* (Fm. 21; Am. 55); *Хель живет* (Grm. 31)); наиболее продуктивную функцию направления, цели (15 словоупотреблений), распадающуюся на два вида, не одинаковых по объему (*совершать движение в / из хель* (11) и *умирать / убивать* (куда?) *в хель* (4: Vm. 43; HrbI. 27; Am. 41; 43)); и занимающую промежуточное положение по частотности словоупотреблений (7) функцию локуса (*называть в хель* (Alv. 14; 18; 20; 26; 32; 34) и *иметь в хель* (Am. 50)).

Исходя из эддических языковых фактов можно судить об экстралингвистическом аспекте изучаемого денотата. В частности, имеются существенные основания для реконструкции др.-исл. *hel* 'загробный мир' как *огороженного пространства*, имеющего

ворота (ср. *Ls.* 63)¹⁰, а также для постулирования принадлежности данной лексемы сфере погребального ритуала (ср. описание похоронной процессии или колесницы (Hlr.)). Если сконцентрировать внимание на обозначении др.-исл. *hel* 'владелицы загробного мира', то имеются сведения о ее *высоком доме* (*at hávo Heliar ranni* (Bdr. 3)) или *палатах* (*at splom Heliar* (Vsp. 43)).

Несомненный интерес представляет вопрос о соотношении номинации л о к у с а — загробного мира — и соответствующего женского мифологического персонажа при помощи др.-исл. *hel*. На материале «Старшей Эдды», кроме двух приведенных выше контекстов, в которых фигурируют упоминания о жилище Хель, имеется только одно безусловное свидетельство, позволяющее трактовать ее как *одушевленное лицо*: в Grm. 31 сообщается, что Хель живет под одним из корней мирового дерева — ясеня Иггдрасиль — по соседству с великанами и людьми. Таким образом, в подавляющем большинстве случаев речь идет именно о л о к у с е, для номинации которого служит др.-исл. *hel*. Вполне правомерно выдвинуть гипотезу о следующих этапах семантической эволюции: *локус* > *персонаж*, причем эддические контексты демонстрируют различные этапы этого процесса. Ср.: *иметь в хель* (Am. 50) → *хель* (загробный мир) *имеет* → *Хель* (его персонификация) *имеет* (Fm. 21; Am. 55). Необходимо подчеркнуть, что процесс персонификации хель зашел в «Младшей Эдде» значительно дальше, о чем недвусмысленно свидетельствует описание владелицы загробного мира: *Enn átti Loki fleiri börn. Angrboða hét gygr <...> við henni gat Loki... Hel. <...> Hel kastaði hann í Niflheim ok gaf henni vald yfir IX heimum, at hon skyldi skipta öllum vistum með þeim, er til hennar váru sendir, en þat eru sótt dauðir menn ok ellidauðir. <...> Hon er blá hálf, en hálf með hǫrundar-lit; því er hon auðkend ok heldr gnúpleit ok grimmlig* [Sturluson, 1900, s. 33] 'Были у Локи и еще дети. Ангрбодой звали одну великаншу <...> От нее родилась у Локи... дочь **Хель**. <...> А великаншу **Хель** Один низверг в Нифльхейм и поставил ее владеть девятью мирами, дабы она давала приют у себя всем, кто к ней послан, а это люди, умершие от болезней или от старости. <...> Она наполовину синяя, а наполовину — цвета мяса, и ее

¹⁰ Ср. описание жилища Хель: *Hon á þar mikla bólstaði ok eru garðar hennar forkunnar-hávir ok grindr stórar.* 'Там у неё большие селенья, и на диво высоки ее ограды и крепки решетки' [Младшая Эдда, 1970, с. 31].

легко признать потому, что она сутулится и вид у нее свирепый' [Младшая Эдда, 1970, с. 31].

При описании хель в «Старшей Эдде» особое значение приобретает *антропоцентрический* фактор, так как точкой отсчета служит населенный *людьми* «средний мир»: именно по отношению к нему используются пространственные ориентиры *вниз* (Vsp. 43; Vm. 43; Ls. 63) и *отсюда* (Grm. 28; Fm. 10; 34; 39).

Если обратиться к *мифологическим* коннотациям др.-исл. *hel*, то следует отметить отождествление соответствующего денотата с одним из корней *мирового древа*, воплощающего эддическую модель мира (Grm. 31), что, несомненно, подтверждает его наивысшее положение на аксиологической шкале, типичной для архаической мифопоэтической традиции.

СОКРАЩЕНИЯ

- Alv. — Alvíssmál, «Речи Альвиса»
Akv. — Atlaqviða in gröenlencza, «Гренландская песнь об Атли»
Am. — Atlamál in gröenlenczo, «Гренландские речи Атли»
Bdr. — Baldrs draumar, «Сны Бальдра»
Fm. — Fáfnismál, «Речи Фафнира»
Ghv. — Guðrúnarhvot, «Подстрекательство Гудрун»
Grm. — Grímnismál, «Речи Гримнира»
Gðr. I. — Guðrúnarqviða in fyrsta, «Первая Песнь о Гудрун»
HNv. — Helgaqviða Hiorvarðzsonar, «Песнь о Хельги сыне Хьёрварда»
Hlr. — Helreið Brynhildar, «Поездка Брюнхильд в Хель»
Hrbl. — Hárbarðzlióð, «Песнь о Харбарде»
Ls. — Lokasenna, «Перебранка Локи»
Rm. — Reginsmál, «Речи Регина»
Skm. — For Scírnis, «Поездка Скирнира»
Vm. — Vafþrúðnismál, «Речи Вафтруднира»
Vsp. — Vǫluspá, «Прорицание вельвы»

ЛИТЕРАТУРА

- Мифы народов мира*. Энциклопедия. Т. 2: К–Я. / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1982. 720 с.
Младшая Эдда / сост. О. А. Смирницкая, ред. М. И. Стеблин-Каменский. М.: Наука, 1970. 138 с.
Никитина С. Е. О многозначности, диффузии значений и синонимии в тезаурусе языка фольклора. *Облик слова. Сборник статей памяти Дмитрия Николаевича Шмелёва*. М.: ИРЯ РАН им. В. В. Виноградова, 1997. С. 360–373.

- Старшая Эдда. Древнеисландские песни о богах и героях / пер. А. И. Корсуна, ред., вступ. ст. и коммент. М. И. Стеблин-Каменского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 260 с.
- Стеблин-Каменский М. И. Старшая Эдда. В кн.: *Старшая Эдда. Древнеисландские песни о богах и героях* / пер. А. И. Корсуна, ред., вступ. ст. и коммент. М. И. Стеблин-Каменского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 181–213.
- Стеблин-Каменский М. И. *Древнеисландский язык*. М.: Изд-во лит-ры на иностранных языках, 1955. 286 с.
- Топорова Т. В. *Принципы описания эпического слова: концепт горы в «Старшей Эдде»*. М.: Академия гуманитарных исследований, 2006. 380 с.
- Фольклорная лексикография* / отв. ред. А. Т. Хроленко. Вып. 1. Курск: КГПИ, 1994.
- Cleasby R., Vigfusson G. *An Icelandic-English Dictionary*. 2nd ed., rev., enlarg. and compl. by G. Vigfusson, with a suppl. by W. A. Craigie. Oxford: Clarendon Press, 1957. 834 p.
- Edda. Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern*. Hrsg. von G. Neckel. Bd. 1: Text. Vierte umgearb. Aufl. von Hans Kuhn. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1968. 339 s.
- Kuhn H. *Edda. Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern*. Hrsg. von G. Neckel. Bd. 2: Kurzes Wörterbuch von H. Kuhn. Dritte umgearb. Aufl. des Kommentierenden glossars. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1968. 339 s.
- La Farge B., Tucker J. Glossary to the Poetic Edda. Based on Hans Kuhn's Kurzes Wörterbuch. In: *Skandinavistische Arbeiten*. Bd. 15. Hrsg. K. von See. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1992. 321 p.
- Pokorny J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. I. Bern und München: Francke Verlag, 1959. 587 s.
- Sturluson S. *Edda*. Udgiven af Finnur Jónsson med bidrag af professorernes fritrykskonto. København: G. E. C. GAD, 1900.
- Vries J. de. *Altnordisches etymologisches Wörterbuch*. Leiden: E. J. Brill, 1977. 689 s.

Статья поступила в редакцию 1 февраля 2022 г.,
рекомендована к печати 10 марта 2022 г.

Tatyana Toporova

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

STUDIES IN THE ANALYSIS OF THE EPIC WORD:

O-ICEL. *HEL* 'WORLD OF THE DEAD; THE DEAD-GODDESS *HEL*' IN THE *ELDER EDDA*

For citation: Toporova T. V. Studies in the analysis of the epic word: O-Icel. *hel* 'world of the dead; the dead-goddess *Hel*' in the *Elder Edda*. *Scandinavian Philology*, 2022, vol. 20, issue 1, pp. 79–97.

<https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2022.106> (In Russian)

The article is devoted to the study of the epic word on the example of O-Icel. *hel* 'world of the dead; the dead-goddess' in the Old Icelandic *Elder Edda*, used to nominate one of the most important loci of the mythopoetic model of the world, as well as its

personification. The author focuses on the analysis of the context, on the basis of which it is possible to realize the main goal — to understand the principles of distribution of this lexeme in the *Elder Edda*. A multi-component analysis is used, taking into account statistical data (primarily the frequency of word usage), grammar (the case paradigm of the corresponding forms), morphology (types of combination of composite components), syntax (predicates that perform a number of functions), etymology capable of actualization in certain situations, mythology (attraction to certain mythologems, motives, plots or myths), poetics (alliteration, sound repetitions, anagrams) and extralinguistic aspect — connection with the “world of things.” Particular attention is paid to composites, which include O.-Icel. *hel* as the first or second components, since it is in compound words that the semantic potential of this lexeme can be realized. It was found that O.-Icel. *hel* is opposed to the “world of the living” (O.-Icel. *heimr*), associated with the *bottom*, indicating the localization of *hel*, the way to get into the lower world (*to kill*) and the subjects that inhabit it (*people*), mainly performs the function of direction, combined with verbs of movement. A hypothesis is put forward about semantic evolution: *locus* (the underworld) > *character* (its owner), and the various stages of this process found in the *Elder Edda* are reconstructed. To determine the semantics of O.-Icel. *hel*, the anthropocentric factor acquires special significance, since the starting point is the “middle world” inhabited by people, in relation to which spatial reference points are used *underneath* and *from here*. Based on the Eddic facts, the extralinguistic specificity of the corresponding denotation as a *fenced* space with a *gate* is established. The affiliation of O.-Icel. *hel* with the sphere of funeral ritual and sacral terminology is verified.

Keywords: *Elder Edda*, Old Icelandic language, mythopoetic model of the world, epic word, grammar, morphology, semantics, etymology, poetics.

REFERENCES

- Cleasby R., Vigfusson G. *An Icelandic-English Dictionary*. 2nd ed., rev., enlarg. and compl. by G. Vigfusson, with a suppl. by W. A. Craigie. Oxford: Clarendon Press, 1957. 834 p.
- Edda. Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern*. Hrsg. von G. Neckel. Bd. 1: Text. Vierte umgearb. Aufl. von Hans Kuhn. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1968. 339 s.
- Folklore lexicography*. Ed. A. T. Khrolenko. Iss. I. Kursk: KGPI Publ., 1994. (In Russian)
- Kuhn H. *Edda. Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern*. Hrsg. von G. Neckel. Bd. 2: Kurzes Wörterbuch von H. Kuhn. Dritte umgearb. Aufl. des Kommentierenden glossars. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1968. 339 s.
- Myths of the peoples of the world*. Vol. 2. Moscow: Sovetskaiia entsiklopediia Publ., 1982. 671 p. (In Russian)
- La Farge B., Tucker J. Glossary to the Poetic Edda. Based on Hans Kuhn's Kurzes Wörterbuch. *Skandinavistische Arbeiten*. Bd. 15. Hrsg. K. von See. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1992. 321 p.

- Nikitina S. E. On polysemy, diffusion of meanings and synonymy in the thesaurus of the folklore language. *Shape of the word. Collection of articles in memory of Dmitry Nikolaevich Shmelev*. Moscow: V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the RAS Publ., 1997. P. 360–373.
- Pokorny J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. I. Bern und München: Francke Verlag, 1959. 587 s.
- Steblyn-Kamensky M. I. The Elder Edda. *The Elder Edda. Old Icelandic songs about gods and heroes*. Ed. M. I. Steblyn-Kamensky. Moscow, Leningrad: AN SSSR Publ., 1963. P. 181–213. (In Russian)
- Steblyn-Kamensky M. I. *Old Icelandic language*. Moscow: Izd-vo lit-ry na inostrannykh iazykakh Publ., 1955. 286 p. (In Russian)
- Sturluson S. *Edda*. Udgiven af Finnur Jónsson med bidrag af professorernes fritryksskonto. København: G. E. C. GAD, 1900.
- The Elder Edda. Old Icelandic songs about gods and heroes*. Ed. M. I. Steblyn-Kamensky. Moscow, Leningrad: AN SSSR Publ., 1963. 259 p. (In Russian)
- The Younger Edda*. Eds O. A. Smirnitskaia, M. I. Steblyn-Kamensky. Moscow: Nauka Publ., 1970. 138 p. (In Russian)
- Toporova T. V. *Principles of describing the epic word: the concept of a mountain in the Elder Edda*. Moscow: Academy of Humanitarian Research Publ., 2006. 380 p. (In Russian)
- Vries J. de. *Altnordisches etymologisches Wörterbuch*. Leiden: E. J. Brill, 1977. 689 s.

Топорова Татьяна Владимировна

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт языкознания РАН,
Российская Федерация, 125009, Москва, Большой Кисловский пер., 1
E-mail: t1960@list.ru

Tatyana Toporova

Dr. Sci. in Philology, Leading Researcher,
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
1, Bolshoy Kislovsky per., Moscow, 125009, Russian Federation
E-mail: t1960@list.ru

Received: February 1, 2022

Accepted: March 10, 2022

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

UDC 82.0

Andrey Korovin

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

THE ROADS ROUND PISA BY KAREN BLIXEN —

A PLAY WITH A PLOT AND A FORM

For citation: Korovin A. *The Roads Round Pisa* by Karen Blixen — a play with a plot and a form. *Scandinavian Philology*, 2022, vol. 20, issue 1, pp. 98–110. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2022.107>

The article focuses on specific structural features of tales written by Karen Blixen, now considered to be the main Danish writer of the 20th century. Her first book, *Seven Gothic Tales*, was published in English in 1934. *The Roads Round Pisa* and other tales from this book are not only full of symbols and metaphors, but also have complex structures at the level of composition and of plot. The narration in Blixen's writings contains intense action; it is a dramatization of the text. The concept of "theatricality" constantly exists in many her tales and it is important for the interpretation of ideas in *The Roads Round Pisa*: but this concept generally determines a form of the text and its composition, which has some similarity to the composition of 5-acts drama. The motive of a play becomes the important structural component in this text; it is also connected to the plot and to images. Personages in this tale play different roles and change many masks. There are two types of heroes: heroes — actors on the stage and heroes — members of audience in the tale. The motive of a play creates also a particular subtext — required for understanding hidden matters, which a plot is built on. Theatricality of a text, on the one hand, brings more complicity, diversity; clarity of perception often is lost, because there is a certain coded meaning in the narration. On the other hand, it forces a reader to search for ways to comprehend the text. It looks like a reader is involved in a play, and only if he accepts rules of this play, he can understand hidden meaning of all circumstances. Karen Blixen uses the concept of theatricality to create absolutely original narratives inherent only in her poetic manner.

Keywords: Karen Blixen, Danish literature, theatricality, play, novella, drama.

Karen Blixen (1885–1962) is one of the most famous Danish writers and her popularity started to grow up when her first book *Seven Gothic Tales* was published in English in 1934 in New York. Under the pseudonym Isak Dinesen, she wrote a collection of surprising, often complicated, texts for which she invented the name “Gothic tales” in her American first edition. *Seven Gothic Tales* was a great success, being published the same year in England and Sweden. On the basis of this, she started to conquer the Danish literary world in 1935 with the *Syv fantastiske fortaellinger*, her own translation of published in English tales. Unfortunately, that Danish version did not achieve great success, which she could scarcely have expected given her consciously un-modern stories in a literature that was predominantly in the realm of social realism and psychoanalytical fiction.

The Danish version of this collection has some differences from the English edition. Elias Bredsdorff wrote: “Superficially the seven tales in the English and Danish versions are identical in the sense that the plot and the main structure correspond to one another in each of the seven tales. But the manner of telling the story, the language, the style, the artistic subtleties, differ in any respects” [Bredsdorff, 1985, p. 292]. To English speaking readers, the foreign accent in the language of Blixen was very fascinating and charming: it refers to the colonial literature of that time. The author of Introduction to the first American edition of *Seven Gothic Tales*, Dorothy Canfield, wrote about the writer’s style: “But there is a great deal more to an author than the spirit that animates him, let that be as curious and rare as it will. There is his style. And I don’t know how to tell you what the style of the book is, any more definitely than what the spirit of it is, because the style too is very new to me, and will be to you, I think” [Canfield, 1934, p. II]. To Danes the language of the tales was too pretentious and partly archaic. It was opposed to realistic tendencies dominating Danish literature at that time. Actually, Blixen was creating new forms and a new literary style, which blossomed after World War II. Her writing manner undoubtedly can be considered modernism; she aspires to revive romantic style of narration, themes and images. Anastasia Lomagina wrote: “As a component of the writer’s creativity is a group of themes and artistic techniques that date back to the tradition of romanticism. She names Andersen, Oehlenschlaeger, Ewald, Hoffmann, Kierkegaard, Byron and Shelley among the romantic authors close to her in spirit. The literature of modernism often appeals to the ideology of romanticism” [Lomagina, 1999, p. 174].

Blixen's individual writing manner has a strong connection to genre specifics of her texts. She mostly developed one of short-prose genres, which can be named in Danish "novelle"; this word could be simply translated into English as "short story," but it is not absolutely equivalent name for this genre. In the English title of her first book, she used the word "tales" (*Seven Gothic Tales*), but in Danish edition we see the word "fortælling" (*Syv fantastiske fortællinger*). Probably in both cases, it is not an indication of a genre, but only an indication of the narrative character of texts. The strong narrative component together with fantastic element, unexpected ending, unusual plot are features of the genre "novelle" (novella), which was developing from the epoch of Renaissance and was very popular in the epoch of Romanticism. Elizar Meletinsky wrote: "Novella is distinguished from novel and story by its brevity, and from short story and story by more complex structure. The brevity of novella intensifies the degree of concentration and symbolism used in it. Novella cannot incorporate a comprehensive model of the world, and thus there is tendency to combine novellas in a single frame which they complement each other" [Meletinsky, 1990, p. 272].

The English short story has another genesis. The Norwegian writer Johan Borgen mentioned difference between "story" and common in Scandinavia genres "novelle" and "fortælling": "The Anglo-Saxon pattern for the short story (novellen) is the fixed "story", as a core. Is it "fortælling" also? No. "Fortælling" is something else. It comes tumbling, a little after little. It is not an inferior form, it requires at its best separation fine calculation. But by the untranslatable "story" we understand something fixed, intriguing, construction" [Borgen, 1977, s. 288].

To specify the genre of Blixen's tales is important for understanding the text structures and hidden matters. Novella as a genre has a strong emphasis on action and results of this action, and this feature is related to drama. Novella should appeal to feelings of the reader, but not just give the information. And drama should too appeal to feelings, first of all. Novellas and dramas are to a certain extent very pretentious. The narration in Blixen's tales contains intense action; it is some kind of dramatization of the text. Often the structure of conflict in them is very similar to conflict in drama, it is not only a talk about events but real events as they are, heroes act and reveal themselves in actions. These actions take places in specific space as a drama where we can see a stage and decorations.

In *Seven Gothic Tales* the writer applies to the form of novella, but actually she creates a new type of modernist novella and demonstrates complicity of text, coming from Andersen's romantic tradition: his fairy tales (eventyr) and stories (historier) display also different levels of perception. As well as for Andersen for Blixen one of the most important components of poetics is a principle of allusion and reminiscence. She uses fantastic, decorative elements to create very complex text, where theatricality plays the important role. Victoria Peshkova wrote: "The theme of "theatricality" permeates the entire collection, becomes not only a leitmotif, but an important compositional element that helps to expand the semantic boundaries of the work. Blixen assigns a special role to the motive of the play" [Peshkova, 2020, p. 130].

Blixen's tales have a very complex structure, both on the level of composition and on the level of ideas. To understand these ideas is not possible for readers if they are not involved in the play. It looks like the audience should act in the performance; it was inherent to the romantic theater (e. g. Ludwig Tieck's comedies) as well as to the modernist theater (e. g. Bertolt Brecht's epic theater). There is a sort of the author's game with audience in a theater. In Blixen's tales we can see two types of play: one play, which the plot based on, and another play where readers and the author have parts too, a reader should solve specific intellectual code to understand the first play. "Her 'story' is a series of events that the reader will have to put together and recreate the links that are left missing in the narrative to discover the hidden motives and patterns" [Lomagina, 2020, p. 326]. Therefore, the motive of play is one of the most important motives of her tales and the concept of theatricality becomes the necessary attribute of Blixen's narrative manner. This effect is possible to find in other Blixen's texts: Ieva Steponavičiūtė motioned the intersexuality of the tale *The Tempest (Storme)* from the collection *Anecdotes of Destiny (Skæbne-Anekdoter, 1953)* in the connection to Shakespeare's play [Steponavičiūtė, 2016, p. 105].

The first story from the book *Seven Gothic Tales* according to Isak Dinesen's original intention is "The Roads Round Pisa," which is like other tales from this collection not only full of symbols and metaphors, but it has a very original chronotope in Michail Bakhtin's terminology. The space as a very important structural component determines the composition of this text. There are two worlds: the real space with the center in Pisa (a city) and the territory of individual memory (a fantastic castle)

in this tale. This opposition creates a particular subtext — required for understanding hidden matters. It looks like there are two separated of each other spaces: the space of stage (theater) — Pisa and surroundings and the auditorium — the space of imaginations. That interesting: the heroes play roles and change masks in the real places and they can be they self just in the fantastic world but this world turns to reality in the end of the story. There is an opposition: reality is a theater but fantasy is a certain life.

The image of theatre is constantly inherent in many Blixen's tales. Her heroes play different roles like actors in a theater. The main characters in "The Roads Round Pisa" are divided for two types and belong to different spaces; because the inner world of her tales looks very much like a theater: there is a stage and an auditorium. The first type of heroes — the actors on the stage, the plot is based on their stories, and other type of heroes — the members of audience, who watch the show, but they play some roles too and very often they do not understand that they are involved in the performance as actors. The author implicitly exists in this theater too; author's role is unclear for readers, who have to understand it, to figure out the matter of narration.

The first type of heroes plays different roles and has many different masks, but heroes-audiences do not understand it, for readers it is not clear. Only one person knows all circumstances — the author who is a director for actors and a partner in a game for readers. There are two stages and two realities in "The Roads Round Pisa": the first stage exists for heroes-audience and it is opposed to their reality, another stage exists for readers, where actors are all heroes, and it is opposed to the reality of the author and readers. And both heroes-audience and readers often do not understand hidden matters of a play. For heroes to find answers means to erased borders between their reality and a play, for readers it means to be involved in an atmosphere of play, lose touch with a reality, like an audience lose touch with reality in a theater. Johan Huizinga wrote about it in his book *Homo Ludens*: "Comedy and tragedy alike come under the heading of competition, which, as we have seen, is in all circumstances to be called play. The Greek dramatists composed their works competitively for the feast of Dionysus. Though the state did not organize the competition in had a hand in the running of it. There was always a large crowd of second and third rate poets competing for the laurels. Comparisons, if odious, were habitual among the audience and

criticism was extremely pointed. The whole public understood all the allusions and reacted to the subtleties of style and expression, sharing the tension of contest like a crowd at football match. Eagerly they awaited the new chorus, for which the citizens taking part in it had rehearse a whole year” [Huizinga, 1955, pp. 144–145].

It is remarkable that Karen Blixen reaches this effect in a narrative text, but a genre of novella is very convenient for it. Theatricality of this tale displays on the different levels as a permanent motive and as an element of a structure. The composition of this tale very much looks like the composition of a classical drama with five acts. Donald Riechel wrote about “The Roads Round Pisa”: “The story is an exegetical play with concepts, play in the scene of theater as well as of game” [Riechel, 1991, p. 326].

In the exposition, we can see the main hero of the tale — the young Danish nobleman Count Augustus von Schimmelmann, he is sitting in osteria nearby Pisa and writing to his university friend a letter, actually he is telling his story: we know about his unsuccessful marriage and the voyage to Italy. He discusses the question: what is truth? The question is very important for understanding of the tale’s plot, but neither Count Augustus nor readers know that yet.

How difficult it is to know the truth. I wonder if it is really possible to be absolutely truthful when you are alone. Truth, like time, is an idea arising from, and dependent upon, human intercourse. What is the truth about a mountain in Africa that has no name and not even a footpath across it? The truth about this road is that it leads to Pisa, and the truth about Pisa can be found within books written and read by human beings. What is the truth about a man on a desert island? And I, I am like a man on a desert island. When I was a student, my friends used to laugh at me because I was in the habit of looking at myself in the looking-glasses, and had my own rooms decorated with mirrors. They attributed this to personal vanity. But it was not really so. I looked into the glasses to see what I was like. A glass tells you the truth about yourself. [Dinesen, 1934, p. 165]

He wanted very much to visit to this country because he has some fantasies, coming from his childhood. His beloved great aunt in her youth was traveling to Italy and brought a souvenir — the small smelling-bottle with a picture of the wonderful castle, which was a talisman for her. She had died and now the Count Augustus is the owner of this

bottle. He is trying to find this castle but clearly understands that probably this castle does not exist at all. He is an adult, married person but he continues to play a role of child, escaping the reality for the imagined, fantastic world, this castle is a symbol of this world. Count Augustus is a hero of the second type — he has taken a seat in the auditorium, a performance is starting.

Act one. Sitting in osteria the Count Augustus watches an accident: horses of one of carriages have rushed and it overturns. This is the first event on the stage. Augustus tries to help a person from the carriage, in the beginning he decides that this is an old man, but this person is a woman — Countess di Gampocorta, who has lost her large bonnet. There are elements of theater: misunderstandings and changes of masks on a stage. The old Countess has broken her hand and she is thinking that she is going to die, she asks Augustus to find her granddaughter — Rosina. The Danish Count has to reconcile the grandmother with her granddaughter before the old woman's death. The Countess tells to Augustus her story, it is a type of monologues, which describes the main conflict, and the plot starts to develop. She tells about the scandalous marriage of Rosina and the Prince Pozentiani. The old Countess was afraid that her granddaughter could die having a child, so she tried to organize her marriage to a person who physically could not be a father. But Rosina felt in love with her cousin Mario, the girl tried to escape wedding with the assistance of her friend Agnese della Gherardesci. The old Countess prevented this escape and Rosina was married to the Prince. Anywhere three months later Rosina applied to the Pope to divorce her with the prince because their marriage was not consummed. After that she married to her beloved. There are all main heroes in this tale. The Count Augustus and readers have known for first time names the Prince Pozentiani and Angesse. Actually, this story about Rosina but she is not hero of the play, which Augustus has started to watch, neither he nor readers expect further circumstances. In the first act, we can see two conflicts: explicit — the old Countess and Rosina and the main — implicit, still hidden for understanding.

Act two. Decorations were changed. The Count Augustus stops in an inn on the way to Pisa, where he meets the well educated young Italian man, but this person is a mask too because this is a girl dressed up as a young man to travel incognito. Augustus as a one from audience just watches the change of masks, which hide real faces of personages.

The next scene — the Prince Pozentiani and his young friend Prince Giovanni Gastone (his name Giovanni is the clear allusion to Don Giovanni as well as a name Rosina is an allusion to *The Barber of Seville*) enter to the stage. Augustus becomes a witness a very strange conflict between two Italian aristocrats, but he cannot understand the matter of it. The old Prince tells a story about one nobleman who has decided to find a killer for his enemy. When this killer came to get money for murder, he talked for a long time about a mortal sin, but not longer later, this nobleman knew that his enemy is alive and healthy, and he has got only one question: what was a price to sell him? The old prince asks the friend what is his opinion, but Giovanni tosses the glass across the table into Pozentiani's face instead of the answer. Augustus and readers know the story of the old Prince but they still cannot understand the implicit conflict, which is the real conflict in the tale. Augustus gets a chance to become one of the actors in this play, to enter to the stage. Giovanni asks him to be a second of the old Prince and the dressed up girl should be a second of Giovanni. Augustus wants to be a participant of action, but he does not understand his role because he cannot understand the roles of other actors in this play, everybody has masks except him. He should leave the auditorium, but he does not belong to this reality (Pisa and surroundings).

Act three. The Count Augustus at night before the duel visits a marionette performance entitled *The Revenge of Truth*, which is named “classical,” but only an experienced reader can understand that is a form of the author's game with a reader, the Danish Count could not watch this comedy in Italy year 1823. Blixen inserts *The Revenge of Truth* (*Sandhedens Hævn*) into the text as an “Old Italian play,” but she wrote a marionette comedy with the same name in 1926, actually she wrote that comedy, which Count Augustus sees in Pisa. In the letter to Ellen Dahl from 16th May, 1926 she motioned: “It can not be too strongly pointed out that it is a marionette comedy, and written under rules and order. There should therefore be no unity between the costumes or scenery, and all staging rather primitive” [Blixen, 1978, s. 39].

In the reality, Blixen transformed canons of a genre of marionette comedy: there are well-developed characters, each personage is not a type but individual image, and she brings details of scenery and decorations, which is alien element for this type of performances. As a fact, she created a new form of marionette comedy, and ten years later she cre-

ated a new type of novella — “The Roads Round Pisa” is a good example, where the narration is built on the dramatic elements and heroes are very similar to typical characters in dramas.

The plot device in this comedy is the witch’s damnation, when any lie turns to the truth. In the end, the witch gives the answer to the question: what is truth?

The truth, my children, is that we are, all of us, acting in marionette comedy. What is important more than anything else in a marionette comedy, is keeping the ideas of the author clear. This is the real happiness of life, and now that I have at least come into a marionette play, I will never go out of it again. But you, my fellow actors, keep the ideas of the author clear. Aye, drive them to their utmost consequences. [Dinesen, 1934, p. 199]

According to her words, truth is a play in a marionette comedy, and the main philosophy is to follow the idea of the author. It is one of the most important episodes, because all events in this tale look like scenes from this marionette comedy, but heroes know their parts not well and all personages try to play their own roles, but they make mistakes all the time, because they do not follow the will of fate. Only one hero, Count Augustus, acts well because he follows his fantasies; he is like a marionette in the hands of fate and only he can restore the broken harmony. Augustus is one of the audiences and he makes a connection between the stage, where actors are acting, and the world of readers, involved in the great play, which is directed by fate.

Act four. The morning before the duel. All questions find answers. The dressed up girl turns out to be Agnesse della Gherardesci, a friend of Rosina. She tells her story: once Rosina asked her to stay in her bedroom when Rosina went to meet her beloved. It was that night when the old Prince Pozentiani asked to Prince Giovanni to fulfill a matrimonial duty instead of him. All heroes changed their masks, they tried to play other roles, they wanted to correct plans of the fate and as a result — the final tragedy. When the old Prince knows the truth, he dies. This state of affairs is very similar to the principle of retrospection in dramas, when unknown circumstances determine the denouement. The drama on the stage (in the reality in Pisa) is over. All unknown matters now are clear, but the Count Augustus is not done with his part, because the game of the author and readers is still continuing.

Act five. Finale. A few months later, Count Augustus receives an invitation from the old Countess to visit her castle. The good ending: she has already recovered after the accident, and Rosina has given birth to a child. Augustus realizes that this castle is a castle from her fantasies, a castle from a picture on the bottle. The old Countess gives him a present — a smelling bottle with a picture of a manor house and it is his house. Now Augustus figures out what is the real role of the Countess de Gempachorta; she is a friend of his grand aunt. It is the last mask in this drama. Only she and Augustus belong to the space of fantasy. But Augustus decides not to tell about his discovery, now he gets a mask too and he can play his role, which is more important than other roles, because it is connected to plans of the fate. The old Countess and her granddaughter belong to the wonderful world, which Augustus was searching for. The fantasy becomes reality.

He could feel his own little bottle in his waistcoat pocket, and came near to taking it out and showing it to the old lady. He felt that this would have made a tale which she would forever have cherished and repeated; that it might even come to be her last thought on her deathbed. But he was held back by the feeling that there was, in this decision of fate, something which was meant for him only — a value, a depth, a resort even, in life which belonged to him alone, and which he could not share with anybody else any more than he would be able to share his dreams. [Dinesen, 1934, p. 216]

One from the audience (Augustus) becomes an actor on the stage. He feels himself as a marionette in the theater of fate, but he is just a marionette in the play written by the author: real marionettes in the theater of fate are we, readers. The theatricality in this tale is a reflection of theatricality of a real life. Blixen involves readers in specific performance where no borders between actors and audience, reality and fantasy, in this system of being — the life is a part of art, but the art is not part of life.

There are two worlds: the real space with the center in Pisa (city) and the territory of individual memory (fantastic castle) in this tale. The space of Pisa is the existent city, where everybody plays roles and uses different masks, turns to a place of a false life and relations. Pisa loses its quality of existent place and becomes a phantasmagoric theater in opposition to the fantastic castle, which turns to the reality. The first type

of heroes (heroes — the actors on the stage) is connected to Pisa and the second type (heroes — the members of audience) belongs to the world of fantasy, which in the end turns to the reality as a replacement for Pisa, which appears to be just a stage of play.

The narrative strategy in this tale is very original: all hidden matters of conflicts and circumstances are brought to the light in dialogues and monologues of heroes; it looks very much like a principle of retrospection in Henrik Ibsen's dramas and later in the modernist theater as well as in plays by Luigi Pirandello which are was very influential for the collection *Seven Gothic Tales*. Maya Merkulova wrote: "Retrospection is a reference to the past, an insert scene (episode) from the past, a narrative device" [Merkulova, 2006, p. 53].

The motive of play is an important structural element in "The Roads Round Pisa." Blixen uses the concept of theatricality to create absolutely original texts inherent only in her poetic manner, indicating a dramatization of the narrative on different levels: at the level of genre she developed the novella as a literary form that as a is closely connected to drama; on the level of images all heroes play their own roles and have masks; on the level of plot there is a specific form of game with a reader, who has to take a part in play to understand all hidden matters; and on the level of form the composition of the tale looks like a composition of drama.

REFERENCES

- Blixen K. *Breve fra Afrika 1925–31*. Udgiv. F. Lasson. Viborg: Guldendal, 1978. 227 s.
- Borgen J. *Borgen om bøker*. Oslo: Guldendal, 1977. 350 s.
- Bredsdorff E. Isak Dinesen v. Karen Blixen: Seven Gothic Tales and Syv fantastiske Fortællinger. *Facets of European Modernism*. Ed. J. Garton. Norwich: University of East Anglia, 1985. P.275–294.
- Canfield D. Introduction. *Seven Gothic Tales by Isak Dinesen*. New York: Harrison Smith and Robert Haas, 1934. P.I–III.
- Dinesen I. *Seven Gothic Tales*. New York: Harrison Smith and Robert Haas, 1934. 420 p.
- Huizinga J. *Homo Ludens*. Boston: Beacon Press, 1955. 220 p.
- Lomagina A. V. Romantiske traditioner i Karen Blixens forfatterskab. *Scandinavian Philology*, 6, 1999. P.172–178. (In Russian)
- Lomagina A. V. Karen Bixen reads the Olaf Tryggvason saga: Reseption of the saga and narrative strategies in "The Bear and the Kiss". *Scandinavian Philology*, 18 (2), 2020. P.323–337.

- Meletinsky E. M. *The Historical Poetics of Novella*. Moscow: Nauka Publ., 1990. 275 p. (In Russian)
- Merkulova M. G. *Retrospection in English “New Drama” in the End of 19th — Beginning of 20th Centuries: Sources and Functions*. Moscow: Prometei Publ., 2006. 184 p. (In Russian)
- Peshkova V. V. “Theatricality” as a Composition Device in Karen Bliksen’s Tale “The Poet”. *AD VIRUM ILLUSTRUM. To the 70th Anniversary of Mikhail Leonidovich Andreev*. Eds A. Golubkov, I. Ershova, K. Chekalov. Moscow: Delo Publ., 2020. P. 129–139. (In Russian)
- Riechel D. C. Isak Dinesen’s “Roads Round Nietzsche”. *Scandinavian Studies*, 63 (3), 1991. P. 326–333.
- Steponavičiūtė I. The Floating Symbol: Karen Blixen’s “Tempests” as Metafiction. *Scandinavian Philology*, 14 (1), 2016. P. 102–113. (In Russian)

Андрей Коровин

Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН

«ДОРОГИ ВОКРУГ ПИЗЫ» КАРЕН БЛИКСЕН — ИГРА С СЮЖЕТОМ И ФОРМОЙ

Для цитирования: Korovin A. *The Roads Round Pisa* by Karen Blixen — a play with a plot and a form // Скандинавская филология. 2022. Т. 20. Вып. 1. С. 98–110. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2022.107>

Статья посвящена особенностям новеллистики крупнейшей датской писательницы XX в. Карен Бликсен. Ее первая книга «Семь готических историй» вышла на английском языке в 1934 г. Текст новеллы «Дороги вокруг Пизы», как и других произведений из этого сборника, не только изобилует метафорами и символами, но и имеет очень сложную структуру, как на композиционном, так и на идейно-содержательном уровне. Тема «театральности» в ее новеллах звучит постоянно, не только принимая формы устойчивого мотива, но и становясь важным структурным компонентом, влияющим на композицию произведения, имеющую некоторое сходство со структурой драмы, создавая специфический подтекст, позволяющий постичь скрытые смыслы, определяющие развитие сюжета. Повествование в произведениях Бликсен основывается на напряженном действии, подчеркивает сценичность текста. Мотив игры в новелле «Дороги вокруг Пизы» фактически определяет ее композицию, строящуюся по принципу пятиактной драмы. Герои в этой новелле играют разные роли и меняют множество масок, образуя две группы персонажей: герои — актеры на сцене, принимающие непосредственное участие в развитии действия, и герои — зрители в зале, наблюдающие за этим действием. Мотив игры также нужен для создания особого подтекста, необходимого для понимания скрытых смыслов, на которых и строится сюжет. Театральность текста, с одной стороны, способствует его усложнению, многоплановости, утрачивается ясность понимания, возникает некая кодировка содержания, что заставляет читателя, с другой стороны, искать пути осмысления повествования, и он сам оказывается вовлеченным в игру, и, только приняв правила этой игры, возможно постичь суть происходящего. Ка-

рен Бликсен виртуозно использует этот прием, создавая оригинальные по форме и содержанию новеллы, присущие только ее поэтической манере.

Ключевые слова: Карен Бликсен, датская литература, театральность, игра, новелла, драма.

Andrey Korovin

PhD in Philology, Associate Professor, Senior Researcher,
A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
25a, Povarskaya ul., Moscow, 121069, Russian Federation
E-mail: avkorovin2002@mail.ru

Коровин Андрей Викторович

кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник,
Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН,
Российская Федерация, 121069, Москва, ул. Поварская, 25а
E-mail: avkorovin2002@mail.ru

Received: January 31, 2022

Accepted: March 4, 2022

УДК 821.113.6

Полина Лисовская

Санкт-Петербургский государственный университет

ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛА В УСЛОВИЯХ ВОЙНЫ И ДИКТАТУРЫ В РОМАНАХ ЭЙВИНДА ЮНСОНА

Для цитирования: *Лисовская П. А. Жизненные стратегии интеллектуала в условиях войны и диктатуры в романах Эйвинда Юнсона // Скандинавская филология. 2022. Т. 20. Вып. 1. С. 111–126. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2022.108>*

В статье рассматривается идейная и художественная проблематика важнейших романов Эйвинда Юнсона (1900–1976), одного из выдающихся шведских писателей XX в. Уроженец Северной Швеции, он вышел из самых низов и начал карьеру как писатель-самоучка, типичный представитель шведской «рабочей литературы» — направления, которое сформировало внешнюю форму и содержание художественной прозы в Швеции в первой половине прошлого столетия. Формальное образование этого автора закончилось в четырнадцатилетнем возрасте, при этом ненасытная тяга к учебе, чтению, изучению иных языков и культур, а также обширный и непростой жизненный опыт постепенно сформировали одного из самых эрудированных и интеллектуально сложных шведских романистов прошлого столетия. В творчестве, начиная с 1940-х гг., писатель вышел далеко за рамки направления «рабочей литературы» и создал произведения, которые принесли ему международное признание, в том числе Нобелевскую премию по литературе 1974 г. Однако творчество этого писателя-гуманиста, последовательно высказывавшегося против тоталитарных режимов XX в., почти неизвестно в нашей стране, и это касается как переводов, так и исследовательских работ. В статье анализируются посвященные Швеции циклы романов об Улофе и Крилоне, а также созданные после Второй мировой войны романы «Прибой и берега», «Сны о розах и огне» и «Времена его милости», основанные на материале античной литературы и событий европейской истории. Объект исследования — персонажи-протагонисты в указанных произведениях. Предмет исследования — эволюция типов и образов интеллектуалов гуманистического склада в их столкновении с системами авторитарной власти, диктатурой и войной. Основное внимание уделено выбору подобными персонажами жиз-

ненной стратегии в указанных условиях в соотнесенности с собственной этической философской позицией Юнсона, а также эволюции изображения обстоятельств и результатов этого выбора на протяжении творческого пути писателя. Романы анализируются в хронологическом порядке. Стратегии, которые выбирают для себя главные герои — стокгольмский маклер Крилон, Одиссей, Юрбен Гренье или секретарь Шарлеманя Иоганнес Лупигис, — в какой-то момент становятся сопряжены с самопожертвованием ради идеалов свободы и мира, что ставит этих персонажей в один ряд с христоподобными фигурами в других произведениях мировой литературы.

Ключевые слова: Эйвинд Юнсон, рабочая литература в Швеции, исторический метароман, шведская литература, анархо-синдикализм, шведский модернизм, Вторая мировая война в литературе, Карл Великий, кардинал Ришелье, Уинстон Черчилль.

Идейная проблематика творчества выдающегося шведского писателя Эйвинда Юнсона (Eyvind Johnson, 1900–1976) неразрывно связана с историей XX в., отражая такие ее ключевые составляющие, как противостояние, с одной стороны, идей свободы и демократии, а с другой — имперского мышления в сочетании с диктаторскими утопиями, приведшими к мировым войнам, трагедии целых народов и возникновению новых барьеров, связанных с противостоянием идеологических систем. Послевоенное творчество этого автора, принесшее ему международное признание и высшие литературные награды, посвящено не находившейся на периферии маленькой Швеции и локальным событиям ее развития, но исследованию широкого контекста истории Европы с античности до первой половины прошлого столетия. В романе «Прибой и берега» (1946) переработана «Одиссея», в «Снах о розах и огне» (1949) речь идет о Франции в эпоху Ришелье, в «Временах его милости» (1960) автор обращается к эпохе франкского завоевания Лангобардии. Несмотря на вышеуказанную вовлеченность автора в осмысление исторического процесса в контексте противостояния идей свободы и авторитаризма, а возможно, и вследствие этого факта, в советских и российских исследованиях литературы наследие Э. Юнсона, нобелевского лауреата 1974 г., практически не изучено. В связи с этим актуален анализ ряда аспектов данной проблематики в ряде лучших его романов разных десятилетий.

Уйдя из жизни в разгар холодной войны, Э. Юнсон не услышал финальных аккордов трагической истории прошлого столетия, не дожидаясь и до падения железного занавеса, однако смог осмыслить

и оставить в романах свое видение мирового исторического процесса и места в нем отдельного человека. В этом авторском осмыслении, как представляется, ключевое значение имеет выбор жизненного пути и поступков, перед которым встает «интеллектуал», то есть творческий социальный субъект, постоянно включенный в процесс абстрагирования по поводу истины и морали. Достаточно очевидно, что эти размышления в целом совпадают с собственной моральной и идеологической рефлексией писателя, которую он раз за разом переносит в художественные тексты.

Уже в раннем, довоенном, творчестве, когда автор в середине 1930-х гг. обратился к традиционному для шведских пролетарских писателей-самоучек жанру развернутой автобиографии, герой его тетралогии «Роман об Улофе» (1934–1937) изображен как человек, «предельно четко осознающий», если использовать русскую культурологическую терминологию, свою роль как роль интеллигента в народной среде. В первом романе цикла четырнадцатилетний подросток в тяжелейших условиях трудится на лесосплаве бок о бок с грубыми, темными и несчастными простыми рабочими, осознавая при этом, что отличается от них и что его путь иной: «Он знал, что его жизнь не будет такой, как у них, — в этом он был уверен точно. Он брел с ними в барак, замертво падал на койку, спал, ел, снова выходил с ними на работу. Но его жизнь не будет такой, как у них» [Johnson, 1973, s. 53]. Во втором романе показано, как Улоф жадно стремится к знаниям, любую свободную минуту использует, чтобы читать с трудом добытые книги, и самостоятельно учит иностранные языки. Эта постконструкция уже добившимся читательского успеха автором мыслей мальчика, являющегося альтер эго писателя, не демонстрирует какого-либо высокомерия героя в отношении товарищей по несчастью. Находясь в столь же бедственном положении жестоко эксплуатируемой дешевой рабочей силы, как и другие работники на лесосплаве, Улоф всем им сочувствует, но сам при этом четко выделяется на их фоне: «Он часто ощущал его: их страх в отношении него, страх, что он посвятит себя чему-то, чего у них самих уже не хватало сил достичь» [Johnson, 1969, s. 75].

Приведенная выше цитата взята из романа «Это был 1914 год» (1933), однако указание в названии первой книги цикла об Улофе года начала Первой мировой войны намеренно вводит читателя

в заблуждение, так как во всех романах тетралогии подчеркивается, что события на континенте не затрагивают ни судьбу героя, ни Швецию в целом. Один из примеров, подтверждающих это, — реплика, брошенная Улофом в разговоре на не связанную с войной тему: «...А война, война-то все идет», — произнес Улоф» [Johnson, 1972, s. 97]. При этом очевидно, что авторская позиция вовсе не заключается в одобрении равнодушия к историческим потрясениям. Скорее, это начало дискуссии о нейтралитете Швеции и о необходимости для интеллектуала рано или поздно выбрать сторону: свободы и добра или диктатуры и войны как прямого следствия последней. Для Юнсона необходимость этого выбора окрашена тем, что еще в юности он воспринял учение Петра Кропоткина о «безгосударственном» общественном строе как вольном федеративном союзе самоуправляющихся единиц и примкнул к кругам анархо-синдикалистов, отрицавших любое государственное насилие. Следовательно, участие в военном насилии, даже направленном на освобождение от тирании, не было с точки зрения писателя самоочевидным выбором для интеллектуала и гуманиста.

Во многом именно о трудности этого выбора идет речь в монументальной трилогии о Крилоне (1941–1943), написанной Юнсоном непосредственно в годы Второй мировой войны, в которой его родина также не принимала участия. Цикл о стокгольмском маклере Крилоне представляет собой масштабную панораму Швеции в годы, когда окружающие ее страны воевали или были оккупированы. Действие трилогии начинается зимой 1941 г. и заканчивается на Мидсоммар 1943 г., когда многое в исходе войны уже предрешено, но она еще далека от завершения. Внешний сюжет сводится к тому, что клуб единомышленников из буржуазной среды, организованный в начале 1930-х гг. жителем шведской столицы, мужчиной средних лет по имени Юханнес Крилон, подвергается атакам со стороны конкурирующих фирм, возглавляемых маклерами Г. Стапом и Т. Йекау (по-шведски произносится как «Ге Стап» и «Чекау»). В этих именах легко считывается намек на нацистскую Германию и сталинский СССР. На своих встречах члены кружка Крилона обсуждают вопросы философии, искусства, морали, и, в частности, на той встрече, которой открывается первая часть романа «Группа Крилона», в качестве темы для дискуссии они выбрали вопрос о значении трагедии. Крилон, очевидно на-

мекая на Гитлера, говорит о том, что, с одной стороны, осознание людьми собственных несчастий может превращать их в диктаторов, с другой стороны, из трагических переживаний людей может рождаться хорошее, в том числе искусство [Johnson, 1998a, s. 51].

Сначала врагам Крилона Г. Стапу и Йекау удается осуществить свой замысел, кружок распадается, шестеро его участников обвиняют Крилона в предвзятости и несоблюдении нейтралитета. Но затем постепенно ценой самопожертвования протагонист смог вновь объединить свою группу и убедить друзей в необходимости противодействовать Стапу, который к тому моменту уже вступил в конфликт с Йекау (это намек на нарушение Гитлером пакта о ненападении на СССР). Как мы видим, помимо реалистического плана, в трилогии присутствует явная аллегория расклада сил во время Второй мировой войны, где Крилон — аллегорический образ У. Черчилля, ставшего лидером свободного мира в эти тяжелые годы. Но, как совершенно справедливо указывает в своем анализе Гэвин Ортон, «роль Крилона как воплощения Черчилля — лишь одна из сторон его многогранной личности. <...> Библейские параллели в романе столь же искусны, как и политические» [Orton, 1974, s. 80–81]. Действительно, очень многое в этой истории указывает на то, что Крилон — хриstopодобная фигура. Члены кружка, каждый со своими слабостями, включающими и способность к предательству, напоминают апостолов. Ряд эпизодов совпадают с хронологией событий евангельской истории, например, эпизод изгнания Крилона из дискуссионного клуба происходит в день Пасхи. Сам автор прямо в тексте романа открыто называет свою эпопею Евангелием, при этом скорее не в религиозном, а в гуманистическом смысле. В заключительных главах третьей части появляется прямая речь от автора: «Благая весть этой книги, — пишет Юнсон, — или, используя менее торжественное, но все же более действенное слово, ее задача, состоит в том, чтобы по возможности прояснить следующее: Человек — возвышенное, но при этом и слабое существо; но единственный человек, которого мы знаем, — это человек на Земле» [Johnson, 1998c, s. 486]. Таким образом, Крилон как Черчилль олицетворяет военно-политическую борьбу, а как Христос — борьбу добра со злом. Крилону, как и воплощенному в человеке Богу, свойственно человеческое: он может быть подвержен слабости, страху и сомнениям. Недаром в самом

начале «Группы Крилона» — первого романа цикла — десяток страниц отпущен на описание внешности Крилона, в том числе его носа, и говорится о том, что главный герой полноват и невысок ростом и в целом в его облике нет ничего героического. Действительно, своим видом Крилон очень напоминает британского премьер-министра с фотографий военного времени. Как и Черчилль, который должен был принимать решение об объявлении войны Гитлеру, Крилон, как гуманист, встает перед необходимостью начать борьбу со Стапом, олицетворяющим всю мерзость и лицемерие фашистской диктатуры. Как приличный человек либеральных взглядов, оказавшийся один на один с очевидным злом, герой встал перед выбором: залечь на дно или сопротивляться. Для него этот выбор вполне очевиден, однако не совсем очевидны методы, которыми он может и должен действовать. Здесь необходимо вспомнить о том, что Юнсон еще в совсем юные годы был увлечен не только анархо-коммунистическим учением Кропоткина, отрицающим государственное насилие, но в первую очередь анархо-синдикализмом, важным элементом которого является антимилитаристская пропаганда. К 1940 г. он уже отошел от увлечения левыми идеями, как и от участия в политических организациях, но насилие по-прежнему не представляется ему приемлемым средством борьбы со злом. Тем не менее его протагонист должен сделать некий важный шаг в сторону от нейтралитета, как личного, так и национального, поэтому Крилон нелегально переходит границу и попадает в оккупированную нацистами Норвегию. Это сопряженное с множеством опасностей «сошествие во ад» — ключевой эпизод второго романа трилогии «Путешествие Крилона». Согласно Евангелию, Христос на второй день после распятия спустился в ад, принес туда свою проповедь и освободил из него души ветхозаветных праведников (Деян. 2:30–31; Мф. 12:40). Нет сомнений, что норвежский квест Крилона представляет собой прямую аллюзию на данный библейский сюжет. Суровые и простые, как ранние христиане со старинных икон, борцы норвежского Сопротивления, томящиеся в аду гитлеровской оккупации, — давние знакомые Крилона. При этом задача, которую он перед собой ставит, состоит не в том, чтобы помочь им военной силой (он, например, не участвует в транспортировке оружия, лишь с риском для жизни помогает перевозить медикаменты), а в том, чтобы собрать

свидетельства о преступлениях нацистов и сообщить правду о них миру, а также поддержать норвежских праведников морально. По Юнсону, важнейшая задача для интеллектуала и гуманиста, живущего на войне или при диктатуре, — это сбор свидетельств, сохранение памяти о жертвах, порой бесстрастная фиксация фактов, то есть такой индивид отвечает за то, чтобы, противостоя пропаганде и трусости власть предержащих, доносить правду до людей. В первые годы войны шведская пресса и некоторые высокопоставленные политики старались не рассказывать о преступлениях нацистов: «Свободное слово в Швеции по причинам, которые трудно объяснить, получало угрозы в свой адрес...» [Johnson, 1998b, s. 375]. Свою просветительскую миссию Крилон выполняет в полной мере: он встречается с десятью выжившими после пыток в гестапо норвежцами, выслушивает их намеренно бесстрашно изложенные рассказы о том, что случилось с ними самими или с их товарищами, после чего с пафосом благодарит этих людей за их скорбную повесть и произносит: «И я обещаю вам, что передам поведенное вами всеми доступными способами. <...> Если рассказывать такое будет запрещено, я все равно это сделаю» [Johnson, 1998b, s. 316].

Несмотря на множество трагических событий в сюжете, трилогия о Крилоне — удивительно оптимистичное произведение, автор которого не сомневается в грядущей победе свободы и добра над диктатурой и злом. Следующие строки из романа опубликованы за полтора года до конца войны: «Ночь была долгой для меня, как и для многих, и мы все еще ждем, когда я пишу эти строки сентябрьским вечером 1943 года, на рассвете. Мы видим, как он наступает» [Johnson, 1998c, s. 486]. Уникальность данного произведения, на наш взгляд, заключается в сочетании полноты философского осмысления исторических событий с многослойной субъективностью и глубиной построения образа главного героя в его соотнесенности с этими событиями и с собственной позицией автора как художника и гуманиста. Гэвин Ортон в своем подробном разборе нарративной техники Юнсона в цикле о Крилоне указывает на то, что сам автор в одном из интервью определил свой метод как «полуреалистический» [Orton, 1974, s. 84]. С художественной точки зрения романы о Крилоне представляют собой мастерское переплетение аллегории и действительности, синтез модернистского

нарратива, насыщенного потоком сознания, видениями, пародией на традиционные жанры, иронией и самоиронией, и приемов психологического реализма.

Исследователи высказывали мнение о том, что романы Юнсона, в особенности послевоенные, в шведской литературе являются своеобразным «мостом» между модернизмом и постмодернистским письмом последних десятилетий. В частности, Бу Г. Янссон отметил, что «...Юнсон писал историографические метароманы и, подобно сегодняшним постмодернистам, полностью отвергал преобладающий миметический нарратив реализма, модерна и модернизма и идеалы непредвзятого автора вне текста». [Jansson, 2001, s. 118–119]. Для нашего анализа имеет значение тот факт, что Юнсон, перейдя к следующему этапу своего творчества, уже преодолев автобиографическую («Роман об Улофе») и субъективистско-хроникальную фазу своего письма («Трилогия о Крилоне») и обратившись к героям и эпохам, на первый взгляд, далеким как от его личной биографии, так и от современности, продолжил поиски ответов на вопрос о том, что делать приличному человеку, интеллектуалу и гуманисту, если он живет под гнетом диктатуры или оказывается там, где идет война. Представляется, что это его личный поиск и эти вопросы он в первую очередь задает самому себе, то есть не может идти речи об отстраненном авторе за рамками текста. Тем самым его послевоенные романы об иных эпохах и странах («Прибой и берега», «Сны о розах и огне», «Времена его милости») органично встраиваются в общую линейку этико-философских размышлений писателя и представляют собой нарратив о самом рассказчике, мучительно ищущем верных ответов, что, конечно, отличает Юнсона и его героев от не доверяющих любой универсальной правде постмодернистов. При этом, подобно распадающимся на множество «я» героям многих постмодернистских нарративов, протагонист Юнсона самого себя цельной личностью может и не ощущать. Бу Г. Янссон ссылается на высказывание Юнсона на близкую тему, сделанное писателем еще в 1926 г.: «Сейчас обнаружилось, что у одного человека может быть много лиц и что его “душа” есть конгломерат из тысячи и тысячи состояний. Сегодняшний ты — завтра уже другой человек...» [Jansson, 2001, s. 100] Мы помним, как расщепляется образ Крилона, являя собой наложение разных аллегорий и изобразительных техник, в том

числе временами сливаясь с образом и голосом автора в тексте, как в приведенной выше цитате о сентябрьском вечере 1943 года. Крилон при этом, как протагонист, — фигура однозначно положительная, не совершившая ни насилия, ни предательства в отношении ближнего, чего не скажешь об Одиссее в следующем романе писателя «Прибой и берега».

Одиссей у Юнсона — отнюдь не гомеровский образ хитроумного и удачливого воина, а скорее портрет солдата, страдающего посттравматическим синдромом, и одновременно интеллектуала, которому пришлось принять участие в том, что ему несвойственно. Подзаголовок «Прибой и берегов» — «Роман о нынешних днях» — говорит сам за себя, так как это произведение, созданное через год после окончания Второй мировой войны, актуализирует едва завершившиеся драматические события истории XX в., при этом указывая на то, что, к сожалению, наступивший мир не так прочен и насилие еще вполне возможно в будущем. Мучительная рефлексия Одиссея по поводу убийства троянского наследника Астианакса, совершенного по его наущению, не дает ему почувствовать радости ни от победы ахейцев, ни от возможности вернуться домой. Все усугубляется тем, что он знает, что ему снова придется убивать уже на Итаке. В отличие от героев античного эпоса он живет так, словно прошлое постоянно присутствует в настоящем то по его собственной воле, то в виде свободно всплывающих ассоциаций. По словам Стаффана Бьёрка, Одиссей Юнсона «живет по Бергсону, Фрейду и Прусту» [Björck, 1968, s. 213]. Мечь, сопряженная с убийством женихов Пенелопы, не добровольный, а вынужденный выбор героя, он полностью осознает, что насилие в итоге породит новое насилие. Когда расправа над женихами уже свершилась, мы слышим внутренний монолог протагониста: «Это делаю не я... Ко мне явился Вестник, Гермес, и по дороге сюда я потерял самого себя. <...> Во мне угнездился Арес... Я работаю на него, я открыл филиал его фирмы. Но меня самого здесь нет». [Юнсон, 1995, с. 540]. В итоге «...Одиссей принимает на себя бремя ответственности за будущее, без надежды когда-либо его увидеть» [Мацевич, 2013, с. 168]. При этом, в отличие от Крилона, также взявшего ответственность на себя, Одиссей у Юнсона, так же как и возглавивший борьбу свободного мира реально существовавший политик и частичный прототип Крилона Уинстон

Черчилль, вынужден прибегать к насилию, которого невозможно избежать на войне. Итак, сконструированный Юнсоном в облике древнегреческого героя тип европейского интеллектуала середины XX в. стоит перед гораздо более трудным выбором, чем его коллега Крилон в годы войны: необходимо не просто выбрать сторону добра и свободы, а оставаться на ней таким образом, чтобы можно было избежать насилия, однако реальность такой возможности не предлагает, Одиссей бессилен что-то изменить.

В следующем романе, представляющем собой историографический метанарратив, Юнсон обращается к герою, которого в полной мере можно назвать диссидентом в авторитарной среде. В «Мечтах о розах и огне» реальный исторический персонаж, священник Юрбен Гренье в небольшом французском городке Лудене, нажил себе сильных врагов среди духовенства, причем в их числе и сам могущественный кардинал Ришелье, который, однако, появляется в романе лишь бегло, управляя своими соглядатаями издали [Johnson, 1990]. Существенно, что по типу личности Гренье отличается от предыдущих рефлексирующих протагонистов у Юнсона: он не только независим и умен, но еще и горд, довольно властолюбив и ведом страстями, что в итоге его и губит. Герой дал волю чувствам и нарушил целибат, решив открыто заключить «свободный» союз с любимой женщиной. Враги, дождавшись удобного момента, обвинили Гренье в колдовстве и стали принуждать его пойти на компромисс и отречься от своих убеждений, но священник предпочел костер. Помимо более страстного характера героя, обостряется и ситуация, в которую помещен рефлексирующий интеллигент в этом романе. Теперь автор рисует модель прямого давления со стороны власти и непосредственной опасности для жизни того, кто ей сопротивляется. Без сомнений, ситуация «охоты на ведьм» в Европе XVII в. по замыслу автора должна вызвать у читателя параллели с преследованием инакомыслящих в диктатурах века двадцатого. Кроме того, автор углубил повествование, воспользовавшись приемом описания происходящего глазами человека менее умного, более наивного и слабого. В текст романа введены дневниковые записи Даниэля Друэна — вымышленного персонажа, который, сочувствуя Гренье, в последний момент от него отступился, сам не будучи ни героем, ни человеком, способным на жертву ради идеалов правды и свободы. Таким образом,

в этом романе мы видим две вариации фигуры интеллектуала в условиях диктатуры: с одной стороны, перед нами тип несгибаемого героического диссидента, способного на жертву, при этом местами эгоистичного и чересчур властного (Гренье), и с другой — более заурядный и робкий типаж человека либеральных взглядов, интеллигента или внутреннего эмигранта, вынужденного приспособиться к режиму, чтобы спастись (Друэн). Но именно он, более слабый, частично ведет хронику скорбного пути Гренье. Оба персонажа были поставлены в ситуацию критического выбора, в которой один проявил фатальную для себя храбрость, а второй предпочел самосохранение. Интерес к ситуации, в которую попал Гренье, перекликающейся с судьбами Галилея и Джордано Бруно, не оставит Юнсона до последних лет жизни. В самом начале 1970-х гг. он работал над романом, где главным героем стал Томас Мор. Посаженный Генрихом VIII в Тауэр, Мор и под угрозой смерти не откажется от своих принципов, предпочтя эшафот [Dembo, Johnson, 1971, p. 303].

Следующий после «Мечтаний о розах и огне» крайне успешный роман Юнсона рассказывает о том крохотном поле выбора, которое остается у приличного человека в условиях жесточайшей диктатуры и оккупации родины могущественной империей, а также о последствиях этого выбора. В ставшем главным международным успехом писателя романе «Времена его милости» Юнсон продолжает исследовать «возможности человека в историческом процессе» [Мацевич, 2013, с. 168]. В качестве пространства диктатуры на этот раз изображена эпоха франкского завоевания, когда в конце VIII в. империя Карла Великого подчиняет себе земли лангобардов. По замыслу Юнсона, изображаемый им режим Шарлеманя несет в себе все черты, присущие диктатурам XX в., включая всемогущие спецслужбы, поощрение доноительства, иезуитские методы борьбы с инакомыслящими и угнетение малых наций, а также, конечно, необходимость выявлять внутреннего врага, несмотря на внешние военные успехи. Писатель, очевидно, сознательно пародирует дискурс советских газет, писавших о многочисленных затаившихся «врагах народа»: «У Его милости короля, ныне императора, было... много врагов. Не только в войнах; этих военных противников побеждали во время славных военных походов. Но у Его милости были враги поближе, враги, что, подобно скорпио-

нам и ядовитым змеям, таились у него под ногами, выжидая в темноте удобного случая, чтобы ужалить» [Johnson, 1963, s. 272]. Далее говорится о том, что таких коварных существ было на удивление много среди родни императора, и так же иронично сообщается о том, сколь милостиво тот поступал с предателями: в частности, бастарда Пиппина даже не стали ослеплять, лишь заточили в монастыре. Когда в уже процитированном интервью автору задали вопрос, неужели Карл Великий не сделал ничего хорошего, он ответил так: «Шарлемань сделал много того, что можно назвать хорошим. У него была своя академия; он стремился к просвещению; но был вынужден действовать, сообразуясь с потребностями политической власти, и это означало приносить в жертву других людей» [Dembo, Johnson, 1971, p. 301]. Главному герою романа об эпохе Карла Великого Юнсон дает то же христианское имя, что было у Юханнеса Крилона. Иоганнес — младший из трех братьев в лангобардской семье Лупигис и, как положено в народной сказке, самый сообразительный из трех. Изначально между ними царит также вполне фольклорное соперничество из-за девушки и наследства, и с самого начала рассказа о семье, которую завертел вихрь франкского завоевания, Иоганнесу отводится ключевое место. Сюжет романа основан на реальном историческом событии, когда лангобарды в 775 г. предприняли последнюю, изначально обреченную попытку восстать против завоевателей. В восстании приняли участие отец и дядя Иоганнеса, а также он сам и его старшие братья. В результате поражения происходит и личная драма юноши — он теряет свою невесту Ангилу, которую силой увозит с собой франкский наместник. Сам он вынужден бежать, поначалу решив продолжить сопротивляться; он клянется мстить, приблизившись к королю, чтобы его убить. Далее на протяжении всего романа мы следим за судьбой Иоганнеса, в частности узнаем, что его, эрудированного и образованного, действительно берут секретарем на королевскую службу. В какой-то момент он подпадает под обаяние власти Шарлеманя, который при этом, как и Ришелье в «Мечтах о розах и огне», показан лишь вскользь, почти не произносит реплик, о нем мы узнаем в основном из лстивых свидетельств придворных [Johnson, 1963, s. 272, 332]. Следя за развитием главного героя, мы видим, что он не отошел от своих гуманистических идеалов, одновременно обретая трезвое отношение к про-

исходящему, и в какой-то момент осознал, что просто убийство короля не принесет его народу свободы и не восстановит справедливость в его личной судьбе. Этому отрезвлению способствуют и несколько лет, проведенных им в тюрьме по подозрению в измене. Описание того, как протагонист был схвачен в страшном замке, где он потом томится в заключении, и намеки на мучительные допросы, которым он подвергался, вкуче с попытками сломать его как человека напоминают свидетельства жертв гестапо в романе «Путешествие Крилона», а также вызывают у русского читателя неперенные ассоциации со свидетельствами жертв сталинских тюрем и лагерей. В итоге, выйдя на свободу, главный герой начинает понимать, что он скорее подорвет режим изнутри благодаря своим знаниям, труду, памяти, оставляя правдивые свидетельства о происходившем: Иоганнес пишет историю Лангобардии. В этом он следует завету другого средневекового интеллектуала, своего наставника юности, монаха Ансельма, который еще в самом начале этой печальной повести, накануне восстания 775 г., иносказательно пытался донести до соотечественников, что их попытка будет тщетной, что лучше идти другим путем, создавая хронику преступлений завоевателей и таким образом сохраняя культуру предков. Иногда хроникерам при диктаторе приходится записывать правду между строк, и именно таким методом подчас действует Иоганнес, в финале своей карьеры назначенный уже главным летописцем короля. Выбор такой стратегии Иоганнесом оттеняет «неправильные», ведущие к гибели и бесславию пути двух его старших братьев, Кональда и Варнефрита. Первый, не слишком развитый духовно и интеллектуально, решил в итоге пойти на военную службу к франкам, но, как потенциально нелояльного, его отправили на дальние рубежи, где его полк попал в засаду варваров и был полностью уничтожен. Решивший посвятить себя хозяйству в надежде на то, что завоеватели его не тронут, второй брат в итоге попадает на годы в плен и совершенно деградирует в тюрьме, той самой, из которой его освобождают, чтобы на его место заложником посадить Иоганнеса.

Таким образом, Юнсон ясно показывает, что есть диктатуры, настолько подавляющие отдельного человека или народ, что ни военное, ни личное сопротивление, ни даже готовность выдающегося человека пожертвовать своей жизнью не принесут сколько-

то заметной пользы для свержения репрессивного режима. Самый большой ущерб диктатуре наносит фиксация правды о ней, сбор и сохранение исторической памяти. Следовательно, оптимальный способ сохранить человеческое достоинство и жизнь, а также принести пользу в подобной исторической ситуации — попробовать встроиться в элиту диктатуры в качестве «пятой колонны» и подрывать режим изнутри.

В «Временах Его милости» в качестве метафоры выживания как отдельных личностей, так и целых народов в условиях диктатуры и оккупации автор использует фразу «жизнь на осиновом листе». Эпиграф к роману о лангобардах звучит так: «На осиновом листе никто не может ощущать себя в безопасности. Тем не менее там живут букашки, которые не знают, что вся их страна — осиновый листок. Для них он — родина, родная страна в мире, мире осиновых листьев» [Johnson, 1963, s. 5]. При этом из данной формулы не совсем очевидно следует, чем должны заниматься «букашки», живущие на листе: упорно делать свое дело или просто смириться с собственным неведением об устройстве мира. Являются ли такие типажи, как Юрбен Гренье, Иоганнес Лупигис, теми из «букашек», у кого хватило смелости и эрудиции заглянуть за пределы этого листа и сообщить сородичам об увиденном? Вероятно, единственной однозначно успешной попыткой выйти за рамки конвенционального и добиться результата среди героев Юнсона (если не считать автобиографического персонажа Улофа) может быть лишь трудный путь Крилона: надежда на победу союзников во Второй мировой войне стала безусловным источником оптимизма для автора. Одиссей, Гренье и Иоганнес Лупигис терпят поражение от удушающей их власти, но одерживают безусловную моральную победу в широкой исторической и этической перспективе, и это сближает их путь с путем Христа на Голгофу.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Björck S. *Romanens formvärld: Studier i prosaberättarteknik*. 5 uppl. Stockholm: Natur och kultur, 1968. 332 s.
- Dembo L. S., Johnson E. An Interview with Eyvind Johnson. *Contemporary Literature*, 12 (3), 1971. P. 301–304. <https://doi.org/10.2307/1207840>
- Jansson B. G. *Världen i berättelsen: narratologi och berättarkonst i mediaåldern. Kultur och lärande. Series 5*. Falun: Högskolan i Dalarna, 2001. 172 s.

- Johnson E. *Drömmar om rosor och eld*. Stockholm: Bonniers, 1990. 392 s.
- Johnson E. *Grupp Krilon*. Stockholm: Bonniers, 1998a. 392 s.
- Johnson E. *Hans nådes tid*. Stockholm: Aldus/Bonniers, 1963. 387 s.
- Johnson E. *Här har du ditt liv!* Stockholm: Aldus/Bonniers, 1969. 149 s.
- Johnson E. *Krilon själv*. Stockholm: Bonniers, 1998c. 493 s.
- Johnson E. *Krillons resa*. Stockholm: Bonniers, 1998b. 394 s.
- Johnson E. *Nu var det 1914*. Stockholm: Aldus/Bonniers, 1973. 167 s.
- Johnson E. *The Surge of the Shores*. Moscow: Vagrius Publ., 1995. 542 p. (In Russian)
- Johnson E. *Slutspel i ungdomen*. Stockholm: Aldus/Bonniers, 1972. 276 s.
- Matsevich A. A. *Swedish literature from the 1880s to the end of the 20th century: Reference book*. Moscow: IWL RAS Publ., 2013. 312 p. (In Russian)
- Orton G. *Eyvind Johnson: en monografi*. Övers. G. Barklund. Malmö: Aldus, 1974. 175 s.

Статья поступила в редакцию 7 февраля 2022 г.,
рекомендована к печати 10 марта 2022 г.

Polina Lisovskaya

St Petersburg State University

**AN INTELLECTUAL'S LIFE STRATEGIES IN THE TIME OF WAR AND UNDER
DICTATORSHIP IN THE NOVELS BY EYVIND JOHNSON**

For citation: Lisovskaya P. A. An intellectual's life strategies in the time of war and under dictatorship in the novels by Eyvind Johnson. *Scandinavian Philology*, 2022, vol. 20, issue 1, pp. 111–126. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2022.108> (In Russian)

The article examines conceptual and artistic issues of the most seminal novels written by Eyvind Johnson (1900–1976), one of the most renowned Swedish writers of the 20th century. Johnson, born in the north of Sweden, was of low origin, and he started his career as an amateur proletarian writer, a typical representative of the Swedish “proletarian literature,” a movement that was largely instrumental in shaping the form and substance of prose fiction in Sweden in the first half of the last century. His obligatory education ended at the age of fourteen, but his insatiable yearning for self-education, books, foreign languages, as well as his broad and hard-earned experience, gradually made him one of the most erudite and intellectually intricate Swedish novelists of the last century. From the 1940s on, the writer had gone far beyond the borders of “proletarian literature” and created works that won him international acclaim and the Nobel Prize for literature in 1974. Yet, the works of this humanitarian writer, who kept condemning totalitarian regimes of the 20th century, are practically unknown in our country, in translations of his novels and research papers. This article analyzes the cycles on Ulof and Krilon, which are devoted to Sweden, and written after the Second World War: the novels *The Surge of the Shores*, *Dreams of Roses and Fire*, and *The Days of His Grace* are based on subjects of the classical literature and the events of the European

history. The object of our study is protagonists in the above-mentioned works. The subject of the research is the evolution of the types and images of humanitarian intellectuals in their clashes with authoritarian power, dictatorship and war. The article focuses on characters who, when placed in such condition, have to make up their minds and choose a life strategy which would conform with Johnson's ethical and philosophical position, and on the evolution of describing circumstances and results of these choices throughout the whole life of the writer.

Keywords: Eyvind Johnson, proletarian literature in Sweden, historical meta-novel, Swedish literature, anarchic syndicalism, The Second World War, Charlemagne/ Charles the Great, Cardinal Richelieu, Winston Churchill.

Лисовская Полина Александровна

кандидат филологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
E-mail: p.lisovskaya@spbu.ru

Polina Lisovskaya

PhD in Philology, Associate Professor,
St Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russian Federation
E-mail: p.lisovskaya@spbu.ru

Received: February 7, 2022

Accepted: March 10, 2022

УДК 82-52

Наталья Огуречникова

Московский государственный лингвистический университет

ТЕМА ЛЮЦИФЕРА И ФОРМЫ РЕЧИ В ИСЛАНДСКОМ БИБЛЕЙСКОМ ПАРАФРАЗЕ

Для цитирования: *Огуречникова Н. Л.* Тема Люцифера и формы речи в исландском библейском парафразе // Скандинавская филология. 2022. Т. 20. Вып. 1. С. 127–149. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2022.109>

Предметом статьи является тема Люцифера в «Лилии», стихотворном исландском библейском парафразе, датированном первой половиной XIV в. Выбор строф Люцифера в качестве объекта анализа объясняется их репрезентативностью, эти строфы отражают основные особенности «Лилии», включая характерные признаки средневековых библейских парафразов. При анализе строф Люцифера внимание уделяется формам речи, их дистрибуции и коммуникативной специфике, а также содержанию и источникам монолога Люцифера. Внимание к монологу определяется особенностями внутреннего монолога как формы речи. В первом разделе статьи формы речи в строфах Люцифера сопоставляются с формами речи в песнях «Старшей Эдды»; целью сопоставительного анализа является разъяснение коммуникативной специфики исландского библейского парафразы и его отношения к поэтическим традициям Исландии. Во втором разделе рассматривается структура монолога Люцифера и его источники, предпринимается попытка интерпретации монолога Люцифера с учетом структуры и содержания «Монологиума» и «Прослогиона» Ансельма Кентерберийского. Один из тезисов статьи заключается в том, что контекст сочинений св. Ансельма углубляет содержание монолога Люцифера и приводит его в соответствие с центральной идеей темы Люцифера в «Лилии». В результате анализа сделан вывод о том, что структура поэтической речи автора в строфах Люцифера отражает не только взаимодействие островных и континентальных традиций, но и сопутствующие глубинные сдвиги в отношении к слову, традиции и искусству поэзии. Упрощение скальдической формы в «Лилии» и сведение ее к композиции текста является одним из следствий указанных процессов.

Ключевые слова: исландский библейский парафраз, драпа, композиция, скальдическая поэзия, *Старшая Эдда*, формы речи, структура строфы, тема Люцифера, монолог Люцифера.

1. ФОРМЫ РЕЧИ В СТРОФАХ ЛЮЦИФЕРА И ПОЭТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ ИСЛАНДИИ

«Лилия» — это исландский библейский парафраз, специфика которого явствует из представленного ниже анализа форм речи в строфах Люцифера, в совокупности образующих тему Люцифера в произведении. Строфы Люцифера репрезентативны, они отражают основные особенности текста, включая характерные признаки средневековых библейских парафразов¹, к числу которых исследователи относят драматизацию повествования как метод экзегезы, использование приемов риторики с целью воздействия на слушателей и смешение жанров [Lobrichon, 2009].

Тезис о смешении жанров нуждается в дополнительных комментариях при анализе «Лилии». В словесной культуре средневековой Исландии жанры были исходно связаны с поэтической формой. Эддические жанры неотделимы от стихотворных размеров, обладавших определенными хронотопическими свойствами [Смирницкая, 1993, с.56]. Скальдические жанры неотделимы от скальдических размеров, соответствующих особенностей языка и архитектоники текстов. В качестве библейского парафразы «Лилия» не принадлежит ни одной из двух национальных поэтических традиций Исландии и является текстом иного типа, представляющим собой результат адаптации континентальной традиции народного богословия² к словесной культуре Исландии. Одним из результатов такой адаптации стал новый стихотворный склад — лильюлаг. «Лилия» считается первой манифестацией лильюлага, на что указывает и название размера (*liljulag* — «склад “Лилии”»).

Рассказывая исландцам о содержании Священного Писания и библейской истории, автор «Лилии» использовал потенциал словесной культуры Исландии. К числу основных элементов формы, использованных автором парафразы, относится структура драпы, включая стевы, разбивающие текст на разделы и таким образом реализующие композиционную функцию³. Между тем композиция

¹ О библейских парафразах см.: [Lobrichon, 2009; Smeets, 1968; Bogaert, 1982].

² Исследователи рассматривают народное богословие как одно из направлений в развитии средневековой религиозной мысли [McGinn, 1994, p. 4–14; Watson, 1995; Blumenfeld-Kosinski et al., 2002, p. 1–11].

³ В скальдических драпах стевы были важным элементом архитектоники, но не имели композиционных функций: разбивая текст на фрагменты, стевы не

как один из аспектов архитектоники драпы не тождественна форме и, вероятно, «Лилия» не отождествлялась слушателями с драпой как жанром скальдической поэзии в том числе и потому, что формы речи автора «Лилии» отличались от форм речи, связанных в сознании аудитории с драпой. Язык «Лилии» лишен традиционной скальдической фразеологии, а переплетения синтаксиса редки и просты настолько, что сближаются с инверсией как приемом латинской риторики. Формы речи, представленные в «Лилии», сходны с формами речи, свойственными песням «Старшей Эдды»; к их числу относятся рассказ о событиях библейской истории (внешне сходный с повествованием о событиях прошлого в «Эдде»), дидактические комментарии автора в форме утверждений общего характера (сходные с максимами «Речей Высокого»), монологи и диалоги (отсутствующие в скальдической поэзии). Кроме того, автор «Лилии» использовал нарративные стратегии «Эдды», в результате чего соответствующие строфы «Лилии» напоминают сцены из «Прорицания Вёльвы» или «Речей Гримнира». При этом все формы речи, характерные для «Эдды», перерождаются в «Лилии». Вне древнеисландских поэтических текстов с присущей им жанровой спецификой традиционные формы речи утрачивают свои изначальные коммуникативные свойства.

«Лилия» существенно отличается от песней «Эдды» по ряду параметров. В «Лилии» присутствует автор, постоянно напоминающий о себе повествованием от первого лица, личными комментариями к описываемым событиям и обращениями к аудитории и персонажам. С авторским характером повествования связана дистрибуция представленных в «Лилии» форм речи; разные формы речи сосуществуют не только в пределах песни, но и в пределах строфы или последовательности строф. Примерно четверть всего объема «Лилии» занимают христианские молитвы, включая славословия, содержащиеся в стевах, а строфы, отличные от молитв, как правило, представляют собой рассказ о событиях библейской истории, сопровождающийся авторским комментарием, что невозможно в «Эдде». Эддические песни в форнюрдислаге не допускают авторских комментариев по двум взаимосвязанным

были соотнесены с планом содержания драпы. В «Лилии» они непосредственно связаны с содержанием и таким образом приобретают композиционную нагрузку.

причинам: с одной стороны, время событий отлично от времени повествования (времени самой песни) и от времени записи песни [Смирницкая, 1993, с. 61]; с другой стороны, редактор не является автором песней и лишь воспроизводит содержание текстов, известных из традиции [Смирницкая, 1993, с. 61]. В отличие от песней в форнюрдислаге, песни в льодахатте содержат комментарии редактора, но эти (всегда прозаические) комментарии, поясняющие контекст песней, предшествуют им и не входят в состав воспроизводимого текста, унаследованного из традиции [Смирницкая, 1993, с. 64].

Указанное изменение структуры текста в «Лилии» в сравнении с песнями «Эдды», коммуникативная специфика речевых форм, особенности языка, единство стихотворного размера и использование композиции драпы снимают вопрос о жанровой специфике «Лилии». Для слушателей строфы «Лилии» были непривычными и вряд ли вызывали у них ассоциации с жанрами древнеисландских текстов.

С учетом сказанного общий тезис о смешении жанров применительно к «Лилии» следует понимать как присутствие в тексте элементов формы, напоминавших аудитории о национальных традициях, скальдической и эддической, и таким образом адаптировавших новый текст к национальной словесной культуре⁴.

Рассказ о Люцифере представляет собой свободный пересказ библейской истории и напоминает повествование о событиях прошлого в песнях «Старшей Эдды», выполненных в форнюрдислаге. Между тем, в отличие от эддических песней в форнюрдислаге, «дистанцирующих события песней в “нездешнее пространство и в незапамятные времена”» [Смирницкая, 1993, с. 67], рассказ о Люцифере таких хронотопических свойств не имеет. События, о которых рассказывает автор «Лилии», произошли в сотворенном мире «в начале времен» (*i fyrstu*, Lil. 18), и память об этих событиях сохранена христианскими сочинениями и устной традицией. Судя по тексту, основным источником рассказа о Люцифере является устная традиция, на что указывает повторяющаяся в «Лилии» формула *svá er greinanda* ‘так рассказывают’ (см. строфу

---

⁴ Христианское содержание библейских парафразов было по условию новым для большей части аудитории.

Lil. 9 ниже), словосочетание *friett hefir eg* ‘я услышал’ (Lil. 45).⁵ Автор также ссылается на Священное Писание (*svá ritning próvar* ‘как подтверждает Священное Писание’, см. строфу Lil. 7 ниже) и на сочинения Отцов Церкви и христианских теологов (*svá ljósin vátta* ‘как подтверждают светлейшие’, см. строфу Lil. 17 ниже). Рассказывая о событиях библейской истории, автор опирается на разные источники, но не воспроизводит, а пересказывает их и одновременно ведет отбор материала. В отличие от автора «Лилии», для редактора эддических песней в форнюрдислаге песнь существует как данность, как слово, унаследованное из прошлого, он не заимствует сведения из традиции, а хранит традицию, и в этом состоит основная функция поэтической (связанной) речи.

При первом упоминании Люцифера в строфах Lil. 7–8 изначально сильная, добрая и светлая природа ангела, сотворенного Богом, противопоставлена его индивидуальной воле и стремлению к власти.

Lil. 7. *Mektarfullr, er af bar öllum / í náttúruskærleik sínum, / skapaður góðr og skein í þrýði / skapara næstr í vegsemd hæstri. / Eigi liet sier alla nægjaz / eingill mekt, þá er hafði feingið; / með ofbeldi öðlaz vildi / æðra sess og virðing bæði.* Lil. 8. *Fýstiz hann með ofsa æstum / að viðrlíkjaz yfrið ríki / guðs eingetnum syni, en síðan, / sier nægjandi en eingum vægja. / Fúll metnaðrinn er með öllu; / óvarliga, svá ritning próvar; / ætlar sier við dýran drottin / deila megni, hversu er vegnar* [Chase, 2007, p. 569]. (Полужирный шрифт мой здесь и далее в цитатах. — Н. О.) ‘7. Ангел всесильный, всех превзошедший / своим естественным светом и блеском, / создан был добрым, во славе сиял, / с Создателем сидя в чести великой. / Ангел, однако, не был доволен / силой и властью, данными Богом; / неистовый нрав требовал большего, / к господству стремилась властная сущность. 8. Исполненный ревности, страстно стремился он / быть всемогущим и тем уподобиться / единокорному Божьему Сыну; / мощью довольный, не уступал бы он никому. / Пагуба гордости есть в человеках, / то подтверждает Святое Писание, / весьма опрометчиво с Господом милым / гордец намерен мериться силой’ [Лилия, 2019, с. 223].

⁵ Устной традицией, на которую ссылается скальд, является континентальная традиция народного богословия; библейские парафразы, принадлежащие этой традиции, предназначались для устного исполнения [Powell, 2002; Zumthor, 1987].

Строки Lil. 8. 5–8, выделенные полужирным шрифтом, представляют собой личный комментарий автора, который носит дидактический характер и сближается с максимами «Речей Высокого». Существенным отличием комментариев автора «Лилии» от максим «Эдды» является их актуализация, то есть привязка суждения общего характера к контексту (описываемым событиям); максимы «Речей Высокого» не привязаны к какому-либо контексту и представляют собой общие истины, пригодные на все случаи жизни [Смирницкая, 1993, с. 70]⁶. В строфах Lil. 7–8 рассказ об описываемых событиях соположен с авторским комментарием, что невозможно в «Эдде».

Далее, в строфе Lil. 9, автор интерпретирует стремление Люцифера к власти над миром как порчу, приводящую к тому, что Люцифер погружается в глубины земли и слепнет, что вновь сопровождается личным комментарием автора дидактического характера. Структурно строфа Lil. 9 не отличается от приведенной выше строфы Lil. 8, в состав которой входит рассказ о событиях, завершающийся максимой, но аллюзия к «Речам Высокого» является более эксплицитной, поскольку в строках Lil. 9. 6–8 воспроизводится синтаксическая модель, заимствованная автором непосредственно из «Речей Высокого» (ср. *Háv. 8–9, 28* [Góðakvæði, 2014, bls. 323–327]). Модель выделена полужирным шрифтом в приведенном ниже исландском тексте и в его переводе.

Lil. 9. *Svá er greinanda; á samri stundu / sem eingillin tók að spillaz, / söktiz hann með sínum grönnum / sem blývarða í djúpleik jarðar, / blindan þar sem föður sinn fíandann / feikt ofbeldið kvelr í eldi; / **fávíss er sá, er fedgin þessi / fadma vill en síðunum spilla*** [Chase, 2007, p. 571].
'9. Надо сказать, что в тот самый миг, когда гордый ангел порче подвергся, / он погрузился с собратьями вместе, / словно свинец, в глубины земли, / там он ослеп, как сатана, — / неистовства муки гибнут в огне; / **тот недальновиден, кто примет в объятия / родичей этих, закон попирая**' [Лилия, 2019, с. 223].

Автор говорит о потере зрения Люцифером не случайно. В дальнейшем слепота Люцифера ведет его к опрометчивым решениям и поступкам.

⁶ О перерождении льодахатта в «Речах Высокого», каталогизации актуальных пословиц и превращении их в максимы в контексте книжной культуры см.: [See, 1972; Смирницкая, 1993, с. 70].

Метафора, представленная в строфе Lil. 15, нужна была автору для того, чтобы объяснить появление в мире смерти, которая не была создана Богом Отцом при сотворении мира и причиной которой было грехопадение Люцифера.

Lil. 15. *Brútnar, svellr og unir við illa / eingill, bann það er hafði fengið, / fyrða sveitin fædd á jörðu / fái þar víst, er sjálfr hann misti, / og bruggandi dauðans dreggjjar, / duldz hann fyrir augsjón manna; / fjölkunnigr í einum innan / ormi tók hann mál að forma.* Lil. 16. *Sem próvandi segir, að 'Éva, / svara mier skjótt! En hví hefir dróttinn / sætast ykkur blóm að bíta / bannað, lofað en flest alt annað? / Svá fór það, er svaraði Éva, / sem margbrugðinn fjandinn hugði: / 'að ei fari við lífs af leiðum, / liettliga hrörpum í dauðans stiettir.'* [Chase, 2007, p. 580] '15. Исполнился злобы, пыхтит от волнения / ангел, узнав предписание Бога, / лишён он жилища, которое верно / люди получают, потомки земли. / Он варит напиток с закваской смерти, / скрывая себя от взора людей, / он, сведущ в магии, в змея пробрался, устами змеиными заговорил. 16. И, сея сомнения, Еву спросил: / «Ева, ответь, почему вам Господь / сладчайший плод не позволил отведавать, / но разрешил вам всё прочее делать?» Ответила Ева: «Нам нужен запрет», — / предполагал это опытный изверг — / «дабы не сбиться с дороги жизни / и не спускаться по смертным ступеням» [Лилия, 2019, с. 224–225].

Нельзя обойти вниманием появление в двух рассматриваемых строфах диалога и форм *praesens historicum*, выделенных в исландском тексте полужирным шрифтом. Изменение временных форм глагола приближает автора (и его аудиторию) к говорящим персонажам, что напоминает о мифологических песнях в размере льодахатт, для которых нет прошлого как чего-то отличного от настоящего [Смирницкая 1993, с. 68; Стеблин-Каменский, 2003, с. 324]. Основное отличие повествования в строфах Lil. 15–16 от песней в льодахатте заключается в том, что строфы эддических песней в льодахатте представляют собой не рассказ о событиях, в структуру которого входят речи персонажей, а именно речи персонажей, которым предшествует прозаический комментарий редактора, разъясняющий слушателям контекст, в котором происходит обмен речами. В «Лилии» речи Евы и Змея вводятся словами автора, поэтому использование форм *praesens historicum* в строфе Lil. 15 не снимает отнесенность описываемых событий к прошлому.

Обращение Люцифера к Еве является элементом драматизации, характерной для текстов, бытовавших в устной традиции. Драматизация всегда связана с реализацией функции воздействия словом, но характер реализации этой функции зависит от целей драматизации, что во многом определяется традицией. Льодахатт — это размер, формирующий план речи [Смирницкая, 1993, с. 69]; речи соответствующих песней — это всегда обращенные речи, движущие действие и направленные на изменение актуальной ситуации; «действие в таких песнях, как “Речи Регина” и “Речи Фафнира”, представляется как протекающее на глазах у аудитории, разыгрывается на сцене» [Смирницкая, 1993, с. 67]. В «Лилии» диалоги являются частью повествования о библейской истории, а драматизация повествования направлена на разъяснение библейских событий слушателям (ср. [Powell, 2002, р. 84]) и не может рассматриваться как сценическое действие.

Для героических песней «Эдды» в льодахатте характерны фольклорные мотивы, чуждые песням в форнюрдислаге [Смирницкая, 1993, с. 67–68]. Примечательно, что в строфе Lil. 15 наряду с глагольными формами *praesens historicum*, приближающими аудиторию к персонажам, присутствует фольклорный мотив магии и колдовства, и строфа, вероятно, воспринималась аудиторией как нечто очень знакомое. Указанный мотив не является специфически скандинавским, но в памяти исландской аудитории он, без сомнения, актуализировал древнеисландские контексты, образы и понятия, связанные с превращениями и колдовством, включая, с одной стороны, превращения персонажей в героических песнях о Сигурде и, с другой стороны, соответствующие контексты саг (о них см. [Mitchell, 2003]). Слова и действия Люцифера, описанные в строфах Lil. 15–16, соответствуют языческой практике и исландскому концепту *seiðr* ‘колдовство’, предполагавшему воздействие на чужое сознание и имевшему весьма мрачные коннотации в период бытования «Лилии» в традиции⁷. Важно, что колдовство (исл. *seiðr*) воспринималось в Исландии именно как языческая практика [Mitchell, 2003, р. 146]; такая практика считалась противозаконным актом, и противозаконность лишь усугублялась хри-

---

⁷ В этой связи обратим внимание на описание соответствующей практики Одина в «Care об Инглингах» [Ynglinga saga, 2002, bls. 19].

стианским контекстом. Напоминание аудитории о противозаконности действий Люцифера является одной из функций метафоры, использованной в строфе Lil. 15.

Пробравшись в Змея, Люцифер начинает искушать Еву. В строфе Lil. 17 автор не уточняет, кто присутствовал при диалоге Люцифера и Евы и с чьих слов воспроизводится ее речь, но в своей оценке слов Евы автор ссылается на «светлейших» (на Отцов Церкви или, возможно, на христианских теологов [Chase, 2007, p. 583]). Отметим в очередной раз невозможное для «Эдды» одновременное присутствие в одной строфе речей и их оценки, снимавшее вопрос о жанровой специфике этой строфы у слушателей «Лилии».

Lil. 17. *Liettliga þar — svá ljósín váttá / liettleika í svaranna reikan — / því treystiz hann framt að freista / flærðum sett rog talar með þrettum: / ‘Eigi munu þið Ádám deyja / adlitshvít, þóað eplið bítið, / heldur munuð með heiðr og valdi / hosk og rík við guðdóm líkjaz’* [Chase, 2007, p. 583]. ‘17. Беспечным был, по слову светлейших, / и легкомысленным Евы ответ; / отважился изверг, живущий во лжи, / её искушать, говоря вероломно: / «Светлы ваши лица, поверь мне, о, Ева! Плода отведав, вы не умрёте, / мудры и могучи как божества, / получите вы славу и власть!»’ [Лилия, 2019, с. 225]

В строфе Lil. 18 мотив слепоты (потери зрения) звучит вновь, на этот раз в контексте искушения Адама и Евы: непрозорливость ведет Люцифера к вероломности и обману; слепой и вероломный Люцифер ослепляет обманом Адама и Еву. Формы *praesens historicum* сменяются формами прошедшего времени, чему вновь сопутствует характерное для «Лилии» сосуществование в пределах строфы рассказа о событиях прошлого и авторского комментария.

Строфа Lil. 20 представляет собой развернутую метафору, описывающую состояние мира после последовательного грехопадения Люцифера и прародителей, Адама и Евы. В содержании указанной строфы есть важный семантический компонент: отсутствие в мире жизни является следствием того, что Люцифер принес в мир смерть. Тематика строфы (описание состояния мироздания после грехопадения) и стратегия повествования, заключающаяся в совмещении планов прошлого, настоящего и будущего, сближают повествование в строфе Lil. 20 с эддическими строфами-прорицаниями, в особенности со строфами «Прорицания Вёльвы» описывающими состояние мироздания (см., напри-

мер, строфы Vsp. (K) 44–53 [Góðakvæði, 2014, bls. 302–305]. В строфе Lil. 20, кроме того, присутствует метафора, в основе которой лежит сравнение мироздания с деревом, а также оценка будущего, внешне сходная с предвидением («самое худшее будет в конце...»), что дополнительно сближает строфу с картинами Вэльвы, рисующей рождение, гибель и возрождение мира.

Lil. 20. *Remman brast af rót í kvistu / ran þá glæpr af hverjum til annars; / leið svá heimr um langan tíma / lífs andvani en fullr af grandí. / Liettir hvorki ugg nie ótta, / eftir mest en þó er að lesti; / opið helvíti búið með bölví / bauð sig fram við hvers manns dauða* [Chase, 2007, p. 586]. '20. Горечь пошла от корня к ветвям, / и преступления преумножались, / так мир существует долгое время, / жизни лишённый, он боли исполнен; / не утихают в нем страх и боязнь, / но самое худшее будет в конце: / адова пропасть и злоключения / на смертном одре ждут каждого мужа' [Лилия, 2019, с. 225–226].

Дистанция между строфой Lil. 20 и строфами из «Прорицания Вэльвы» определяется несходством в поэтическом мироощущении автора «Лилии» и Вэльвы. Вэльва вещает о событиях и судьбах мира, озирая локусы мифологического пространства так, как кроме нее это мог делать только Один. Не случайно адресатом Вэльвы является именно Один; вероятно, это знак совпадения их точек зрения и равных созерцательных возможностей. Вэльва смотрит на мироздание и конкретные события «с внеположенной им “высшей”, точки зрения» [Смирницкая, 1993, с. 69]. Автор «Лилии» говорит о другом мире и с других позиций. Строфы-зарисовки «Лилии» с их статическими сценами помещали аудиторию вне сегодняшнего дня, отрывали слушателей от мирского, но не от того мира, где они живут; слушатели «Лилии» не переносились в абсолютно другое измерение. При внешнем сходстве рассматриваемой строфы со строфами «Прорицания Вэльвы» соответствующие формы речи не имеют коммуникативных свойств «Прорицания...», и заключительные строки строфы Lil. 20 представляют собой не прорицание, а суждение, содержание которого заимствовано из христианской традиции. Все сказанное Вэльвой о судьбах мира аутентично, речи Вэльвы принадлежат традиции, а не заимствуются из нее.

В очередной раз Люцифер упоминается автором уже после Рождества и Крещения Иисуса, и пять строф, Lil. 39–43, представ-

ляют собой монолог Люцифера, анализу которого посвящен следующий раздел статьи.

Помимо строф, рассмотренных выше, в состав темы Люцифера входят строфы Lil. 45, Lil. 47–48, Lil. 60–61, следующие за его монологом. Все перечисленные строфы представляют интерес и имеют свои особенности, но в коммуникативном плане содержащиеся в них формы речи не отличаются принципиально от форм речи, рассмотренных выше, и от форм речи в монологе. Анализ этих строф не приводится в целях экономии языковых средств.

Тема Люцифера завершается строфами Lil. 65–66.

Lil. 65. *Hví stundaðir, inn forni fjandi / fremdar snauðr, á Jesús dauða? / Eða þóttiz þú meiri að mætti, / mátrinn hans er guðdóm vátta? / Eða hugðir þú líkams lygðir? / Líkam tók hann meyar ríkrar; / óverðugan hann fleingdu fyrðar / flekklaustan; hann vann til ekki.* Lil. 66. *Þú fyrirdæmdir auma Évam, / Éva mann fyrir epli bannað, / maðr bannsettr um allar ættir, / ættin Krist, er spjóti nisti. / Krístr þig þó, er fant í fystu / fystan prett og manndráp settir; / svá ódygðar brandrinn bjúgi / beygiz aftr í þína kjafta* [Chase, 2007, p. 636–637]. ‘65. Почто захотел ты, враг стародавний, / чести лишённый, смерти Иисуса? / Или ты думал, что превосходишь / силой своею могущество Бога? / Или поверил ты лживому телу? / У Господа тело от Девы великой; / Иисуса безвинного и непорочного / мужи хлестали не по заслугам. 66. Обрэк ты на смерть несчастную Еву; / муж Евы вкусил запретного плода, / и проклят он был в поколениях, потомками / тех, что стрелой пронзили Христа. / Иисус же обрэк на смерть того, / кто первым задумал обман и убийство; / кривой и порочный предательства меч / в пасти твоей наконец оказался’ [Лилия, 2019, с. 234].

В строфе Lil. 65 за вопросами, адресованными Люциферу, следует перечисление фактов библейской истории. Ближайшим эддическим аналогом строфы Lil. 65 является строфа Vsp. (K) 50 [Góðakvæði, 2014, bls. 304] из «Прорицания Вэльвы», где за вопросами Вэльвы следует констатация положения дел в мифологическом мире, хотя сама по себе последовательность вопросов, с которой начинается строфа Lil. 65, была известна исландцам и по другим песням (см., например, строфу Háv. 144 [Góðakvæði, 2014, bls. 351]). Питер Фут отмечает, что в строфах Lil. 65–66 автор дословно воспроизводит фрагмент «Новой Поэтики» Гальфрида Винсальвского, разъясняющего фигуры *subjectio* ‘ответ себе’ и *gra-*

datio ‘постепенность’ [Foote, 1982, p.118]. Сопоставление строф Lil. 65 и Vsp. (K) 50 говорит о том, что латинские тексты и средневековые латинские поэтики⁸ не изменили существенным образом традиционные эддические формы речи, но континентальная традиция, возможно, влияла на автора, способствуя переосмыслению традиционных форм речи как фигур латинской риторики. Если же говорить об аудитории, то структура двух строф Lil. 65–66, по видимому, воспринималась слушателями как традиционная, соответствующая привычным моделям поэтического языка.

2. МОНОЛОГ ЛЮЦИФЕРА В «ЛИЛИИ»

Монолог Люцифера (Lil. 39–43) — это смыслообразующая деталь и тот парадокс, без которого нет хорошего рассказа. Ретардация является одной из функций монолога, автор как будто предупреждает слушателей о том, что после этой передышки произойдет что-то важное и надо сосредоточиться.

Lil. 39. *Undraz tók inn forni fjandi / fæddan mann, er skilja var bannað, / og þvílíkt, sem andinn segði / orðin slík aftungu forðum: / Þykki mier, sem nýjung nökkur / nálgiz heim og ættir beima; / eitthvað klókt mun drottinn dikta: / dulgr em eg, því að ferr af huldu.* Lil. 40. *‘Jesúm tígna eingla rásir / upp og niðr af himni þriðja; / stjörnuljós og færðar fórnir, / friðar samband á hverju landi, / slík aflla mier sóttarauka, / sönn stórmerkin veitt hjá mönnum; / kvíðig, að hans remming ráða / ríði mier að báðum síðum.* Lil. 41. *‘Föðurætt hans, trúig, fá munu hitta; / finz móðernið hier með þjóðum; / þó er atferðin Jesús burðar / undarlig, svá að skil eg það varla. / Ekki er mier á þessum þokki; / þannin ferr þeim unga manni; / aldri var sá fyrr á foldu / fæddur maðr, er eg næsta hræddumz.* Lil. 42. *Þystir hann og er fölr af föstum, / firriz hlátr, en kann að gráta; / mæðiz hann og er móður sinnar / mjólku fæddr, en reifum klæddiz. / Finn eg þó, að í slíku sannar / sjálf náttúran, manndóm vátтар; / fýsir mig því framm að æsa / flein ódygðar honum að meini.* Lil. 43. *‘Mier virðiz, sem miklu hærra / mætur guði hann Ádám sæti, / áðr eg sveik þau Évun bæði / ærusnauð í myrkr og dauða. / Satt er, að fæstir sjá við prettum; / svá mun enn um Jesús þenna, / því treystumz eg framt að freista; / forðum hefir eg slægvittr vorðið* [Chase, 2007, p. 608–613]. ‘39. Врэг стародавний был изумлён / мужем рождённым, которого

⁸ О латинских поэтиках см.: [Гаспаров, 1997, с. 590–660].

он / понять был не в силах, и словно сам Дух, / издревле глаголя, заговорил: / «Я вижу, как некая новая сущность / приблизилась к миру, к потомкам людей, / это, должно быть, Премудрость Господня, понять не могу сокровенную тайну». 40. Кружат вокруг третьего неба / ангелов сонмы и славят Иисуса, свет от Звезды и дары дорогие, / мир, воцарившийся в каждой земле. / «**Свидетельства истины, данные людям, / мне предрекают большое злосчастье; / мудрость его дух укрепляет, это тревожит и душит меня.** 41. **Отца его род вряд ли кто встретит, / а линия матери здесь, на земле;** / рождение Иисуса уму не подвластно, я этот способ не в силах спознать. / И я уязвлён событием этим, ведь в пользу юнца подобный исход, / доселе не ведал я сильного страха / пред мужем, рождённым здесь, на земле. 42. **Был новорожденный сеном обёрнут / и матерью вскормлен; держит он пост, / постами он бледен и жаждой томим, / от смеха бежит он, / но в горе горюет.** / Я нахожу, что Его природа / Его подтверждает происхождение, / страстно желаю стрелю безверья / Его обезвредить, вред учинив. / 43. Намного выше, помнится мне, Богом любимый Адам восседал, / когда их с Евой, чести лишённых, / увлёк я обманом во мрак и погибель. / Люди не помнят о зле и коварстве, / Иисус — человек и, верно, наивен, / наглым обманом, лукавым коварством / я попытаюсь его искушать' [Лилия, 2019, с. 229–230].

Как можно судить по приведенной цитате, монолог представляет собой внутреннюю (необращенную) речь; это прямая речь внутри авторского повествования. Совмещение авторского повествования о событиях прошлого с речью персонажей можно найти в «Старшей Эдде», в героических песнях в фюрнюрдислаге, входящих в цикл о Сигурде и Нифлунгах (см., например, речи в «Первой песни о Гудрун»), однако в героических песнях указанного цикла нет внутренних монологов, в них представлены либо речи-ретроспекции, либо обращенные речи, движущие действие.

Содержание монолога Люцифера может показаться нейтральным в иллокутивном плане, но он, должно быть, производит сильное впечатление на аудиторию непривычностью предмета повествования (недоступность природы Христа разуму Люцифера) и другими аспектами содержания. Говоря от лица Люцифера, автор рассказывает о мыслях и внутреннем состоянии своего персонажа, что не характерно для традиционной словесной культуры

Исландии: о состоянии и мыслях персонажей слушатель (читатель) древнеисландских текстов мог судить только на основании слов или действий персонажей.

Особенностью монолога Люцифера являются разноплановые характеристики Христа (выделенные полужирным шрифтом в монологе и в его русскоязычном переводе). Одни из них связаны с разными последствиями появления Христа для человечества и для Люцифера (Lil. 40. 5–8); другие являются следствием попытки Люцифера приблизиться к Христу и понять его (Lil. 41. 1–2; Lil. 42. 1–5). Характеристики Христа, подчеркивающие непонимание его природы Люцифером, соответствуют идее слепоты и вероломности Люцифера, развиваемой автором в предшествующих и последующих строфах.

Тема Люцифера и ее вполне традиционная трактовка были, по-видимому, заимствованы автором из варианта Библии Германа Валансьенского, зафиксированного рукописью *Paris, VnF, fr. 2162* (о Библии Германа и указанной рукописи см.: [Boulton, 2015, p. 81–141]). Однако в сохранившихся рукописях библейского парафраза Германа нет монолога Люцифера, что ставит вопрос об источниках монолога.

Ханс Шотман связывает монолог Люцифера из рассказа о чудесах Марии в «Саге о Марии» (и в «Лилии») с монологом Люцифера из тридцать седьмой проповеди Максима Туринского, епископа Турина, жившего в V в. [Schottmann, 1973, s. 201]. Непосредственным источником монолога Люцифера в «Лилии», по мнению исследователей, является монолог Люцифера в рассказе о чудесах Марии, три версии которого входят в состав «Саги о Марии»⁹ [Paasche, 1957; Schottmann 1973, s. 201; Chase, 2007, p. 609]. Основанием для этого служит следующая фраза из монолога Люцифера в первом варианте рассказа о чудесах Марии, зафиксированном в «Саге о Марии»: *Hverr er þessi maðr, er sva geck inn í heim þenna, at ek uissa eigi? Veit ek at hann er af konu fæddr ok upprunninn, enn þat er mer blint, hvern veg hann er getinn... Miok er þessi lutr undarligr ok*

---

⁹ «Сага о Марии», по-видимому, чуть старше «Лилии» по времени бытования в традиции. Три редакции саги: А (AM 234 fol), St (Holm perg 11 4to), E (Holm perg 1 4to) — датируются периодом с XIII до начала XIV в. [Fairise, 2014, p. 182]. Две версии рассказа о чудесах Марии, содержащих аналоги монолога Люцифера в «Лилии», можно найти в издании саги [Maríu saga, 1871, bls. 186–187, 479–480].

oheyðr fyrr í verolldu [Mariu saga, 1871, bls. 186]. 'Кто этот человек, пришедший в мир так, что я не знал об этом? Я знаю, что он рожден женщиной и происходит от нее, но я не понимаю, как он был зачат... это очень странно, и до сих пор никто в мире о таком не слышал.'

Отметим, что рассмотренная выше фраза, как и весь последующий монолог Люцифера в рассказе из «Саги о Марии», говорят скорее об удивлении Люцифера, и соответствующие характеристики Христа подчеркивают непостижимость тайны непорочного зачатия, что отличает тональность монолога в «Саге о Марии» от звучания его в «Лилии». Напомним, что основной идеей темы Люцифера в «Лилии» являются слепота и глупость Люцифера, и в этом контексте данные им характеристики Христа звучат несколько иначе.

Не отвергая связи монолога Люцифера в «Лилии» с «Сагой о Марии» ввиду их очевидного сходства, обратим внимание на другие средневековые сочинения, ассоциация которых с монологом Люцифера в сознании слушателей «Лилии» представляется вероятной ввиду их высокой популярности в период Высокого Средневековья и близости к основной идее строф Люцифера в «Лилии».

Размышления о природе Бога в форме внутреннего монолога было известно в период Высокого Средневековья прежде всего по монологам св. Августина. Ансельм Кентерберийский перенял у св. Августина технику внутреннего монолога [Sweeney, 2013, p. 2] и использовал ее в «Монологиуме» и «Прослогионе». В предисловии к «Монологиуму» Ансельм пишет *id est soliloquium*, поясняя таким образом название своего текста. Ансельм не просто перенял у Августина технику внутреннего монолога — в своих сочинениях он развивал идеи Августина, изложенные в трактате *De Trinitate* («О Троице») (в этой связи см.: [Anselmus Cantuariensis, 1947a, p. 8]).

В «Монологиуме» и «Прослогионе» рассуждениям Ансельма предшествует воображение. Ансельм создает в воображении образ персоны, от лица которой он говорит: это всегда человек-грешник, который не думает о божественной сущности, но пытается приблизиться к ней. Ставя себя в позицию неверующего грешника, Ансельм думает и чувствует так, как, по его мнению, должен был бы думать и чувствовать грешник.

В предисловии к «Монологиуму» Ансельм пишет: *Quæcumque autem ibi dixi, sub persona secum sola cogitatione disputantis et investigantis ea quæ prius non animadvertisset, prolata sunt: sicut sciebam, eos velle quorum petitioni obsequi intendebam* [Anselmus Cantuariensis, 1947a, p. 8]. 'Однако все, что я сказал по этому поводу, вложено в уста человека, который в **одиночестве** обдумывает и исследует вопросы, на которые он прежде не обращал внимания. И я знал, что этот метод соответствует потребностям тех, чью просьбу я стремился исполнить.'

Сходным образом в «Прослогионе» Ансельм, объясняя характер своего произведения, указывает, что оно написано «от лица (*sub persona*) человека, стремящегося возвыситься разумом до созерцания Бога и понять, во что он верит»: *Aestimans igitur quod me gaudebam invenisse, si scriptum esset, alicui legenti placiturum: de hoc ipso et de quibusdam aliis sub persona conantis erigere mentem suam ad contemplandum deum et quærentis intelligere quod credit, subditum scripsi opusculum* [Anselmus Cantuariensis, 1947b, p. 93–94]. 'Итак, полагая, что открытие того, что доставило мне такую радость, доставило бы удовольствие, будь оно записано, любому, кто мог бы его прочитать, я написал следующий короткий трактат, посвященный этому вопросу, а также несколькими другим, **от лица** человека, пытающегося возвыситься свой разум до созерцания Бога и стремящегося понять, во что он верит.'

После создания образа «персоны» Ансельм переходит к следующему этапу медитаций, который называется затруднением, или усложнением (греч. *aporia* 'затруднение'). Рассуждая от лица неверующего грешника, Ансельм опирается исключительно на разум, и разум приводит грешника Ансельма к апофатическим парадоксам, из которых тот не способен выйти. Осознание этих парадоксов является для Ансельма единственным способом привести слушателя (читателя) к ощущению существования Бога и к пониманию водораздела между природой божественного бытия и бытием материального мира. Ансельм разрешает выявленные парадоксы¹⁰, подчеркивая дистанцию между словом и вещью, человеческими представлениями и реальностью божественного бытия.

¹⁰ Парадоксальность божественного бытия для человеческого разума, подчеркнутая Ансельмом в «Монологионе» и «Прослогионе», перекликается с первой молитвой «Исповеди» св. Августина [Sweeney, 2013, p. 10].

Размышляя не только о божественном бытии как таковом, но и о природе этого бытия, Ансельм утверждает, что оно отлично от бытия других сущностей и попытка его описать сопряжена с многочисленными парадоксальными характеристиками. Парадоксальность атрибутов божественного бытия отчасти отражена в названиях глав «Монологиума»: «что Бог (букв. «высшая сущность») существует в любом месте и в любое время»; «что он не существует ни в каком месте и времени»; «что он существует повсюду всегда и не существует нигде и никогда». Ансельм сначала возражает против обоих утверждений, а затем утверждает, что оба они верны.

Точно так же в «Прослогионе» Ансельм рассматривает ряд атрибутов и пытается оценить возможность их применения к Богу. В каждом случае Ансельм начинает с представления о том, что Бог должен обладать этим качеством, потому что лучше иметь его, чем не иметь, но всегда находит некоторое противоречие в приписывании этого качества Богу.

Св. Ансельм смотрит на Христа глазами своих вообразимых грешников и говорит их голосом и от их лица, а автор «Лилии» смотрит на Христа глазами Люцифера, тоже грешника, который, подобно грешникам Ансельма, пытается приблизиться к Христу и понять его сущность, но не способен этого сделать, в чем и признается.

Как отмечалось, монолог Люцифера в «Лилии» содержит характеристики Христа, которые соответствуют первому взгляду на явление и говорят о непонимании этого явления, что напоминает апории и характер рассуждений Ансельма. Как и апории Ансельма, характеристики Христа в монологе Люцифера подчеркивают несовпадение представлений Люцифера о Христе с реальностью божественной природы Христа. Важно, что, размышляя о природе Христа, Люцифер, как и грешники Ансельма, опирается на свой разум, а не на веру; однако для понимания природы Христа необходима вера, которая «не смущается алогичным и иррациональным» [Горин, 2010, с. 184]. Именно к вере Ансельм стремился привести своих читателей, обнажая апофатические парадоксы человеческого разума.

Контекст сочинений Ансельма углубляет смысл монолога Люцифера, приводя его прочтение в соответствие с основной идеей всех других строф Люцифера (слепота и глупость Люцифера, не-

понимание божественного замысла по причине безверия и греховности). Актуализация содержания «Монологиума» и «Прологиона» в сознании более просвещенных слушателей «Лилии» (к примеру, в сознании монахов, слушавших «Лилию» как проповедь) представляется вероятной, даже если это не было интенцией автора.

Между тем автор «Лилии», по-видимому, учитывал сочинения св. Ансельма. Заключительная молитва к Марии в «Лилии» (Lil. 86–96) представляет собой отзвук третьей Великой молитвы к Марии Ансельма Кентерберийского, на что, помимо общей структуры молитвы, указывает фраза *einn er drottinn Máriu hreinni* (Lil. 95. 8) ‘только Бог чище Марии’; ср. у Ансельма: *Mira res, in quam sublimi contemplor MARIAM locatam! Nihil aequale MARIAE, nihil nisi deus maius MARIA* [Anselmus Cantuariensis, 1947c, p. 21]. ‘Вызывает удивление то, на какой высоте я вижу место Марии! Ничто не сравнится с Марией, **только Бог больше Марии**’ (Полужирный курсив мой. — Н. О.). Модификация приведенной выше фразы Ансельма в «Лилии» объясняется средневековой полемикой о чистоте и непорочности Марии.

С третьей молитвой Ансельма к Марии сопоставимы и строки Lil. 95. 5–7, содержание которых соответствует топосу невыразимости славы Марии, так же как и содержание предшествующих строф Lil. 92–94; ср. Lil. 95. 5–7. *Liflig orð í ljóðagjörðum / listuligrar móður Kristi / eingum tjóar að auka leingra* [Chase, 2007, p. 670]. ‘Пользы не будет, если добавить / к песни этой другие слова / о Матери щедрой, родившей Христа’ [Лилия, 2019, с. 240].

OSM: *Lingua mihi deficit, quia mens non sufficit. Domina, domina, omnia intima mea sollicita sunt, ut tantorum beneficiorum tibi gratias exsolvant, sed nec cogitare possunt dignas, et pudet proffere non dignas. Quid enim digne dicam matri creatoris et salvatoris mei, per cuius sanctitatem peccata mea purgantur?.. <...> Quid, inquam, digne referam genitrici dei et domini mei, per cuius foecunditatem captivus sum redemptus?..* [Anselmus Cantuariensis, 1947c, p. 19] ‘Мой язык подводит меня, потому что во мне недостаточно любви. О, Госпожа! Желая поблагодарить Вас за многое, я не могу придумать ничего достойного, чтобы сказать Вам, и мне стыдно предложить Вам что-то недостойное. Как я могу достойно говорить о Матери Создателя и Спасителя, чьей святостью очищены мои грехи?.. Что я могу до-

стойно сказать о Матери Господа и Бога моего, деторождением которой я освобожден из плена?..’

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Разрабатывая тему Люцифера, автор «Лилии» опирался на многие тексты, принадлежащие к различным традициям и направлениям европейской мысли, включая континентальную традицию народного богословия; вероятно, автор учитывал и содержание сочинений Ансельма Кентерберийского, принадлежащих к средневековой схоластике. Работая с поэтической формой, автор «Лилии» опирался преимущественно на национальные традиции Исландии.

Осознание формы как таковой является достижением скальдов [Смирницкая, 2005, с. 23]; отчуждение формы в поэзии скальдов способствовало ее универсализации, снятию тематических и ценностных ограничений на содержание поэзии [Смирницкая, 2005, с. 25]. Исландский библейский парафраз знаменует начало нового этапа в развитии исландской поэзии, связанного с изменением отношения к традиции, одним из следствий которого была утрата жесткости и регламентированности скальдической формы. Пере рождение скальдической формы, включая модификацию стиха¹¹, прослеживается в «Лилии», где многоплановая архитектоника драпы упрощена до минимума и сведена к композиции, не сопряженной с тем сложным взаимодействием форм стиха с формами языка и речи, которое характерно для скальдической поэзии. Упрощение архитектоники драпы до ее традиционной композиции позволило автору «Лилии» адаптировать содержание иноязычных текстов к национальной словесной культуре в соответствии с индивидуальным творческим замыслом, совместив семантический ореол драпы (соответствовавший идее битвы Бога Отца с Люцифером за спасение человечества) с несвойственными ей формами речи.

Сходство многих форм речи, представленных в «Лилии» и в «Старшей Эдде», не уравнивает эти два текста в коммуникативном плане. Коммуникативные свойства строф Люцифера и соответствующих форм речи определяются авторским характером повествования и задачами автора (разъяснение содержания Свя-

---

¹¹ Лильюлаг требует самостоятельного сочинения, его рассмотрение не входит в задачи данной статьи.

щенного Писания, дидактика и отвлечение слушателей от мирских забот). Структура строф в «Лилии» и дистрибуция форм речи соответствуют указанной прагматике текста.

Строфы «Лилии» отмечены полисемией, понимаемой как зависимость их интерпретации от контекста, с которым слушатель или читатель соотносил соответствующую строфу или последовательность строф; в данном случае речь идет об актуализации не только содержания того или иного текста в сознании слушателей, но и той или иной традиции или направления в развитии религиозной мысли. Примером полисемии в данной статье выступает монолог Люцифера, смысловые нюансы которого зависят от того, с какими христианскими сочинениями соотносили монолог автор и его аудитория.

Содержание строф Люцифера и поэтическая техника говорят об умении, уме и незаурядной образованности автора «Лилии». Между тем аудитория слушала «Лилию» не только потому, что автор владел информацией, но в основном потому, что его речь доставляла удовольствие, и это важнейшая функция поэтической речи. Помимо содержания популярных средневековых христианских текстов автор «Лилии» знал еще и секреты поэтического творчества и понимал, что такое хорошая речь; об этом говорят формы речи, их дистрибуция и диапазон их функций в «Лилии».

Адаптация традиции народного богословия к национальной словесной культуре Исландии свидетельствует об изменении социальных функций поэзии, и структура поэтической речи автора в строфах Люцифера отражает не только взаимодействие островных и континентальных традиций, но и сопутствующие глубинные сдвиги в отношении к слову, традиции и искусству поэзии.

СОКРАЩЕНИЯ

Háv. — Hávamál

Vsp. (K) — Völuspá í Konungsbók eddukvæða

Lil. — Lilja

OSM — Oratio ad sanctam Mariam pro impetrando eius et Christi amore

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Anselmus Cantuariensis. Monologion. *S. Anselmi Cantuariensis Archiepiscopi Opera Omnia*. Volumen Primum. Ad fidem codicum recensuit Franciscus Salesius Schmitt. Edinburgi: Thomas Nelson et filios, 1947a. P. 1–88.

- Anselmus Cantuariensis. Prologion. *S. Anselmi Cantuariensis Archiepiscopi Opera Omnia*. Volumen Primum. Ad fidem codicum recensuit Franciscus Salesius Schmitt. Edinburgi: Thomas Nelson et filios, 1947b. P.89–140.
- Anselmus Cantuariensis. Oratio ad sanctam Mariam pro impetrando eius et Christi amore. *S. Anselmi Cantuariensis Archiepiscopi Opera Omnia*. Volumen Tertium. Ad fidem codicum recensuit Franciscus Salesius Schmitt. Edinburgi: Thomas Nelson et filios, 1947c. P.18–25.
- Blumenfeld-Kosinski R., Warren N., Robertson D. Introduction. *The Vernacular Spirit. Essays on Medieval Religious Literature*. Eds R. Blumenfeld-Kosinski, N. Warren, D. Robertson. New York: Palgrave Macmillan, 2002. P.1–11.
- Bogaert P.M. Adaptations et versions de la Bible en prose (lange d'oïl), dans les genres littéraire dans les sources théologiques et philosophiques médiévales. Définition, critique et exploitation. *Actes du Colloque international de Louvain-la-Neuve (25–27 mai 1981)*. Louvain-la-Neuve: L'Institut des études médiévales, 1982. P.259–277.
- Boulton M. Herman de Valenciennes and the Invention of Pious Epic. *Moult a sans et vallour: Studies in Medieval French Literature in Honour of William W. Kibler*. Eds Monica L. Wright et al. Series: Faux Titre. Vol. 378. Amsterdam: Brill, 2012. P.49–65.
- Boulton M. *Sacred Fictions of Medieval France. Narrative Theology in the Lives of Christ and the Virgin, 1150–1500*. Cambridge: D. S. Brewer, 2015. 394 p.
- Chase M. Anonymous, Lilja. Skaldic Poetry of the Scandinavian Middle Ages. In 9 vols, vol. 7. *Poetry on Christian Subjects. In 2 pts, pt. 2. The Fourteenth Century*. Ed. Clunies Ross M. Brepols Publ., 2007. 1040 p.
- Fairise C. R. Relating Mary's life in Medieval Iceland: Mariu Saga. Similarities and differences with continental Lives of the Virgin. *Arkiv for nordisk folologi*, 2014, 129. P.165–196.
- Foote P. Latin Rhetoric and Icelandic Poetry: Some Contacts. *Saga och sed*, 1982. P.107–127.
- Gasparov M. L. Medieval Latin Poetics in the System of Medieval Grammar and Rhetoric. *Selected Works*. Vol. 1. On Poets. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 1997. P.590–660. (In Russian)
- Góðakvæði. *Eddukvæði in 2 vols*. Útg. J. Kristjánsson og V. Ólason. Vol. 1. Reykjavík: Hið íslenska fornrítáfélag, 2014. 469 bls.
- Gorin A. A. Ontological Argument by I. Kant and K. Barth. Elements of Typology. In 2 pts, pt. 2: *X Kantian Readings. Classical Mind and Challenges of Modern Civilization*. Materials of the International Conference. Ed. V. N. Bryushinkin. Kaliningrad: RGU I. Kanta Publ., 2010. P.175–189. (In Russian)
- Lily. Transl. from Icelandic by N. L. Ogurechnikova. *Christian Hymnography: History and Modernity*, ed. M. R. Nenarokova. Moscow: A. M. Gorky Institute of the World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2019. P.222–241. (In Russian)

- Lobrichon G. “Un nouveau genre pour un public novice: la paraphrase biblique dans l’espace roman du XIIe siècle.” *The Church and Vernacular Literature in Medieval France*. Ed. D. Kullman. Toronto: Pontifical Institute of Medieval Studies, 2009. P.77–95.
- Mariú saga: Legender om jomfru Maria og hendes jertegn. Utg. C. R. Unger. Vol. 1. Christiania: Trykt hos Brøgger & Christie, 1871. 624 bls.
- McGinn B. Introduction. *Meister Eckhart and the Beguine Mystics: Hadewijch of Brabant, Mechthild of Magdeburg, and Marguerite Porete*. Ed. McGinn B. New York: Continuum, 1994. P.4–14.
- Mitchell, S. Magic as Acquired Art and the Ethnographic Value of the Sagas. *Old Norse Myths, Literature and Society*. Ed. Margaret Clunies-Ross. The Viking Collection. Studies in Northern Civilization. Vol. 14. Viburg: University Press of Southern Denmark, 2003. P. 132–152.
- Paasche F. Norges og Islands litteratur indtil utgangen av middelalderen. Ed. Anne Holtmark. Oslo: Aschehoug, 1957. 549 bls.
- Powell M. Translating Scripture for *Ma Dame de Champagne*: The old French “Paraphrase” of Psalm 44 (ERUCTAVIT). *The Vernacular Spirit. Essays on Medieval Religious Literature*. Eds R. Blumenfeld-Kosinski, N. Warren, D. Robertson. New York: Palgrave Macmillan US, 2002. 324 p.
- Schottmann H. Die isländische Mariendichtung. Untersuchungen zur folkssprachigen Mariendichtung des Mittelalters. *Münchener germanistische Beiträge* 9. Munich: Fink, 1973. 588 s.
- See K. von. “Disticha Catonis” und “Hávamál”. *Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur*. Bd. 94 (Sonderheft). Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1972. S. 1–18.
- Smets J. R. Les traductions, adaptations et paraphrases de le Bible en vers. *Grundress der romanischen Literaturen des Mittelalters*. In 6 vols, vol. 1: La littérature didactique, allégorique et satirique. T. I. Partie historique. Eds H. R. Jaus, J. Beyer. Heildelberg: Winter, 1968. P.48–57.
- Smirnitskaia O. A. Temporal Attribution of the Edda Songs (to the definition of Eddic genres). *The word in the context of literary evolution. Genre problems*. Moscow: Moscow University Press, 1993. P. 55–74. (In Russian)
- Smirnitskaia O. A. Poetics and Linguistics of the Skalds. *Old Germanic Poetry. Canons and Interpretations*. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2005. P.17–47. (In Russian)
- Steblin-Kamensky M. I. Old Norse Literature. *Works on Philology*. St Petersburg: Faculty of Philology, St Petersburg University Press, 2003. P.293–418. (In Russian)
- Sweeney E. C. Anselmian Meditation: Imagination, Aporia, and Argument. *The Saint Anselm Journal* 9.1 (Fall 2013). Catholic University of America (CUA) Press, 2013. P. 1–14.
- Watson N. Censorship and Cultural Change in Late Medieval England: Vernacular Theology, the Oxford Translation Debate and Arandel’s Constitutions of 1409. *Speculum*, 70, 1995. P.822–864.

Ynglinga saga. *Íslensk fornrit, XXVI*. Reykjavík: Hið íslenska fornritafélag, 2002. Bls. 9–83.

Zumthor P. *La lettre et la voix. De la "littérature" médiévale*. Paris: Seuil, 1987. 347 p.

Статья поступила в редакцию 3 февраля 2022 г.;
рекомендована к печати 5 марта 2022 г.

Natalija Ogurechnikova

Moscow State Linguistic University

THEME OF LUCIFER AND FORMS OF SPEECH IN ICELANDIC BIBLICAL PARAPHRASE

For citation: Ogurechnikova N. L. Theme of Lucifer and forms of speech in Icelandic biblical paraphrase. *Scandinavian Philology*, 2022, vol. 20, issue 1, pp. 127–149. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2022.109> (In Russian)

The subject of the article is the theme of Lucifer in *Lilja*, a poetic Icelandic biblical paraphrase dating from the first half of the 14th century. When analyzing Lucifer stanzas, attention is paid to the forms of speech of the author, their communicative properties and distribution. Attention to the sources of the monologue is determined by specificity of its structure and by peculiarities of the internal monologue as a form of speech. One thesis is that the context of St. Anselm's speculative theology supports an interpretation of the monologue, which corresponds to the main idea of all Lucifer stanzas in *Lilja*. The article contains two sections, within the framework of which the following tasks are solved: In the first section, the forms of speech in Lucifer stanzas are compared with the forms of speech in the songs of the *Poetic Edda*; the purpose of the comparative analysis is to clarify relationship of Icelandic biblical paraphrase to the poetic traditions of Iceland. The second section of the article examines Lucifer's monologue and its sources; here the structure of the monologue is considered and its meaning is clarified in the context of Lucifer stanzas on the one hand and the works of St. Anselm on the other. Results of the analysis are summarized in the Conclusion. The main method of work is comparative textual analysis from the standpoint of historical poetics.

Keywords: Icelandic biblical paraphrase, drapa, composition, skaldic poetry, *Poetic Edda*, forms of speech, theme of Lucifer, Lucifer's monologue.

Наталья Львовна Огуречникова

доктор филологических наук, профессор,

Московский государственный лингвистический университет,

Российская Федерация, 119034, Москва, ул. Остоженка, 38

E-mail: ogurechnikowa@mail.ru

Natalija Ogurechnikova

Dr. Sci. in Philology, Professor,

Moscow State Linguistic University,

38, ul. Ostozhenka, Moscow, 119034, Russian Federation

E-mail: ogurechnikowa@mail.ru

Received: February 3, 2022

Accepted: March 5, 2022

КУЛЬТУРА И КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ

УДК 003.345

Игорь Бондарь

Независимый исследователь, Молдавия

РУНИЧЕСКАЯ НАДПИСЬ НОВОГО СКАНДИНАВСКОГО ЗООМОРФНОГО АМУЛЕТА РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ВРЕМЕНИ, ОБНАРУЖЕННОГО НА СРЕДНЕМ ДНЕСТРЕ В МОЛДАВИИ

Для цитирования: *Бондарь И. А.* Руническая надпись нового скандинавского зооморфного амулета раннесредневекового времени, обнаруженного на Среднем Днестре в Молдавии // Скандинавская филология. 2022. Т. 20. Вып. 1. С. 150–168. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2022.110>

Исследование посвящено расшифровке и интерпретации уникальной рунической надписи на новой зооморфной подвеске скандинавской ювелирной традиции, датированной X в. и происходящей из региона Среднего Днестра. Граффито, как и сам амулет, не находит прямых известных аналогий. В настоящем исследовании руническая надпись интерпретируется как защитное магическое заклинание, выполненное идеограмматическими рунами старшего и младшего футарков. Руническая надпись подобного характера с данной комбинацией графем до сих пор не была известна рунологии и встречается впервые. Надпись, выполненная скандинавскими рунами, является первым письменным свидетельством присутствия викингов в Днестровско-Прутском междуречье Молдавии и, соответственно, первым обнаружением рунической надписи в данном регионе. Методология исследования основана на сопоставлении рунической формулы надписи зооморфного амулета с известными частичными аналогиями рунических формул, нанесенных на различные предметы древнегерманской материальной культуры. Поскольку в надписи содержатся как архаичные руны старшего рунического ряда, так и руны младшего рунического ряда, в исследовании был применен подход отождествления смысловой нагрузки рун, используемых в качестве идеограмм со значением их собственных имен. В настоящей работе задействован ретроспективный метод в отношении интерпретации рун обоих футарков в качестве идеограмм в ряде известных рунических надписей амулетного и заклинательного характера, также

применен компаративный метод в контексте идеограмматического использования рун, аналогичных по начертанию рунам исследуемой надписи. Компаративный и ретроспективный методы применены и в поиске аналогий использования рун в значении собственных имен в смешанных надписях, выполненных комбинациями старших и младших рун. В исследовании широко задействован значительный объем научных работ по методологии прочтения и интерпретаций рунических надписей известных рунологов XX–XXI вв., использованы древнегерманские литературные источники, такие как старонорвежские, древнеисландские, англосаксонские рунические поэмы, древнеисландские песни о богах и героях Старшей Эдды. В работе использовались материалы письменных источников XI–XIII вв., посредством которых сравнивались и анализировались упоминания о «волшебных рунах» как части мифопоэтической концепции древнегерманских мифологических представлений, отображенных в литературных памятниках Древней Скандинавии. Археологический контекст исследования включает как комплексное описание самого уникального амулета, так и общий пласт наиболее значимых находок эпохи викингов и следов скандинавского культурного присутствия в славянском и древнерусском мире раннего Средневековья ареала Днестровско-Прутского междуречья современной Молдавии.

Ключевые слова: Средний Днестр, Алчедар, скандинавские руны, скандинавская ювелирная традиция, зооморфная подвеска, амулет, магическая надпись, граффито, рунические идеограммы, старший футарк, младший футарк, эпиграфика, введение в научный оборот.

1. ПРЕДИСЛОВИЕ

Предметы скандинавской материальной культуры все чаще обнаруживаются в Молдавии [Бондарь, 2021в, с. 158–159], находки совершаются в разных частях Днестровско-Прутского междуречья: как вблизи водных артерий — рек Днестр и Прут, так и в глубине центрального региона страны, в непосредственной близости от Кишинёва. В 2008 г. в составе клада, найденного у кольцевого городища «Алчедар» на Среднем Днестре, была обнаружена зооморфная¹ подвеска гнёздовского типа, выполненная из позолоченного серебра, декорированная в стиле Еллинге и относящаяся к типу АП по Дементьевой [Рябцева, Тельнов, 2010, с. 291]. В 2019 г. вблизи кольцевого городища «Алчедар» была обнаружена не имеющая прямых известных аналогов ромбовидная подвеска-амулет в зверином стиле² с рунической надписью, выполненная из позолоченной брон-

¹ Главным мотивом подвески является хватающий зверь, олицетворяющий мифологему о волке Фенрире, связанном волшебной нитью Глейпнир.

² Главным мотивом подвески является хватающий зверь — кошка Утгарда-Локи, связанная волшебной нитью Глейпнир, под которой скрывается великий змей Ёрмунганд [Бондарь, 2021б, с. 202].

зы, декорированная в стиле Борре [Бондарь, 2021б, с. 191]. В 2021 г. был введен в научный оборот зооморфный бронзовый наконечник ножен меча³, декорированный в стиле Борре, относящийся к типу П:1 по Паулсену [Tentiuc, Munteanu, 2021, р. 75–76]. Предмет обнаружен у села Мырзоая на Среднем Пруте [Munteanu et al., 2021, р. 221]. В 2017 г. у многослойного памятника близ села Рэзень, расположенного к югу от Кишинёва, была совершена редчайшая и уникальная находка парадного боевого орнаментированного топора-чекана «булгарского» типа, инкрустированного серебром по железу методом тауширования. Топор декорирован скандинавским орнаментом в стиле Рингерике, изображение которого интерпретируется как мировое дерево, «плывущее» на драккаре викингов⁴.

В последнее время поступают сообщения о выявлении вблизи раннесредневекового поселения у села Стежерень (Кырлань), расположенного северо-западнее Кишинёва, археологического материала древнерусского времени, среди которого встречаются находки, типологически близкие к предметам материальной культуры викингов. В этой связи уместным будет упомянуть о находке в 2016 г. стрелы-амулета, являющейся первым обнаружением раннесредневекового артефакта X–XI вв., в самом сердце исторического центра г. Кишинёва, вблизи подворья Армянской церкви⁵.

В 2017 г. автором была открыта и исследована культовая раннесредневековая стела древнерусского времени, расположенная на Среднем Днестре, близ села Рудь. В третьем сюжете поклонной каменной стелы изображен символ, интерпретированный как скандинавская руна R старшего футарка Y в значении идеограммы защиты [Бондарь, 2021а, с. 362, 372; Ленькова, Бондарь, 2021, с. 346–347]. Все вышеупомянутые находки датируются IX–XI вв.

Уникальная зооморфная ромбовидная подвеска-амулет, обнаруженная близ славянского кольцевого городища «Алчедар», является на данный момент единственным известным предметом скандинавской традиции с рунической надписью, выявленным на

---

³ Главным мотивом бутероли является хватающий зверь — змей (дракон) Ёрмунганд, связанный волшебной нитью Глейпнир.

⁴ Семантической интерпретации изображения топорика из Рэзень посвящена отдельная статья автора, на данный момент не опубликованная.

⁵ Раннесредневековой стреле-амулету из сердца исторического Кишинёва посвящена отдельная статья автора, на данный момент не опубликованная.

территории Молдавии. Надпись также уникальна, ее формула не имеет прямых известных аналогий, именно ей посвящается настоящая статья.

2. ВВЕДЕНИЕ

30 октября 2020 г. в контексте доклада на полях ежегодной научной конференции с международным участием «Исследование, документирование и освоение историко-культурного наследия» Национального музея истории Молдовы автором настоящей статьи впервые были представлены материалы, относящиеся к новой зооморфной подвеске скандинавской ювелирной традиции (рис. 1), происходящей из региона Среднего Днестра⁶ [Бондарь, 2021б, с. 190–213]. Положено начало введению в научный оборот не находящего прямых известных аналогий артефакта.

Предмет представляет собой уникальный образец скандинавского ювелирного мастерства X в. (рис. 1), отлит из бронзы, обнаруживаются остаточные следы позолоты (рис. 3).

На реверсе подвески с прорезью, найденной у кольцевого городища близ села Алчедар, имеется руническое граффито⁷, выполненное скандинавскими рунами (рис. 2). Граффито является собой очень интересный образец рунической эпиграфики (рис. 4). Руническая надпись располагается вдоль левой верхней грани ромба на реверсе (рис. 2–4), что соответствует ее расположению на тыльной стороне правого верхнего «бугорка» аверса медальона (рис. 1), и занимает услов-

Рис. 1. Лицевая сторона скандинавского зооморфного амулета X в. Фотография И. А. Бондаря

⁶ Предмет является случайной находкой и состоит в частном собрании.

⁷ В районе рунического граффито сохранились следы позолоты (рис. 3) [Бондарь, 2021б, с. 192].

ную область длиной 7 мм и шириной 3–4 мм. Руны не процарапаны, а аккуратно и точно нанесены ювелирным инструментом для гравировки (штихелем или гравером), о чем можно судить по характеру бороздок и их относительной глубине (рис. 3). Данное обстоятельство может указывать на то, что руническая надпись была изначально заказана ювелиру при изготовлении изделия⁸ и является неотъемлемым компонентом ювелирного произведения.

3. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РУНИЧЕСКОЙ НАДПИСИ НА АЛЧЕДАРСКОМ АМУЛТЕ

Граффито составляют две рунические комбинации, между которыми имеется промежуток в 1 мм свободного пространства (рис. 2–4). Первая комбинация сложена из двух графем, а вторая из четырех. Первая комбинация состоит из знака Υ , интерпретируемого как руна R (Algiz) старшего футарка, под которой находится знак ν , интерпретируемый как вариант руны k (Kauna) младшего футарка [Добровольский, Дубов, Кузьменко, 1977, с. 151], или же как вариант руны k (Kenaz) старшего футарка в форме галочки, в ее наиболее архаическом виде. Вполне возможно допустить и интерпретацию данного символа как перевернутой архаичной руны u (Υr), так как один из вариантов ее написания соответствует данной графеме [Добровольский, Дубов, Кузьменко, 1991, с. 48]. V-образный символ довольно часто обнаруживается в граффити на куфических монетах, происходящих из кладов, как на территории Руси, так и на территории Скандинавии, встречается как отдельно, так и в сочетании с другими рунами скандинавского рунического алфавита [Добровольский, Дубов, Кузьменко, 1991, с. 164–171]. Вторая руническая комбинация состоит из знака * и идентифицируется как руна h (Hagall) младшего футарка. Справа и слева к руне * примыкают два немного наклоненных знака l, интерпретируемых как руны i ($\text{Íss}/\text{Ísaz}$). Руна i известна в данном варианте начертания в обоих футарках. Эти три руны образуют лигатуру (i^*i). Четвертой графемой является приставленный снизу символ ν , полностью аналогичный по начертанию и характеру

⁸ Так или иначе, нельзя полностью исключать и то, что надпись могла быть нанесена ювелиром спустя какое-то время после изготовления амулета. Термины «руническое граффито» и «руническая надпись» в данном случае используются как синонимы.

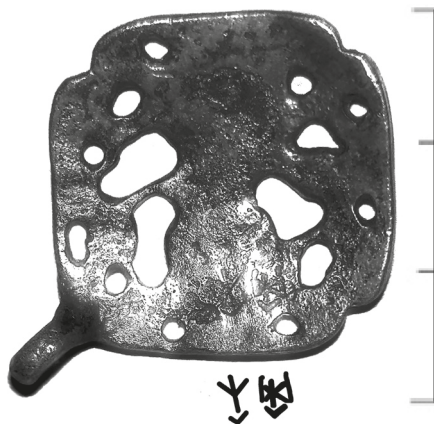

Рис. 2. Руническая надпись оборотной стороны скандинавского зооморфного амулета X в. Фотография И. А. Бондаря

расположения такому же символу в первой части надписи и интерпретируемый в том же ключе.

По всей видимости, мы имеем дело с комбинированными и в то же время символическими рунами (рис. 2), широко используемыми в Средневековье в качестве идеограмм в магических надписях и заклинаниях [Вебер, 2006, с. 23; Petrenko, Kuzmenko, 1979, s. 79]. Подобный подход в рунической палеографии к интерпретации символических и комбинированных рун был использован для расшифровки рунической надписи на медальоне из Сватерборга [Макаев, 2002, с. 59; Andersen, 1961]. Соединение рун в одно графическое целое наблюдается в ряде рунических граффити, что отчасти обусловлено небольшим размером рабочей поверхности, на которую наносились руны [Макаев, 2002, с. 59; Petrenko, Kuzmenko, 1979, s. 78–79]. В частности, это наглядно прослеживается на надписи из Братсберга [Haugen, Olsen, 1937, s. 63]. Знаки, идентифицируемые с древнегерманскими рунами, встречаются в значительном количестве на предметах ритуального назначения, быта, оружия и широко распространены на всем ареале бытования древнегерманской материальной культуры. Подобные символы следует понимать не как знаки, обозначающие звук, букву, элемент декора, а как священные и магические символы, высту-

пающие в роли идеограмм [Вебер, 2006, с. 23; Petrenko, Kuzmenko, 1979, s. 79; Петренко, Кузьменко, 1977, с. 152]. Рунические знаки в качестве магических символов наносились на домашние и дворовые клейма, на дома и амбары крестьян и ремесленников, на алтари и церкви и выполняли защитную функцию⁹ [Вебер, 2006, с. 137]. На территории северо-западной Руси известны магические надписи, выполненные младшими рунами: на деревянном стержне и металлической подвеске из Старой Ладogi и на костях животных из Новгорода [Петренко, Кузьменко, 1977, с. 152–158]. Исследователи М. Улсен и В. Краузе рассматривают руны некоторых рунических граффити в качестве символических [Olsen, 1917, s. 625; Krause, 1937, s. 61]. Так, например, Отто фон Фрисен обосновал интерпретацию руны Jāra в надписи на камне как обозначения собственного имени [Friesen, 1916, s. 48–49]. Руна d (Dagaz) в надписи на скале в Ингельстаде (Эстергётланд) «Ög 43» применена в качестве монограммы собственного имени Даг (древнеисландское название этой руны — Dagr, а англосаксонское — Dæg ‘день’)¹⁰ [Nordén, 1937, s. 152–154; Стеблин-Каменская, 2013, с. 255].

И. Г. Добровольский, И. В. Дубов и Ю. К. Кузьменко интерпретируют ряд знаков на куфических монетах как обозначающие солнце, богатство, урожайный год, язву, лед, нужду и т. д. В этом ключе авторы трактуют нанесение данных рун-идеограмм в значении собственных имен на монеты, как во время их обращения, так и во время зарывания кладов [Добровольский, Дубов, Кузьменко, 1991, с. 27]. Руна m¹¹ на камне из Спарлэсы [Добровольский, Дубов, Кузьменко, 1991, с. 47], на камне из Гёрлева [Jacobsen, Moltke, 1941–1942b, s. 292–294], на амулете из Бирки [Nordén, 1937, s. 165]; двойная руна m в надписи на амулете из Старой Ладogi [Petrenko, Kuzmenko, 1979, s. 79]; руна m в рунической надписи *mhs*, как и остальные руны в надписи на динаре VIII в., интерпретируется

---

⁹ Тенденция к рассмотрению древнегерманских рунических знаков в качестве идеограмм стала возникать в начале XX в., среди первых ученых, интерпретировавших их подобным образом, были М. Улсен, В. Краузе, О. фон Фрисен и т. д.

¹⁰ В англосаксонской рунической поэме название руны объясняется следующим образом: «День — божий посланник, Людям дорог, Господа свет; Надежда и радость богатым и бедным; И всем на пользу» [Dickins, 1915, p. 20–21].

¹¹ Старшерунический знак m считается идеограммой слова *maðr* ‘мужчина’ и интерпретируется по названию руны [Dickins 1915: 91].

Рис. 3. Обратная сторона амулета со следами позолоты и рунической надписью. Фотография И. А. Бондаря

в соответствии с названием данных рун [Добровольский, Дубов, Кузьменко, 1991, с. 46–47]. В «Старшей Эдде» валькирия Сигрдрива советует Сигурду дважды вырезать на рукояти меча руну *t* (*Týr*), символизирующую победу и названную в честь бога Тюра,¹² а на ногте — руну *n* (*Nauð*)¹³ в ее буквальном символическом значении — «нужда» [Olsen, 1916, s. 227–228; Старшая Эдда, 1963, с. 110].

Первая руна *Y* в граффито на подвеске из Алчедара (рис. 2; рис. 3) — старшеруническая *R* (*Algiz*), руна, интерпретируемая в настоящем исследовании в соответствии со своим древнегерманским именем *algie/algir* (ср. шв. *älg*, др.-англ. *ealgjan*) — «защита, заступничество» [Elliott, 1980, p. 51–53; Добровольский, Дубов, Кузьменко, 1991, с. 50]. Руна *R* интерпретируется как «руна защиты» в целом ряде надписей старшими и младшими рунами.

Три руны *R* на амулете из Линдхольма изображены рядом с магической защитной формулой *alu*; такая же аналогия встречается

¹² Руна *t* (*Týr*) в старшем и младшем футарках называется по имени древнегерманского бога чести и войны, именно в такой трактовке она предстает в старонорвежской и древнеисландской поэмах [Dickins, 1915, p. 26–27, 30–31; Старшая Эдда, 1963, с. 240].

¹³ Название руны *n* (*Nauð*) в старонорвежской, древнеисландской и англосаксонской поэмах буквально означает «нужда» [Dickins, 1915, p. 26–27, 30–31, 14–15; Старшая Эдда, 1963, с. 240].

и на рукоятке копья из Ньюдама V в. Бронзовая брошь из Скаберсье содержит 16 рун R¹⁴ младшего футарка¹⁵ [Jacobsen, Moltke, 1941–1942a, s. 318–319]. На амулетах из Роскилле и Сигтуны, вероятно, изображена комбинация старшерунической и младшерунической R, которая предстает в форме, близкой к букве Ж, в интерпретации двойной защиты [Nordén, 1943, s. 170–171]. Руническое граффито на амулете из Вальбю, *uipr afund R* ‘против дурного глаза — защита’, содержит руну R, которая трактуется в соответствии со своим названием — «защита» [Добровольский, Дубов, Кузьменко, 1991, с. 50]. Руна R нанесена на амулет из Хётстены XII в. как защитное заклинание против призраков [Svärdström, 1967, s. 20; Jungner, 1936, s. 302]. На монете, опубликованной И. Хаммарбергом и Г. Рисплингом¹⁶, руна R нанесена и на лицевую, и на обратную сторону, а три ее конца упираются в пробитые для подвешивания отверстия. На одной из сторон между линиями руны R нанесены две надписи младшими рунами *kup*¹⁷ что, по мнению Добровольского, Дубова и Кузьменко, несомненно, свидетельствует об амулетном, защитном характере этой руны на данной монете [Добровольский и др., 1991, с. 50], таким образом, значение следует трактовать как «под защитой бога».

Руна * в граффито на подвеске из Алчедара (рис. 2–4) — младшеруническая h (Hagall), ее название и идеограмматическое значение — «град»¹⁸. Сакральное назначение данной руны хорошо описывается на древке копья из Крагехуля: «Если на одной из поднятых со дна Везера костяных рукояток кинжала стоит слово “Хагаль”, то это, без сомнения, заколдованное оружие» [Вебер, 2006, с. 148]. В надписи на камне из Нурдгуглена: *ekgudijaungandiRih* —

¹⁴ В младшем футарке изображение руны R стало перевернутым.

¹⁵ Число 16 — магическое, отображает количество рун младшего футарка.

¹⁶ Помимо опубликованной монеты, исследователи обнаружили полторы сотни монет со старшерунической надписью *gud*, являющейся эквивалентом младшерунической *kup* [Hammarberg, Rispling, 1985].

¹⁷ Надпись *kup*, нанесенная старшими (*gud*) или младшими рунами (*kup*) и двумя вариантами их комбинаций (*kud* или *gup*), а также в сочетании *kup* и *gud*, означала бога, в большинстве случаев христианского. Известно большое количество амулетов и монет с подобной надписью [Добровольский и др., 1977, с. 148; Добровольский и др., 1991, с. 42, 104].

¹⁸ (*) «Град (др.-исл. *hagl*) — холодное зерно и дождь из мокрого снега и болзны змей». Именно такое название данной руны дается в исландской рунической поэме [Dickins, 1915, p. 30–31].

Вольфганг Краузе предложил прочтение двух последних рун как символических рун *Iss* ‘лед’ и *Hagala* ‘град’, в соответствии с их названиями [Krause, 1937, s. 76, 498]. На алчедарском медальоне две руны *i* (*Iss*) нанесены с двух сторон от руны *** (*Hagall*), составляют лигатуру *ihī* (*i*ī*) и являются периферическими по отношению к руне *h* (*Hagall*). Старшеруническая *h*, трактуемая как идеограмма, встречается и в граффити на монетах шведских кладов [Hammarberg, Rispling, 1985, s. 66]. Руну *h* Добровольский, Дубов и Кузьменко называют одной из «неблагоприятных» рун рунической магии викингов [Добровольский и др., 1991, с. 47].

Руна *i* (*Iss*)¹⁹ в надписи алчедарского амулета (рис. 2, 4), расположенная с двух сторон от руны *h*, по всей видимости, делает лигатуру *ihī* (*i*ī*) палиндромом. Палиндромы с применением руны *i* встречаются и в других скандинавских рунических граффити. Так, например, палиндром *isi* с периферическими рунами *i* встречается в рунической амулетной надписи на монете из собрания музея Эстонии [Добровольский и др., 1991, с. 45]. Палиндром *sis* с центральной руной *i* выполнен младшими рунами в надписи на камне Флемлёсе-2²⁰ [Jacobsen, Moltke, 1941–1942b, s. 228–229]. По мнению Добровольского, Дубова и Кузьменко, в обоих случаях, вероятнее всего, речь идет о магической формуле *is*, связанной со значением самой руны — «лед» [Добровольский, Дубов, Кузьменко, 1991, с. 45]. В частности, данная формула обнаруживается на двух монетах клада с острова Готланд [Hammarberg, Rispling, 1985, s. 70–71; Добровольский и др., 1991, с. 107]. Имеется она и на костяной рукоятке кинжала, обнаруженной в слоях IX в. в Старой Ладоге [Petrenko, Kuzmenko, 1979, s. 80–82].

Знак *v*, интерпретируемый в настоящем исследовании, с большой долей вероятности как вариант написания руны *k*, встречается в граффито алчедарского амулета дважды (рис. 2, 4) — в сочетании с руной *R* (Υ) и в сочетании с лигатурой рун *ihī* (*i*ī*).

---

¹⁹ (I) «Лед (др.-исл. *Íss*) — кора рек, и кровля волны, и разрушение обреченных». Именно такое название данной руны дается в исландской рунической поэме [Dickins, 1915, p. 30–31].

²⁰ Встречаются палиндромы, выполненные рунами как младшего, так и старшего рунического ряда, о чем, в частности, свидетельствует палиндром *sieis* на руническом камне «G 88» из Кюльвера, выполненный рунами старшего футарка [Marstrander, 1929, s. 67].

Рис. 4. Прорисовка оборотной стороны амулета и рунической надписи. Автор рисунка и фото И. А. Бондарь

Руна k^{21} из младшего рунического ряда имеет идеограмматическое значение «язва», в то время как k из старшего рунического ряда и англосаксонского рунического ряда означает «факел». ²² С точки зрения Добровольского, Дубова и Кузьменко, использование этой руны в магических целях, напрямую связанное с ее значением, встречается в надписи старшими рунами на камне из Эллестада VII–VIII вв. из города Сёдерчёпинг. Исследователи, со ссылкой на В. Краузе, считают, что в данной надписи применена магия сочетания двух «неблагоприятных» рун: i (4 раза) и k (6 раз), которые нанесены на камень под рунической надписью [Добровольский и др., 1991, с. 49]. Авторы не исключают, что такая же комбинация могла быть нанесена на монету IX–X вв. из Козьянки, где руна k изображена в сочетании с тремя рунами i [Добровольский и др., 1991, с. 49]. Как «неблагоприятную» руну k интерпретирует А. Норден в исследовании надписи на мече из Логторы [Nordén, 1937, s. 181].

²¹ (P) Язва — болезнь, смертельная для детей, болезненное место и обитель умерщвления. Древнеисландская руническая поэма [Dickins, 1915, p. 28–29].

²² (k) Факел — известен каждому живому человеку; у него бледное, яркое пламя; он всегда горит там, где сидят князья. Англосаксонская руническая поэма [Dickins, 1915, p. 14–15].

Стоит отметить, что подобное обозначение руны *k* — в форме галочки *v* — характерно для рун старшего рунического ряда.

С гораздо меньшей вероятностью можно интерпретировать знак *v* на алчедарском амулете как перевернутую архаичную руну *u*²³ старшего футарка *Λ*, встречающуюся в таком виде и в надписях времен младшего футарка [Jacobsen, Moltke, 1941–1942b, s. 771]. Ряд повторяющихся рун *u* встречается на амулете из Роскилле [Jacobsen, Moltke, 1941–1942b, s. 297; Petrenko, Kuzmenko, 1979, s. 79]. Три руны *u*, не относящиеся к надписи, присутствуют на медной пластине-амулете IX в. из Ульвсунды [Nordén, 1943, s. 146–154].

4. ВЫВОДЫ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, интерпретация смыслового значения амулетной надписи на среднеднестровском артефакте (рис. 4) представляется следующей: *Y* — руна *R* (*Algiz*) старшего футарка²⁴ в идеограмматическом значении «защита»; лигатура трех рун *ihi* (*i*hi*) в идеограмматическом значении «лед — град — лед», нанесенная в качестве палиндрома и магической формулы. Руна *Y* находится в тесном сочетании с расположенным ниже знаком *v*. Лигатура трех рун *i*hi* также находится в тесном сочетании с полностью аналогичным и по начертанию, и по расположению вторым знаком *v*²⁵. Идеограмматическое значение двух полностью аналогичных знаков *v* можно интерпретировать и как «язвенную болезнь», и как «факел», отождествляя их с руной *k*, или как «ливень», отождествляя их с руной *u*. Однако вне зависимости от любой ин-

---

²³ *U* — руна *Ug* младшего футарка и ее архаичный вариант старшего футарка *Λ*. Один из вариантов реконструкции ее названия: «Ливень» — плач облаков, и гибель сена, и мерзость пастыря. Древнеисландская руническая поэма [Dickins, 1915, p. 28–29].

²⁴ Схожее начертание имеется и у руны *m* младшего футарка, смысловое значение которой — «человек». Однако, учитывая амулетный характер надписи и имеющиеся многочисленные примеры использования во времена викингов руны *R* старшего футарка в магических надписях с идеограмматическим значением «защита», версия с руной *m* младшего футарка выпадает из контекста, не выдерживает критики и не видится состоятельной.

²⁵ Смыкается ли руна *Y* со знаком *v*, образуя лигатуру, убедительно сказать нельзя, однако второй аналогичный знак *v* не смыкается с лигатурой трех рун *i*hi*, в то же время первый знак *v* составляет не лигатурную комбинацию с руной *Y*, а второй знак *v* составляет не лигатурную комбинацию с лигатурой *i*hi*.

терпретации знака *v* смысловое значение надписи существенно не меняется, так как, по всей видимости, ее основная смысловая и магическая связка — это руна *Y* и лигатура *i*i*. Два сочетающихся с ними знака *v*, вероятно, служат для усиления сути магической заклинательной надписи, не влияя существенно на ее основной смысл. Знак *v* в идеограмматическом значении руны *u* позволяет трактовать надпись как «защита от ливней, града и обледенения». Знак *v* в идеограмматическом значении руны *k* старшего футарка, вероятно, дает смысловое прочтение надписи «защита теплом “магического факела” от обморожения при плохой погоде». Знак *v* в идеограмматическом значении руны *k* младшего футарка — «защита от язв и язвенной болезни, вызванной погодными явлениями»²⁶. Резюмируя все вышесказанное, надпись, вероятно, можно научно трактовать как «защита от обморожения», то есть она представляет собой магическое заклинание, оберегающее от крайне плохой погоды с очень низкими температурами.

Древние скандинавы славились своей погодной магией [Глазырина, 1996, с. 157] и способами нейтрализации нежелательных погодных явлений [Пузанов, 2016, с. 51, 56]. Связь магии в погодной стихии со сражениями и походами скандинавских воинов особенно ярко проявляется в их эпосе — «Песни валькирий» [Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о нибелунгах, 1975, с. 349–350].

В надписи на алчедарском амулете (рис. 4), содержатся руны обоих футарков, что характерно для целого ряда исследованных рунических надписей и граффити времен викингов [Petrenko, Kuzmenko, 1979, s. 79]. С одной стороны, младший футарк распространялся постепенно и ступенчато [Andersen, 1947, s. 203–227], о чем свидетельствуют памятники переходного периода [Макаев, 2002, с. 59], с другой стороны, идеограмматическое и сакральное значение рун старшего футарка в период викингов не было предано забвению [Добровольский и др., 1991, с. 38]. На дирхеме из Тимеревского клада IX в. процарапано граффито, в котором смешаны старшие и младшие руны в одной и той же надписи, такое же смешение рун обоих футарков известно и из шведских кладов [Добровольский и др., 1991, с. 38, 42, 44, 47, 105; Hammarberg, Rispling, 1985, s. 66].

---

²⁶ Данная интерпретация в настоящем исследовании видится наиболее обоснованной.

Большинство этих монет служили амулетами [Добровольский и др., 1991, с. 38]. Руническое граффито на амулете из Старой Ладogi также выполнено рунами младшего и старшего футарков [Petrenko, Kuzmenko, 1979, s. 79], что обуславливает сложность транслитерации надписи [Стеблин-Каменская, 2013, с. 251].

Защитная функция²⁷ магической надписи алчедарского амулета заключалась в том, чтобы оберегать владельца этого выдающегося ювелирного изделия от всяких бед, вызванных холодом и непогодой. Таким образом, уникальная вещь служила своему хозяину личным оберегом [Бондарь, 2021б, с. 205].

ЛИТЕРАТУРА

- Беовульф. *Старшая Эдда. Песнь о нибелунгах*. М.: Художественная литература, 1975. 752 с.
- Бондарь И. А. Интерпретация сакральных символов и сюжетов на раннесредневековом поклонном камне близ села Рудь. *Tyragetia, serie nouă*. 2021a. Vol. XV [XXX]. Nr. 1. С. 361–385.
- Бондарь И. А. Новый скандинавский амулет в зверином стиле и рунической надписью в контексте древнегерманской мифологической системы мира. *Скандинавская филология*. 2021б. Т. 19. Вып. 1. С. 190–213.
- Бондарь И. А. Скандинавские подвески «гнездовского» типа на Среднем Днестре. *Конференция Славяне и их соседи в I тысячелетии н.э.* Нови-Сад, Сербия, октябрь 2021в. Тезисы докладов. С. 158–159.
- Вебер Э. *Руническое искусство*. СПб.: Евразия, 2006. 160 с.
- Глазырина Г. В. *Исландские викингские саги о Северной Руси: Тексты, перевод, комментарий*. М.: ИРИ РАН; Ладомир, 1996. 235 с.
- Добровольский И. Г., Дубов И. В., Кузьменко Ю. К. *Граффити на восточных монетах: Древняя Русь и сопредельные страны*. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. 192 с.
- Добровольский И. Г., Дубов И. В., Кузьменко Ю. К. Рунические граффити на восточных монетах. В кн.: Мельникова Е. А. *Скандинавские рунические надписи: Тексты, перевод, комментарий*. М.: Наука, 1977. С. 142–152.
- Ленькова Е. Н., Бондарь И. А. К вопросу о влиянии кочевых племен степи на происхождение ряда символов раннесредневекового поклонного камня близ села Рудь. *Археология Евразийских степей*. 2021. № 5. С. 343–357.

---

²⁷ Придание волшебных и защитных функций с помощью заклинательных рун было довольно распространенным магическим действием и подробно описано в древнескандинавских сагах. Например, придание магических и охранных свойств мечу с помощью семантики знаков, рун хорошо прослеживается в Старшей Эдде, в Речах Сигривы [Старшая Эдда, 1963, с. 110, 164].

- Макаев Э.А. *Язык древнейших рунических надписей (лингвистически и историко-филологический анализ)*. М.: Едиториал УРСС, 2002. 158 с.
- Петренко В. П., Кузьменко Ю. К. Младшерунические надписи. В кн.: Мельникова Е. А. *Скандинавские рунические надписи: Тексты, перевод, комментарий*. М.: Наука, 1977. С. 152–169.
- Пузанов Д. В. Метеорологическая магия финно-угорских народов северной и восточной Европы глазами их соседей (По материалам письменных источников XI–XIII веков). *Вестник Удмуртского университета. Сер. «История и филология»*. 2016. Т. 26. Вып. 4. С. 49–58.
- Рябцева С. С., Тельнов Н. П. Алчедарский клад и центры ювелирного производства Восточной Европы конца IX — начала XI вв. *Stratum plus*. 2010. № 5. С. 285–300.
- Старшая Эдда. Древнеисландские песни о богах и героях*. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1963. 264 с.
- Стеблин-Каменская С. И. Некоторые методологические проблемы чтения и толкования рунической надписи Староладожского амулета. В кн.: Васильев Б. Г. (сост.). *Староладожский сборник. Вып. 10. Староладож. историко-архитектур. и археол. музей-заповедник: материалы международной научно-практической конференции «Старая Ладога в истории и культуре Евразийского мира — 2012»*. СПб.: Каламос, 2013. С. 247–266.
- Andersen H. Det yngre Runealfabets Oprindelse. *Arkiv för Nordisk Filologi*, Bd 62, 1947. S. 203–227.
- Andersen H. Svarteborg-medaljonens indskrift. *Arkiv för Nordisk Filologi*, Bd. 76, 1961. S. 51–60.
- Dickins B. *Runic and heroic poems of the old Teutonic peoples*. Cambridge: Cambridge University Press, 1915. 106 p.
- Elliott R. W. V. *Runes: an introduction*. Manchester: Manchester University Press ND, 1980. 128 p.
- Friesen O. von. Lister-och Listerby-stenarna i Blekinge. *Uppsala Universitets Årsskrift*, Bd 2. Uppsala: Akademiska boktryckeriet, E. Berling, 1916. 67 s.
- Hammarberg I., Rispling G. Graffiter på vikingatida mynt. (Festskrift om mønter til Brita Malmer). *Hikuin*. 1985. No. 11. S. 63–78.
- Hougen B., Olsen M. Runespennen fra Bratsberg i Gjerpen. *Viking, tidsskrift for norrøn arkeologi*. Bd. I, 1937. S. 53–73.
- Jacobsen L., Moltke E. *Danmarks runeindskrifter*. Bd. I. København: Munksgaard, 1941–1942a. 169 s.
- Jacobsen L., Moltke E. *Danmarks runeindskrifter*. Bd. II. København: Munksgaard, 1941–1942b. 152 s.
- Jungner H. Högstenagaldern, en västgötisk runbesvärjelse mot gengångare. *Fornvännen*. Bd. 33, 1936. S. 278–304.
- Krause W. *Runeninschriften im älteren Futhark*. Halle (Saale): Max Niemeuer Verlag, 1937. 231 s.

- Marstrand C. De gotiske runemindesmerker. *Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap*. 1929. No. 3. S. 25–157.
- Munteanu O., Iarmulski V., Batog N. Iron socketed axe: a new type of tool in the Prut-Dniester area. *Economy and Environment in the Tisza-Dniester region in the Iron Age*. 2021. P. 209–242.
- Nordén A. Magiska runinskrifter. *Arkiv för nordisk filotogi*, Bd. 53, 1937. S. 147–189.
- Nordén A. Bidrag till svensk runforskning. *Vitterhets Historie och Antikvitets Akademiens handlingar*. 1943. No. 55. S. 143–224.
- Olsen M. *Norges Indskrifter med de ældre Runer, udgivne for det Norske historiske Kildes-Kruffond*. Bd II. Kristiania: A. W. Brøggers, 1917. 747 s.
- Olsen M. Om trolldruner. *Edda: nordisk tidsskrift for litteraturforskning*. Vol. 1–2, Nr. 5. Kristiania: I Kommission Hos H. Aschehoug & Co (W. Nygaard), 1916. S. 225–245.
- Petrenko V. P., Kuzmenko J. K. Nya fynd med runor från Gamla Ladoga. *Viking, tidsskrift for norrøn arkeologi*. Bd. XLII, 1979. S. 78–84.
- Svärdström E. Högstenableckets rungalder. *Fornvännen*. Bd. 62, 1967. S. 12–21.
- Tentiuc I., Munteanu O. Despre o buterolă din secolul al X-lea, descoperită la Mârzoaia, r-nul Nisporeni, Republica Moldova. In: *Muzeul Național de Istorie a Moldovei. Istorie — Arheologie — Muzeologie*. Ediția 31, 28–29 octombrie 2021, Chisinau. Chișinău: Bons Offices SRL, 2021. P. 75–76.

Статья поступила в редакцию 5 сентября 2021 г.;
рекомендована к печати 23 марта 2022 г.

Igor Bondar

Independent Researcher, Republic of Moldova

THE RUNIC INSCRIPTION OF THE NEW ZOOMORPHIC AMULET OF SCANDINAVIAN JEWELRY TRADITIONS OF THE EARLY MIDDLE AGES, ORIGINATING FROM THE MIDDLE DNIESTER OF REPUBLIC OF MOLDOVA

For citation: Bondar I. A. The runic inscription of the new zoomorphic amulet of Scandinavian jewelry traditions of the early Middle Ages, originating from the Middle Dniester of Republic of Moldova. *Scandinavian Philology*, 2022, vol. 20, issue 1, pp. 150–168. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2022.110> (In Russian)

The present study focuses on the decipherment and interpretation of the unique runic inscription carved on the zoomorphic pendant of Scandinavian jewelry traditions. The new Scandinavian zoomorphic pendant of 10th century, originating from the region of Middle Dniester, Republic of Moldova. The graffito and amulet have no direct analogies. In the research paper the runic inscription is interpreted as the protection magical spell. The runic inscription is based on the ideographic runes of the Elder and the Younger Futhark. The runic inscription of a similar nature with this combination of graphemes has not yet been known in runology, and is first encountered. The inscription made in Scandinavian runes is the first discovery of a runic inscription in Republic

of Moldova and the same time is the first written evidence of the presence of the Vikings in the Dniester-Prut Region. The research methodology is based on a comparison of the runic formula of the zoomorphic amulet inscription with the known analogies of the runic formulas inscribed on various artifacts of ancient German material culture. As much as the inscription contains archaic runes of the Elder Futhark and runes of the Younger Futhark, the study used the approach of identifying the semantic load of the runes used as ideograms with the meaning of their own names. In the present research paper, the retrospective method is used in the most famous examples of Scandinavian runes of the Elder and Younger Futhark as ideograms in the described runic inscriptions of the amulet and incantation character. The comparative method is also applied between compare runes as ideograms of the present inscription and the same runes as ideograms in the other cases of use in the similar or analogical context. Comparative and retrospective methods are also applied in the search for analogies of the use of runes in the meaning of own names in mixed inscriptions made by means of a combinations of older and younger runes. The study widely involved a significant amount of scientific work in the field of methodology of reading and interpreting runic inscriptions of famous runologists of 20th and 21st centuries. In scientific work were used ancient German literary sources, such as: Old Norse, Old Icelandic and Anglo-Saxon runic poems, Old Icelandic sagas about the gods and heroes of the *Elder Edda* and materials from written sources of the 11th–13th centuries were examined in detail and compared in the context of “magic runes” and mythopoeic concepts in mythological considerations. The archaeological context of this research includes both a comprehensive description of the most unique amulet, and the general layer of the most significant finds of the Viking Age and traces of the Scandinavian cultural presence in the Slavic and Old Russian world of the early Middle Ages in the area of the Dniester-Prut interfluvium of present-day territory of Moldova.

Keywords: The Middle Dniester, Alcedar, Scandinavian jewelry traditions, zoomorphic pendant, amulet, magic inscription, graffito, ideographic runes, the Elder Futhark, the Younger Futhark, epigraphy, introduction into scientific circulation.

REFERENCES

- Andersen H. Det yngre Runealfabets Oprindelse. *Arkiv för Nordisk Filologi*, Bd 62, 1947. S. 203–227.
- Andersen H. Svarteborg-medaljonens indskrift. *Arkiv för Nordisk Filologi*, Bd. 76, 1961. S. 51–60.
- Beowulf. Elder Edda. Song of the Nibelungs*. Moscow: Khudozhestvennaia Literatura Publ., 1975. 752 p. (In Russian)
- Bondar I. A. “Gnezdovo-type” Scandinavian pendants from the Middle Dniester region. Conference *Slavs and their neighbors in the 1st millennium AD*. Novi Sad, Serbia, October 2021c. Thesis abstracts. P. 158–159. (In Russian)
- Bondar I. A. Interpretation of sacral symbols and scenes depicted on the early medieval worship stone near the village of Rudi. *Tyragetia*, serie nouă, 2021a, vol. XV [XXX], nr. 1. P. 361–385. (In Russian)
- Bondar I. A. The new Scandinavian zoomorphic amulet with runic inscription, through the lense of ancient Germanic mythological system of the world. *Scandinavian Philology*, 19 (1), 2021b. P. 190–213. (In Russian)

- Dickins B. *Runic and heroic poems of the old Teutonic peoples*. Cambridge: Cambridge University Press, 1915. 106 p.
- Dobrovolsky I. G., Dubov I. V., Kuzmenko Y. K. *Graffiti on Oriental coins: Ancient Russia and neighboring countries*. Leningrad: Leningrad University Press, 1991. 192 p. (In Russian)
- Dobrovolsky I. G., Dubov I. V., Kuzmenko Y. K. Graffiti on Oriental coins. In: Melnikova E. A. *Scandinavian runic inscriptions*. Moscow: Nauka Publ., 1977. P. 142–152. (In Russian)
- Elliott R. W. V. *Runes: an introduction*. Manchester: Manchester University Press ND, 1980. 128 s.
- Friesen O. von. Lister-och Listerby-stenarna i Blekinge. *Uppsala Universitets Årsskrift*, Bd 2. Uppsala: Akademiska boktryckeriet, E. Berling, 1916. 67 s.
- Glazyrina G. V. *Icelandic Viking sagas about Northern Russia: Texts, translation, commentary*. Moscow: IRH RAS Publ., Lodomir Publ., 1996. 235 p. (In Russian)
- Hammarberg I., Rispling G. Graffiter på vikingatida mynt. (Festskrift om mønter til Brita Malmer). *Hikuin*, 11, 1985. S. 63–78.
- Hougen B., Olsen M. Runespennen fra Bratsberg i Gjerpen. *Viking, tidsskrift for norrøn arkeologi*, Bd. I, 1937. S. 53–73.
- Jacobsen L., Moltke E. *Danmarks runeindskrifter*. Bd. I. København: Munksgaard, 1941–1942a. 169 s.
- Jacobsen L., Moltke E. *Danmarks runeindskrifter*. Bd. II. København: Munksgaard, 1941–1942b. 152 s.
- Jungner H. Högstenagaldern, en västgötisk runbesvärjelse mot gengångare. *Fornvännen*, Bd. 33, 1936. S. 278–304.
- Krause W. *Runeninschriften im älteren Futhark*. Halle (Saale): Max Niemeuer Verlag, 1937. 231 s.
- Lenkova E. N., Bondar I. A. The issue of the influence of steppe nomadic tribes on the origin of several symbols on the early medieval worship stone near Rudi village. *Arkheologiia Yevraziiskikh stepei*, 5, 2021. P. 343–357. (In Russian)
- Makaev E. A. The language of the oldest runic inscriptions (linguistic and historical-philological analysis). Moscow: Editorial URSS Publ., 2002. 158 p. (In Russian)
- Marstrand C. De gotiske runemindesmerker. *Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap*, 3, 1929. S. 25–157.
- Munteanu O., Iarmulschi V., Batog N. Iron socketed axe: a new type of tool in the Prut-Dniester area. *Economy and Environment in the Tisza-Dniester region in the Iron Age*, 2021. P. 209–242.
- Nordén A. Bidrag till svensk runforskning. *Vitterhets Historie och Antikvitets Akademiens handlingar*, 55, 1943. S. 143–224.
- Nordén A. Magiska runinskrifter. *Arkiv för nordisk filologi*, Bd. 53, 1937. S. 147–189.
- Olsen M. *Norges Indskrifter med de ældre Runer, udgivne for det Norske historiske Kildes-Krifthond*. Bd II. Kristiania: A. W. Brøggers. 1917. 747 s.

- Olsen M. *Om trolldrøner*. In: Edda (trykt utg.): nordisk tidsskrift for litteraturforskning. Vol. 1–2, nr. 5. Kristiania: I Kommission Hos H. Aschehoug & Co (W.Nygaard), 1916. S.225–245.
- Petrenko V.P., Kuzmenko J.K. Nya fynd med runor från Gamla Ladoga. *Viking, tidsskrift for norrøn arkeologi*, Bd. XLII, 1979. S.78–84.
- Petrenko V.P., Kuzmenko Y.K. Younger runic inscription. In: Melnikova E.A. *Scandinavian runic inscriptions*. Moscow: Nauka Publ., 1977. P.152–169. (In Russian)
- Puzanov D.V. The meteoric magic of Finno-Ugric peoples in Northern and Eastern Europe by the views of their neighbors (Based on written sources of the 11th–13th centuries. *Vestnik Udmurtskogo Universiteta*, 26 (4), 2016. P.49–58. (In Russian)
- Ryabtseva S.S., Telnov N.P. A Hoard from Alcedar and Centers of Jewellery Industry in Eastern Europe in late 9th — early 11th Centuries. *Stratum plus*, 5, 2010. P.285–300. (In Russian)
- Steblin-Kamenskaya S.I. Some methodological problems with readings and interpretations of the runic inscription on the Old Ladoga pendant. In: Vasiliev B.G. (comp.). *Staroladozhskiy sbornik. Vyp. 10. Staroladozh. istoriko-arkhitektura. i arkheol. muzei-zapovednik*: materials of the international scientific-practical conference “Staraya Ladoga in the history and culture of the Eurasian world — 2012”, St Petersburg: Kalamos, 2013. P.247–266. (In Russian)
- Svårdström E. Högstenableckets rungalder. *Fornvännen*, Bd. 62, 1967. S.12–21.
- Tentiuc I., Munteanu O. Despre o buterolă din secolul al X-lea, descoperită la Mârzoaia, r-nul Nisporeni, Republica Moldova. In: *Muzeul Național de Istorie a Moldovei. Istorie — Arheologie — Muzeologie*. Ediția 31, 28–29 octombrie 2021, Chisinau. Chișinău: Bons Offices SRL, 2021. P.75–76.
- The Elder Edda. Old Icelandic songs about gods and heroes*. Eds O. A. Smirnitskaia, M. I. Steblin-Kamenskii. Moscow: Nauka Publ., 1963. 264 p. (In Russian)
- Weber E. *Runic Art*. St Petersburg: Evraziia Publ., 2006. 160 p. (In Russian)

Бондарь Игорь Александрович

магистр исторических наук, магистр экономических наук,
независимый исследователь,
Молдавия, MD-2075, Кишинёв, ул. Николае Милеску Спэтару, 13
E-mail: igorrr8829@gmail.com

Igor Bondar

Master in History, Master in Economics,
Independent researcher,
13, Strada Nicolae Milescu Spătaru, Kishinev, MD-2075, Republic of Moldova
E-mail: igorrr8829@gmail.com

Received: September 5, 2021

Accepted: March 23, 2022

UDC 801.8+910.4+94

Thomas Frank

University of Aarhus, Denmark

UNIQUELY PRESERVED SLAVIC NAUTICAL TECHNOLOGY BEHIND RELIGIOUS EXCHANGE AND TRANSITION IN OLD RUS AND SCANDINAVIA

For citation: Frank T. Uniquely preserved Slavic nautical technology behind religious exchange and transition in Old Rus and Scandinavia. *Scandinavian Philology*, 2022, vol. 20, issue 1, pp. 169–209.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2022.111>

In order to understand how world religions such as Christianity spread, we need to investigate routes of religious exchange. This paper examines Scandinavian exposure to Christianity in the Viking Age from a maritime and theological perspective. It does so by combining literary, graphic, and material evidence with a field study of ancient boatbuilding, which is uniquely preserved in Russia. It investigates how Scandinavians in large numbers reached the Christian metropolis Constantinople by adapting their boatbuilding skills to Slavic nautical technology. An analysis of *De Administrando Imperio* proves that Scandinavians used and outfitted the Slavic expanded *logboat* in the text named *σκαφίδιον* (“skafidion”) along *Put’ iz varjag v Greki* from the Novgorod Region. It argues that this particular Slavic technology was the precondition for naval expeditions to Constantinople, and it offers a new explanation as to why Slavs over time used the term Rus as a signifier to identify themselves. The paper shows that this is cooperated and elaborated by the field study of the Russian expanded *logboat* ‘ботник’ (*botnik*). The paper argues that this study substantiates the claim in *The Russian Primary Chronicle* also known as *Povest’ vremennykh let*, that several thousand Scandinavians and Slavs reached Constantinople during their naval expeditions in year 860, 907, and 941, and the information that some of them were baptized in Constantinople, during these years. It is argued that the first major conversion of the Scandinavian elite took place abroad. Because of *ботник*, Scandinavians together with Slavs were exposed to the idea and reality of a Christian empire long before their kings and grand prince took on and adopted Christianity.

Keywords: *De Administrando Imperio*, *Povest’ vremennykh let*, Viking Age vessels, Rus, Varangian, *botnik*, religious transition, Christianity, boat graves, Staraja Ladoga, Constantinople, King Harald Bluetooth, Grand Prince Vladimir, Scandinavia, Viking Age, *Put’ iz varjag v Greki*, *monoxylos*, *skeið*.

“And you [Vladimir] and your grandmother Olga transported the Cross from the New Jerusalem — from the city of Constantine — and established it throughout all your land, and so you affirmed and confirmed the faith”.

[Ilarion's Sermon on Law and Grace, 1991, p. 23]

1. INTRODUCTION

During the Viking Age (c. 800–1050), Scandinavian kings adopted Christianity. Denmark was the first place this happened, c. 965, during the rule of Harald Bluetooth (936–985). Since the early Middle Ages, Christianity had spread north through central Europe, and in the 8th century, it was an element in the expansion of Charlemagne's Empire as far as the fortified border to Denmark at Danevirke. Two centuries later Otto I (912–973) had the same strategy and, supposedly, Harald gave in to his pressure [Fabricius, 1934; Koch, 1950; Koch, 1967; Sawyer, 1988; Lausten, 1989; Nyberg, 2002; McGuire, 2009]. However, already in the 8th century, Scandinavians encountered Christianity on their naval expeditions far from their homeland, and some adopted Christianity on these journeys.

Naval activities abroad defined the Scandinavian period of religious transition. For elite Viking Age society, these activities were an integral part of their identity and belief system. By virtue of their seamanship, the sea surrounding their lands became the route to faraway places and riches. Their ships were the vessels that allowed them to travel far beyond the horizon and even from this life to the next as seen in the many boat graves [Franklin, Shepard, 1996, p. 127] and several Scandinavian monumental burials [Hvass, 2011, p. 32]. Therefore, to understand why Scandinavian rulers ended up adopting Christianity, we must challenge the predominant idea of Christianisation as the result of mission together with foreign political pressure. We must consider it as influenced by religious import by sea. More exactly, we must examine and explore the influence of exposure to Christianity abroad. Part of this question is how Scandinavians managed to reach the Christian metropolis Constantinople in the Orient or Austrhálfa¹ by sea and in which numbers.

---

¹ We know the word Austrhálfa from Old Nordic sources. It is a geographical term and somewhat similar to the word Orient. According to [Jackson, 2019], Austrhálfa

Their journeys east via the Baltic Sea to Constantinople are of special interest. In *The Russian Primary Chronicle* here referred to as *Povest' vremennykh let* (PVL) from the 12th century, *De Administrando Imperio* (DAI) and *De Cerimoniis Aulae Byzantinae* (DCB) from the 10th century, there are indications that members of the Scandinavian elite, together with the Old Rus² elite, were baptized there before 965 and served at the Byzantine court. Furthermore, the influence of the exposure to Christianity on these eastern travels is rarely taken into consideration and examined [Frank, 2018; Frank, 2020].

This paper investigates literary, graphic, and material evidence that Scandinavians during the Viking Age reached the Eastern Roman Empire in large numbers by applying their boat building skills to Slavic nautical technology³. Analysis of DAI provides evidence that it was the Slavic produced expanded logboat (ELB) in DAI *σκαφίδιον* (“skafidion”) that was the basis of their boats. They outfitted these ELBs en route for rowing on rivers and sailing on the sea, as mentioned in DAI. Thus, the ELB was the precondition for the nautical expeditions to Constantinople. This evidence is supported by a field study in 2021 of a Russian ELB, today built by local Russians and called *ботник* (“botnik”). Uniquely, the building of this ELB has been handed down through the generations in Russia⁴. The paper argues that the field study of this Russian ELB on the one hand corroborates the literary sources, illustrations, material finds and the analysis of DAI, and on the other hand, it gives new insights. It elaborates the knowledge provided by the analysis that the exchange of nautical technology influenced the religious exchange and transition.

First, the paper discusses Viking Age travel to the east. Then, it investigates literary sources, medieval illustrations, and material finds refer-

---

includes Byzantium i. e. also Constantinople. The word consists of the Old Nordic word for the East *Austr* and *hálf* meaning half or part.

² Old Rus is here used as a geographical term for an area within Eastern Europe, more precisely part of present-day western Russia, Belarus, and Ukraine. In Old Nordic sources, this area is also named Gardaríke [Jackson, 2019, p.65].

³ It is a technology which Scandinavians found in the Middle Ages among the Slavic peoples and tribes of Old Rus. This technology is however known beyond Old Rus and the areas of the Slavic tribes [Crumlin-Pedersen, 1978; Harri, 2010]. The general question of the origin of this technology is not within the scope of this article.

⁴ Experimental archaeology of Viking Age vessels normally has to rely on reconstructions [Crumlin-Pedersen, Jensen, 2018]. In this case and without precedence, the vessel and the craft behind it can be studied as a living boatbuilding tradition.

ring to the boat types used by Scandinavians. Following that, it analyses DAI. Then, it presents the results of the field study. Thereafter, the paper outlines new insights regarding the religious transition in Scandinavia and Old Rus, and the exchange between Scandinavians and Slavs during the Viking Age.

2. VIKING AGE TRAVEL FROM SCANDINAVIA TO AUSTRHÁLFA

Since the early Viking Age, Scandinavians journeying by sea to the east appear in the sources under the name Rus⁵, by which they also identified themselves as early as 839 according to *The Annals of St. Bertin*⁶. It has been proposed that the word Rus originally was related to the Old Nordic word *róþsmenn*, which means “men that rows.” However, Rus both signified a social role (identity) and ethnicity [Franklin, Shepard, 1996, p. 29], and the term Rus was not for long purely referring to Scandinavians. The word Rus according to 10th century Arabic sources included different ethnicities, among them Slavic.

The Russians consist of several different nations and distinct hordes [El-Mas'udis, 1841, p. 416].

Die Russen sind in drei Stämme getheilt; der eine wohnt in der Nähe der Bulgarer; ihr König wohnt in der Stadt Kuthaba, welche grösser ist als Bulgar. Der zweite Stamm heist Slaven, und der dritte Uthanie, ihr König wohnt in Arba [Das Buch der Lander, 1845, p. 106].

In 960, Rus appeared as a name for the people of Old Rus (Rusciae Gentis)⁷ and over time it became the name for the Slavic people in Old Rus according to PVL. In the same period, Scandinavians as an ethnic group in Old Rus and in Constantinople also appeared under the Byzantine term Varangian⁸. Importantly, in the first half of the 10th century the Scandi-

---

⁵ For an elaborate account of the origin of the name Rus, see [PVL, 1953, pp. 35–50]. The term Rus must be used with some caution because it is a signifier used differently in the sources. In this regard, Shepard and Franklin state: “However responsible one may try to be, no account of Rus is definitive” [Franklin, Shepard, 1996, p. xxi].

⁶ *The Annals of St. Bertin (839) and Chacanus of the Rhos*, 2006. S. 7–11.

⁷ *Annales Hildesheimenses*, p. 60.

⁸ The term Varangian appeared after 950 as the name for Scandinavians. It originated in Byzantium and was later used in Old Rus: see [PVL, 1953, pp. 35–50]. This

navian part of Rus is documented in the peace treaties of 912 and 945 in [PVL, 1953, p.40–50]. Among the many names listed in the treaties, as Rus' elite and merchants several are Scandinavian. In addition, Byzantine sources specifically connected the word Rus with Scandinavians.

In DAI, the many names of waterfalls and barrages are in both Old Norse and Slavic. This is strong proof of the Rus developing into a mixed group of Scandinavians and Slavs. These peoples established close ties and travelled together in large units to Constantinople. In *The Chronicle of Novgorod*, we are told that such a mixed group of 4,000 (3,000 Slavs and 1,000 Varangians) on a military campaign in 1016 went from Novgorod to Kiev⁹. In PVL [PVL, 1953, p.72–73], there are other examples of large mixed units in 907 and 941.

Non-literary sources reveal that the Scandinavians at the very beginning of the Viking Age appeared in the east and travelled faraway inland by multiple rivers. Material evidence from Russia [Kainof, 2018; Kainof, 2021] informs that when Scandinavians attacked the convent on the island Lindisfarne near the English coast in 793 [Roesdahl, 1993, p.14; Franklin, Shepard, 1996, p.53], they had already reached Gnezdovo near present day Smolensk at the river Dnepr. Here, as in other places of present-day Russia there are numerous boat graves. These are an important testimony to their travels and presence in the east [Kochkurkina, 1989; Kochkurkina, 2018; Stalsberg, 2001; Sorokin, 2002; Sorokin, 2012; Sorokin, 2018]. Moreover, as early as 860, several sources tell about a Rus fleet attacking Constantinople¹⁰ and from Ibn Khurdadhbih we know that the Rus arriving in Bagdad via the Caspian Sea around 850 presented themselves as Christians¹¹.

Still, mystery surrounds the eastern travels and the effect of these journeys. So far, the question of how they managed to travel this far in their ships has remained unanswered [Stalsberg, 2001; Frank, 2020]. Westerdahl [Westerdahl, 2014, p.78–79] has discussed problems with the notion of all-through portage of ship-size vessels. The results of several important experiments [Nylén, 1986; Edberg, 1998; Lebedev, 1996; Lebedev, Zhvitashvili, 1999; Widerberg, 2014; Edberg, 2017] did not

---

change of signifiers seemed to have taken place during two centuries, after the Scandinavians appeared at Staraja Ladoga.

⁹ The Chronicle of Novgorod, 1914, p. 1.

¹⁰ The homilies of Photius, 2018, pp. 74–110; Anecdota Bruxellensia, 1894, p.33.

¹¹ The book of routes and provinces, 1865, p. 514.

provide convincing evidence of a massive influx. Instead, the experiments more importantly [Frank, 2018; Frank, 2020] pointed at problems even by the use of small, reconstructed ships known from Viking Age Scandinavia. During this period, some Rus travelled east via the White Sea to rivers leading south¹² along the Volga. Others, according to most frequent scriptural evidence, went via the many rivers discharging into the Baltic Sea. By great effort, hardship, and many days of travelling, they reached the remote eastern trade centers at Dnepr and Volga, and even further at the Black Sea and the Caspian Sea.

Numerous material discoveries and several literary sources in Greek, Arabic, Slavic, and Latin [Frank, 2020, p. 413] speak about these eastern journeys. Some of these sources (PVL, DAI) describe the itineraries and provide important clues about routes from the Baltic Sea. In Fig. 1, Viking Age place names and routes are shown in Old Rus. The most famous of these routes is that following the river Volkov, Lake Ilmen, and the River Lovat to Dnepr and the Black Sea, as described in PVL¹³. PVL calls the route “The Route from the Varangians to the Greeks” (in Russian: *Put' iz Varjag v Greki* [PIVG]). This route went via the easternmost part of the Baltic Sea, passing Staraja Ladoga, Novgorod, Gnezdovo, Kiev and Berezan to Constantinople. Other routes from the Baltic Sea to the Greeks (the Eastern Roman Empire) were closer to the trading centers in the West, such as Haithabu, Wolin and Truso. These routes went via the rivers Daugava¹⁴ and Wisla. Different routes led from the Baltic Sea via smaller rivers and the Volga to the Arab and Persian world. Furthermore, rivers such as the Oka, Desna, and Don, together with several towing places (In Russian: *волок* “volok”) interconnected these routes into a complex infrastructural system.

As today, moving on the rivers was very different from sailing on the sea. The dangers did not disappear, but they were of a different kind, against which the travellers needed the protection of their gods, special skills, and assistance. Sailing inland close to the riverbanks, they were vulnerable to attacks, and they needed new nautical skills together with knowledge of the many rivers. The routes from the Baltic Sea presented a major navigational challenge for the Scandinavians. This problem could not be

---

¹² The Saga of Hacon, 1894, ch. 371.

¹³ PVL, 1953, p. 53–54.

¹⁴ Kristni Saga tells us that Scandinavians passed Polotsk by Dvina on their way to Kiev, which is proof of the route along Dvina.

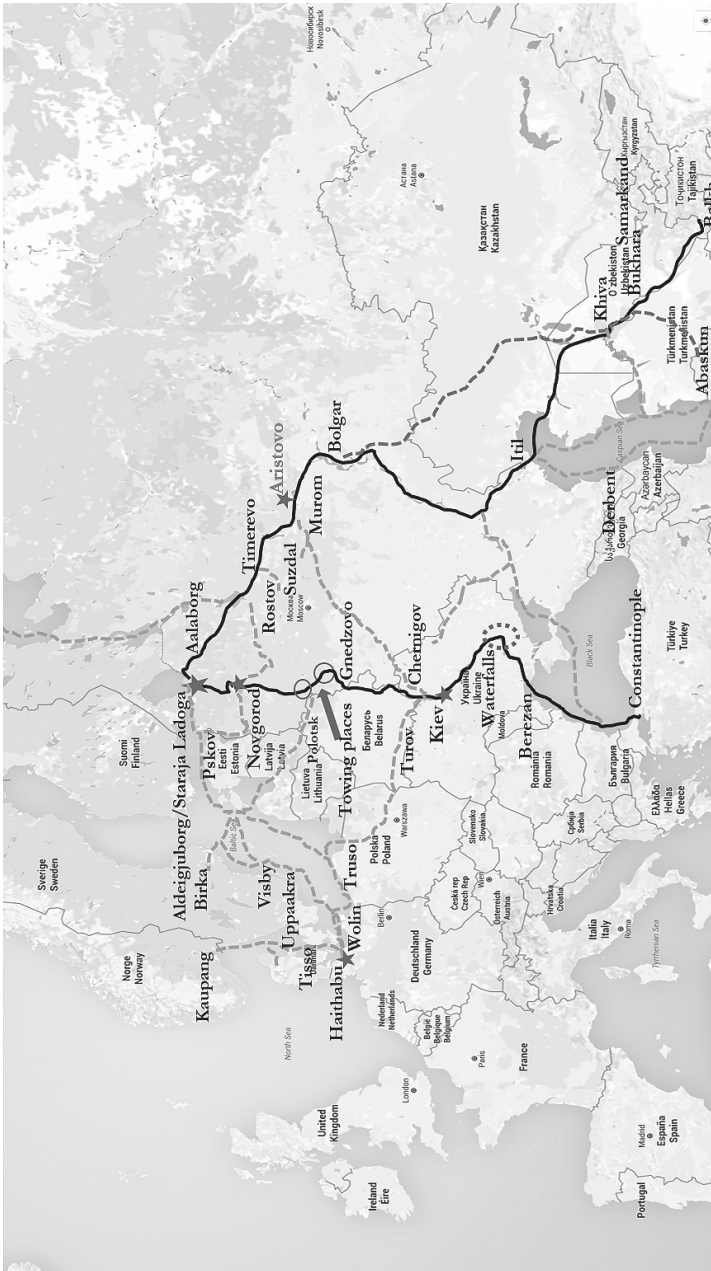

Fig. 1. Routes in the Viking Age.

Map elaborated by Thomas Frank based on <https://mapswire.com/europe/physical-maps/>

solved by building bigger ships; quite the contrary was true. The rivers discharging into the Baltic Sea were on the one hand fascinating gateways to possible riches to be made by trade, pillaging or serving famous warlords or even the Byzantine emperor. On the other hand, they were not suited for the traditional Viking ships such as Skuldelev 1, 2 and 3, Gokstadskibet, Tuneskibet, and Hedeby ¹⁵. From the river deltas the travellers had to row several hundred nautical miles against strong currents. Moreover, they met shallow water, narrow and turning riverbeds, sand banks, boulders and barrages. At some places, they were forced to move the boats over land [PVL, 1953, p. 53–54] and through barrages and past waterfalls [DAI, 1985, p. 56–60].

The oldest known Scandinavian settlement in Old Rus and in present-day Russia is Staraja Ladoga. It is situated on the river Volkov by a natural harbor. In the Viking Age, it had the Nordic name Aldeigjuborg¹⁶. It was close to the Baltic Sea and situated near a barrier of barrages some kilometres south upstream. From this place on, smaller boats were far more suited for the journey, as knowledge about the rivers among local people were required, during the early expeditions. In 1941, the Russian scholar Elena Rydzevskaya [Rydzevskaya, 1945] argued for the need of different vessels from this point on and the existence of a shipyard at the location¹⁷. DAI corroborates this. It tells how Rus' logboats, *μονόξυλος* "monoxylos," sailing to Constantinople among other places came down from Novgorod, about 200 km south of Staraja Ladoga. At the time when DAI was written we know with some certainty that Staraja Ladoga belonged to the prince of Novgorod¹⁸ and was considered within the realm of Novgorod. Therefore, it is reasonable to argue that DAI actually

---

¹⁵ The finds of Viking ships in Scandinavia [Crumlin-Pedersen, 1994].

¹⁶ Jackson, 2019, p. 85.

¹⁷ Jackson [Jackson, 2019] discusses the question of vessels and Russian research and archeological excavations in Staraja Ladoga following Rydzevskaya's claim [Rydzevskaya, 1945]. She notes that excavations in 1958 and the 1970s showed the existence of boat rivet production around 870. Moreover, Sorokin [Sorokin, 2021] argues that smaller vessels of 6–9 m were used from here. He mentions the Gokstad ships 1–3 as examples of these boats. In Staraja Ladoga, finds of parts from ships with around 20 pairs of oars have been found [Sorokin, 2002; Sorokin, 2021].

¹⁸ One of the indications of that is that Ingegerd of Sweden married Jaroslav of Novgorod, who gave Staraja Ladoga to her as a wedding gift. We know that people of Scandinavian descent coming from Staraja Ladoga settled Novgorod during the Viking Age at Gorodishe.

includes Staraja Ladoga as the place from where the smaller logboats came.

Staraja Ladoga was a unique natural place of transit. Here, returning from their long-distance eastern exploits via the rivers, the Scandinavians would change to their larger seagoing vessels and set sail for their homelands as written in the Saga of Harald Hardrada and in Eiríksdrápa:

In spring he adventured on a journey from Holmgaard and vent to Aldeigjuborg, there he acquired ships and sailed west in the summer [Haralds saga Sigurðarsonar, 2015, ch. 17].

At the onset of spring the vanquisher of the Wends prepared noble ships [to travel] from the east out of Russia; at the beginning of summer the leader of the unit launched the bows onto the curving billow. The brother of Knútr protected the broad plank-wood with a washboard in the turbulent weather; the destroyer of treacherous people, skilled in eloquence, then put to shore in Denmark [Eiríksdrápa, 2012, 4].

3. LITERARY SOURCES, ILLUSTRATIONS AND MATERIAL FINDS

From Staraja Ladoga, there is evidence of the boat types used by Scandinavians on their travels in Old Rus and all the way to Constantinople. Literary sources, illustrations and material finds provide details and information. In order to examine in which numbers and how the Scandinavians managed to reach the Christian metropolis Constantinople by the water route, we must study and discuss these three types of evidence.

3.1. *Literary sources*

In several medieval texts, we find references to ships and boats, and sometimes we can read about their type and size. This is also the case concerning the vessels used on eastern routes all the way to Constantinople. As already mentioned, here the sources talk about smaller vessels and as in DAI use the Greek word *μονόξυλος* “*monoxylos*” (M). The word M literally means a logboat or one-tree boat. Within the literary corpus, the term M primarily is used in two meanings: the literal meaning as a logboat and as the name for a vessel based on a logboat. The second meaning is not to be mistaken with the meaning as *pars pro*

toto, even though this use appears in the sources regarding other nautical terms, as discussed below. In DAI the term M in its literal meaning is used for one entry, *σκαφίδιον* “skafidion,” which is a Greek diminutive of *σκάφη* “skafe,” the ancient Greek word for a small boat. This paper argues and proves by analysis of DAI and field study that the word M in its literal meaning (*σκαφίδιον*) refers to the ELB and the vessel still made in Russia named *ботник*.

The following Medieval texts mentions the M and/or vessels used by Rus on Russian rivers and the Black Sea:

- Chronicon Pascale, c. 630;
- The Chronicle of Georgious Monachus, c. 860;
- The homilies of Photius, c. 860;
- The life of St George of Amastris, c. 900;
- *Tactica* of Leo VI, c. 900;
- *De administrando imperio*, c. 950;
- *De cerimoniis aulae Byzantinae*, c. 950;
- The works of Luidprand of Cremona, c. 960;
- A synopsis of Byzantine history, c. 1050;
- *Strategikon* of Kekaumenos, c. 1078;
- *Povest' vremennykh let*, c. 1100;
- *Russkaya Pravda*, c. 1100;
- The *Alexiad*, c. 1148;
- *Anecdota Bruxellensia*, c. 1200.

The earliest entry of the word M is in *Chronicon Pascale*. It mentions the use of a large number of the Ms on the Bosphorus by Avar and Slavic invaders in 626. In *Tactica of Leo VI* from around year 900, we read a further explanation about the boats used by Scandinavians arriving by Eastern Rivers and the Black Sea to Constantinople in 860:

They [the Rus] use small, light and fast boats. Because of the rivers running into to Black Sea, they cannot use big ships [Leonis Imperatoris *Tactica*, 1917, p. 1011].

Luidprand of Cremona writes in *Antapodosis* c. 950:

The Rus' ships by reason of their small size can move in very shallow water, where the Greek galleys because of their greater draught cannot pass [The works of Luidprand of Cremona, 1930, p. 186].

In PVL, vessels are mentioned in the descriptions of Rus' naval expeditions in 860, 907 and 941. Regarding the two first expeditions the original Church Slavonic edition of PVL¹⁹, uses the word *корабль* “kora-bl.” Here the word *корабль* by the chronicler is most likely used as a generic term²⁰.

In the account of the last expedition (941), the Slavic word *скедия* (“skedija”) is used in the original Church Slavonic edition of PVL²¹. Svane [Svane, 1983, p. 260] mentions that this is the Greek word *σχεδια* “skedia,” which is the ancient Greek name for a hastily made wooden vessel, known by Thucydides and Homer, among others²². We also find *σχεδια* in the Old Nordic word *skeið* “skeid.” Like the term Varangian it is likely that it entered the Slavic and Old Nordic vocabulary from Greek as a loan word. During the Viking Age, the word *skeið* came to be used in Scandinavia as the term for a large clinker-built warship. It is the most frequent used word for a vessel in the skaldic corpus [Jesch, 2001, p. 123–126], which is the oldest part of the Old Nordic literary corpus. Jesch mentions that Foote and Wilson suggest that the word *skeið* means either “that which cuts through the water” or “a piece of wood long and sword-shaped” [Foote, Wilson, 1974, p. 236–237]. This resembles the meaning of the word M and the shape of the ELB. It is possible that both *skeið* in Old Nordic and *скедия* in Slavic at some point in time were understood as the equivalent of the M mentioned in DAI in its derived meaning as a logboat outfitted for rowing and possibly sailing. Moreover, *skeið* is in *Eiríksdrápa*, which as a narrative is related to Eastern travels, referred to as being great in number and of varying lengths: “skeið helt mǫrg í móðu / many warships of various lengths” [Eiríksdrápa, 2012, p. 12]²³. In other words, even in the 12th century, *skeið* is not only used to signify at large naval vessel.

---

¹⁹ The oldest original manuscript of PVL is written in Church-Slavonic.

²⁰ From the context in PVL, *корабль* is difficult to determine in terms of type, though concerning the year 860 as quoted above, we have indications from *Tactica* of Leo IV, that these vessels must have been small, light and fast boats.

²¹ For some reason, the Russian translation of the original manuscript uses the word *корабль*.

²² It is a term for a smaller wooden vessel, known from sources since antiquity, Homer (V, 35) and Thucydides (VI, 2).

²³ *Eiríksdrápa* mentions king Erik's exploits in Old Rus and his relations with the emperor in Constantinople. The text from c. 1040 could in fact be talking about the vessels used in Rus, just as it talks about big ships used when leaving Old Rus like the saga of Harald Hardrada.

The account in Eiríksdrápa that many of these vessels were used together in a fleet is also a characteristic in PVL and DAI. With the figure 10,000 *скедия* mentioned in PVL arriving at Constantinople in 941, and the information in DAI we can assume that PVL is in fact referring to the boat which DAI, written about 10 years after 941 calls the M (meaning a vessel based on a logboat). Furthermore, we can be boldly argue, that it was in fact, a small *skeið* that Scandinavians had in mind when they fitted their vessels based on the Slavic logboat, which they bought in Old Rus.

In *Russkaya Pravda* from the middle of the 11th century²⁴, several boat types are mentioned by ascribing its particular function (seagoing, cargo or river) to the Slavic word *ладья* “ladja,” which is somewhat similar to the Russian word for boat *лодка* “lodka.” However, the logboat is specifically mentioned in *Russkaya Pravda* with the Slavic word *челн* “tzeln,” which means a dugout logboat.

In *The Chronicle of Novgorod* (“Новгородская первая летопись”) covering the period from 1016–1471, there are several entries for vessels. The most common is the word *лодь* “lod” seemingly another version of *лодка* “lodka,” but also an Old Nordic loan word *шнекъ* “snek” from *snekkja* appears in an entry about 60 vessels arriving from Sweden.

From Old Norse Sources we know several words apart from *skeið* for larger vessels [Jesch, 2001]: *skip*, *snekkja*, *dreki* and *knorr*. Jesch has brought our attention to the fact that the keel, the central part of the hull, “kjqlr” in Old Nordic, is sometimes used as a name for the entire vessel: “As a basic part of a ship, the word was almost bound to be used by poets to stand for the whole” [Jesch, 2001, p. 139]. One of these instances we find in *Knútsdrápa* from around 1040.

And the dragon-ships of the land-ruler [Knútr] carried dark sails against the yard in the favoring wind; the sovereign’s journey was glorious. And the keels which arrived there from the west travelled the surf of Limfjorden on their way [Knútsdrápa, 2012, 8].

This could apparently denote that the same logic, is at play in the use of the word M in DAI and in other Byzantine sources regarding the Rus’ vessel, meaning that these seemingly small vessels made of one log were actually ships with this log as a basic part, like the keel. Still, as is discussed in depth and shown below, the vessels used by the Rus could

---

²⁴ *Russkaya Pravda*, § 79.

not have been large ships. Instead, the logic concerning the word *súð* “sud” brought to our attention by Jesch, could explain the two meanings of the term M and suggests how vessels were given a name. In the Viking Age, in simple logboats boards were added (wooden planks on the side). This process was called *súð* in Old Nordic, which means sewing. This technique was originally used to tie the bords onto the keel. It was later replaced with the use of rivets even though the techniques remained in use, side by side. The word *súð* could be used for the entire vessel, denoting the difference between a simple canoe and larger clinker-built boat with planks on the sides. Therefore, it is reasonable to understand the double use of the word M as vessel with boards and rowlocks as well as a logboat because a central element in its construction was the log, just as sewing was on the *súð*. It tells us that one way to name and signify boats in the Viking Age likely was to name them by a central aspect of their production.

In Old Norse literature not only words for large vessels appear. The words for smaller vessels are *báti* or *batr*. These words are somewhat similar to the present-day local name for the ELB in the field study *ботник* “botnik.” This could be a reminiscence of the Old Nordic *báti* or *batr*, whereby *ботник* must be understood as a small boat, similar to the word *σκαφίδιον*. *Ботник* is a Russian diminutive. If that is correct, the word *ботник* is the Russian equivalent of the Greek *σκαφίδιον* used in DAI.

In all the texts listed and discussed above, we see that there is no talk of Scandinavians south of Staraja Ladoga using big seagoing ships. However, the remaining questions are which type of vessel they used and if the sources are correct when they state that as many as 10,000 vessels were used.

By far, the most precise and important account of the vessels used by Scandinavians as part of Rus, is given in DAI. Before the analysis of DAI is presented, the graphic and material evidence is discussed.

3.2. Medieval illustrations

The predominant reference to smaller vessels in the literary sources is supported by several illustrations related to the period.

In the illustration from the Madrid Skylitzes’ 12th century manuscript of the text “A synopsis of Byzantine history” (see Fig. 2), we see

Fig. 2. A synopsis of Byzantine history. Source: <https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Greekfire-madridskylitzes1.jpg> (accessed: 24.05.2022)

Fig. 3. Drawing of Utrecht 1 by A. Van de Moortel. Source: <https://www.researchgate.net/publication/344379149> (accessed: 24.05.2022)

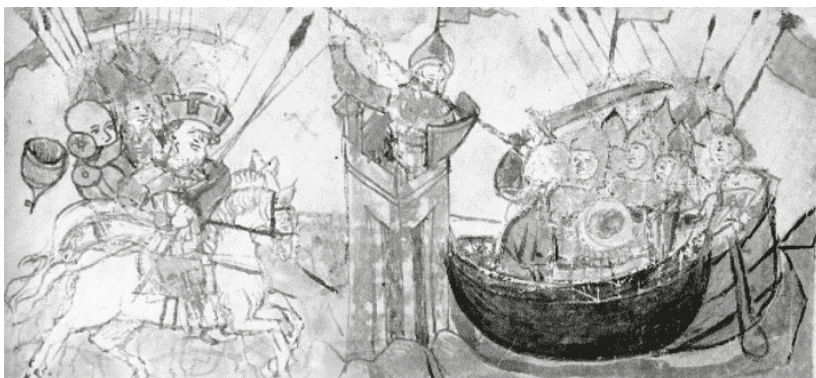

Fig. 4. A boat from Radzivil Chronicle. Source: https://commons.wikimedia.org/wiki/Category:Radzivil_Chronicle#/media/File:10_1_List_of_Radzivil_Chron.jpg (accessed: 24.05.2022)

the Rus boat on the right with no sail. It is depicted as a small vessel with only three men as opposed to six men in the byzantine boat. The form of the hull resembles an actual find of an ELB in Utrecht (see Fig. 3).

Similar illustrations of boats with no sail are found in a 15th century manuscript of the Radzivil Chronicle from the 13th century (see Fig. 4). The scene is Rus' raid of Constantinople in 860.

Apart from these illustrations, a younger illustration from the 16th century depicts a boat in Russia without a sail. It is carried on the shoulders of five armed men.

3.3. *Material finds*

Throughout Scandinavia, there are finds of larger and smaller Viking Age vessels [Rieck, Crumlin-Pedersen, 1988; Crumlin-Pedersen, 1994]. This is so far not the case in the central parts of present-day Russia, Ukraine and Belarus. Along the PIVG²⁵, most finds are of logboats. In other words, the actual finds of vessels supports the textual and graphic evidence that ships, such as the snekkja, dreki and knorr normally were not used south of Staraja Ladoga.

Different types of vessels from the Middle Ages have been found in present-day Russia [Kochkurkina, 1989; Kochkurkina 2018; Stalsberg, 2001; Sorokin, 2018; Sorokin, 2021]. Nevertheless, evidence of big ships along the rivers is very vague. Regarding local shipbuilding, Sorokin states: "No reliable evidence of building clinker vessels with iron rivets in Russian towns has been found so far, although there are potential signs of this on the sites: iron and woodworking industries with industries with all the necessary tools and resources." Stalsberg [Stalsberg, 2001] states that no rivets of the Scandinavian type have been found in Russia including in boat graves; instead, Slavic types have been found. This indicates, that vessels used by Scandinavians in Old Rus normally were made en route to Constantinople, and it supports the literary sources that Scandinavians did not use their Viking ships from Staraja Ladoga.

At two of the production-sites of the M mentioned in DAI and along the PIVG there are finds of the ELBs. In Velikiy Novgorod, three vessels

---

²⁵ This is, of course not final proof of the types of vessels used. Today major parts of the PIVG have been destroyed by higher water level due to the construction of power stations. In addition, there are unexamined places that in the future could unveil Viking Age vessels.

made of aspen have been found. One of these finds is 6.75 m long. In Gnezdovo, parts of the ELB have been found together with rowlocks of a size indicating that they were placed on a smaller boat [Murasheva, Malysheva, 2017].

Stalsberg [Stalsberg, 2001] has analysed the boat graves in Gnezdovo. In general, there are signs of smaller vessels. Sorokin states that these finds shows that the boats in boat graves were about 6–10 m long [Sorokin, 2018].

So far, only finds from Staraja Ladoga are of ships known from Viking Age Scandinavia [Sorokin, 2018; Murasheva, Malysheva, 2017; Kainof, 2021]. Viking Age finds inland in Old Rus and along the PIVG are more precisely dominated by finds of logboats [Stalsberg, 2001; Sorokin, 2018; Okorokova, 2021] also known from Scandinavia [Crumlin-Pedersen, 1972; Crumlin-Pedersen, 1978; Rieck, Crumlin-Pedersen 1988; Van de Moortel, 2009; Crumlin-Pedersen, Jensen, 2018]. There are two types of logboat finds in Old Rus [Okorokova, 2021]. The traditional or simple logboat (LB), which was a dugout tree-trunk canoe and the ELB. The ELB (exhaustively described in the field study below) was a dugout tree trunk that has its sides bent out with the aid of water and fire. The sides of this boat were cut very thin with an axe, down to around 2 cm. This was accomplished by the use of wood gauges inserted into holes drilled in the tree trunk [Van de Moortel, 2011, p.93]. The thin hull made the ELB a very light vessel compared to the LB. Moreover, with the sides bent, it sat well on the water and could carry much more weight than the LB.

As mentioned, these two types of logboats have been found in several places in Old Rus as parts only or preserved almost intact [Okorokova, 2021]. Some of the known finds are listed below. The boat finds vary in length, width and height.

Finds of LB

Kaliningrad Region (length 8.73 m, width 57 cm, height 95 cm), Bretskoi Region (length c. 3.75, width circa 65 cm), Grodenskaja Region (length 4.6 m, width 70 cm, height 10 cm), Grodenskaja Region (length 8.32, width 97 cm, height 80 cm), Voroneskaja Region (length 7.55 m, width 60 cm, height 90 cm).

Finds of ELB

Velikiy Novgorod (length c. 7 m), Bryansk Region (length 12 m, width 125 cm), Orgev 1 (length 13 m, width c. 260 cm, height circa 80 cm), Orgev 2 (length circa 11 m, width c. 90 cm, height c. 50 cm), Gnezdovo (parts only).

The predominance of logboats, their size and form registered by material finds supports the literary and graphic evidence. Sorokin [Sorokin, 2012] refers to known finds of LB and ELB in Old Rus. He registers additional finds of ELBs along the rivers Msta and Dvina, near Pskov²⁶ and north of Gnezdovo in the portage-area between the rivers Dvina and Dnepr.

The general knowledge within texts, illustrations and material finds is that smaller vessels without sails were used on the rivers in Old Rus and even the Black Sea. This does not prove the exact type of vessel and more importantly that Scandinavians together with Slavs arrived in great numbers in the years 860, 907 and 941. However, by analysing DAI we are able to determine²⁷ the boat type that was used in large numbers without excluding the existence of other types of vessels and even fleets of different types of ships as it has been argued by Ravn was used on sea expeditions [Ravn, 2016].

4. ΣΚΑΦΙΔΙΟΗ THE SLAVIC BOAT OF RUS ACCORDING TO DAI

The text with the most precise description of the vessels used along the PIVG is DAI. This description is part of an eloquent narrative of Rus coming to Constantinople. It is found in the first part of DAI in chapter 9 (*Περί τών από Ῥωσίας ἐρχομένων Ρώς μετά τών μονοξύλων ἐν Κωνσταντινουπόλει*. 'Of the coming of the Russians in 'monoxyla' from Russia to Constantinople.'). Rather precisely, this chapter describes the building of the Rus vessel, its use, and the Rus itinerary.

DAI, which uses the word M for the vessels of Rus, is together with DCB a text of unique historical value [Moravcsik, 1967; Sevcenko, 1992; Shchavelev, 2019]. It represents the actual and detailed information acquired by emperor Constantine VII Porphyrogenitus about the people surrounding his empire. The information about the Rus vessels and the vessel M is most likely the result of first-hand knowledge. In other words, Constantine VII must have gained this information personally from Rus, which is probable. We know, as mentioned above, from the text DCB that baptized Rus served at the court during his reign: "οί

---

²⁶ Near Pskov in Estonia, the craft of making ELBs is preserved.

²⁷ The Swedish scientist Westerdahl [Westerdahl, 2014] presumes with no proof that the boat type M in DAI was the ELB. Probably as the first the Russian scientist, Voronin presented this idea [Voronin et al., 1951].

βαπτισμένοι Ρῶς μετὰ φλαμούλων, βαστάζοντες σχουτάρια, φοροῦντες καὶ τὰ ἑαυτῶν σπαθία. ‘Baptized Rus with flamens, carrying shields and spears’” [DCB, 2014, p. 579–580]. Constantine VII was the Godfather of the representative of Rus’ elite, Princess Olga, in 955 [DCB, 2014, p. 594–598]. This also implies close relations with Rus. Furthermore, we know from the peace treaty of 945 between Igor, Romanus and Constantine VII, which is reproduced in PVL, that baptized Rus resided in Constantinople [DAI, 1985, p. 50–52]. Maybe one of these baptized Rus serving at the court personally described the coming of Rus in their Ms to Constantinople. Chapter 9 is a great narrative about the Rus. The story of this informant must have captured the emperor as it does today. According to Shchavelev [Shchavelev, 2019, p. 697], Constantine VII himself wrote the chapter about the Rus.

From DAI’s description in chapter 9, it is possible to formulate 22 criteria for the Rus vessel used from Staraja Ladoga to the Black Sea and on other rivers of Old Rus as well. These criteria are the following:

Criteria of the M in *De Administrando Imperio* (Chapter 9)

1. The M was a logboat.
2. The word M is used with two meanings: a logboat and a fitted logboat.
3. The M was used in large numbers as part of the Rus’ fleet of this boat type.
4. The M came from Novgorod, Smolensk, Teliutza, Chernigov and Vyshegrad.
5. The M was transported from the place of production via the river Dnepr to Kiev.
6. The M was made to the Rus by tributary Slavic tribes and the rest of the Slavic regions (five tributary Slavic tribes are mentioned by name in DAI).
7. The logs of the M was chosen and cut down in winter on the hills of the Slavic tribes.
8. The logs of the M were formed and prepared²⁸ from the time of cutting until spring.
9. In spring, when the ice melted, the log was brought to nearby lakes connected to the river Dnepr.
10. Along Dnepr, the M was transported to be finished and sold in Kiev.

---

²⁸ Westerdahl [Westerdahl, 2014] seems to translate *καταρτίσω* ‘kartitso’ wrongly as “fasten together” and interpret that as if rafts were made of the M. That rafts were made cannot be excluded. However, the word *καταρτίσω*, as Jenkins translates it, means “to prepare” or “make ready”.

11. The M was sold to Rus in Kiev as a little tree-trunk boat (*σκαφίδιον*)²⁹.
12. Rus fitted this little tree trunk boat with oars and rowlocks and other tackle from their old logboat(s)³⁰.
13. The M was a hybrid of Slavic and Scandinavian technology.
14. Rus had used the M before they acquired them (their new ones) in Kiev.
15. When fitted by the Rus the M was still light enough to be carried on the shoulders by more than one man.
16. At the Dnepr barrages, the M was sometimes dragged through the water without people and only goods inside.
17. Three men were enough to drag and navigate the boat past the barrages along the riverbank.
18. The M should and could pass the seven named barrages south of Kiev (in both Slavic and Old Nordic languages).
19. The M carried goods and people including slaves.
20. Upon arrival at the Black Sea, the M was fitted with a sail, mast and rudder.
21. The sail, mast and rudders were transported in M to the Black Sea.
22. The M was durable for long-distance travel (at least Kiev to Constantinople).

These 22 criteria tell that we should be looking for a vessel known in Old Rus in the Viking age, suitable to fit with rowlocks, based on a vessel dugout from one tree, capable of being carried by a few men, to be dragged through barrages by three men but still with room for goods, slaves and men. These criteria indicate that the M is a logboat, a LB or an ELB. As shown above the technology for both were present in

---

²⁹ In Jenkins' translation of the Greek text, he translates the word *σκαφίδιον* as "bottom". The sentence *Οἱ δὲ Ῥῶς σκαφίδια καὶ μόνα ταῦτα ἀγοράζοντες* he translates as: "The Russians buy these bottoms only". This is imprecise. The word *σκαφίδια* is a diminutive of *σκάφη*, which literally means "something dug out" deriving from the Greek verb *σκάπτω* meaning "to dig". *Σκαφίδια* is used as the name for a small dugout boat denoting a traditional canoe made from a dugout tree trunk. The correct translation of *σκαφίδια* is therefore: "little dog out tree-trunk boat" and it functions in the Greek text as a synonym for the word M. It explains the literal meaning of M, which as discussed, in the text can both be used for the entire fitted vessel and this carved-out tree-trunk boat.

³⁰ Westerdahl [Westerdahl, 2014, pp. 86–88] suggests that the Greek word *σκαρμος* ("skarmos") which means "rowlock" is actually the Old Nordic word "skarm" and a term for a washboard. Though not unlikely, this seems an unnecessary notion. Rowlocks could very well imply washboards. The argument for the use of a Nordic loan word here is not convincing. In fact, like suggested with the word *σχεδια*, it might be a Greek loan word.

areas (Novgorod and Gnezdovo) mentioned in DAI chapter 9. The ELB is known from Velikiy Novgorod with three finds from the 11th century and near the route from Kiev close to the river Pripyat with three finds from the 13th century.

Applying the criteria on these two types, what we know about the present production of logboats and the knowledge of the finds, the ELB must be the boat mentioned in DAI. Especially criteria 7, 8, 12 and 15 shows this.

Criterion 7 (Chapter 9, verses 10–11):

Οί δέ Σκλάβοι, οί πακτιώται αὐτῶν, οί Κριβηταιηνοί λεγόμενοι, καί οί Λενζανήνοι καί αἱ λοιπαί | Σκλαβηνία εἰς τὰ δρη αὐτῶν κόπτουσι τὰ μονόξυλα ἐν τῷ τοῦ χειμῶνος καιρῷ.

“Their Slav tributaries, the so-called Krivichians and the Lenzanenes and the rest of the Slavonic regions, cut the ‘monoxyla’ on their mountains in time of winter.”

Here, we are told the tree was cut down in winter, which is also the time, when the tree for the ELB was cut down.

Criterion 8 (Chapter 9, verses 11–13):

<...> καί καταρτίσαντες αὐτά, τοῦ καιροῦ ἀνοιγομένου, ἤνικα διαλυθῆ ὁ παγετός, εἰς τὰς πλησίον οὐσας λίμνας εἰσάγουσιν αὐτά.

“<...> and when they have prepared them, as spring approaches, and the ice melts, they bring them on to the neighbouring lakes.”

Here, we are told that it takes several months from winter to spring to finish the boats. This is not necessary for a simple LB; however, it is exactly the time of production for an ELB today.

Criterion 12 (Chapter 9, verses 16–19):

Οἱ δέ ῥῶς σκαφίδια³¹ καί μόνα ταῦτα ἀγοράζοντες, τὰ παλαιά αὐτῶν μονόξυλα καταλύοντες, ἐξ αὐτῶν βάλλουσιν πέλλας καί σκαρμούς εἰς αὐτά καί λοιπὰς χρείας ἐξοπλίζουσιν αὐτά.

“The Russians buy these simple and little dog out tree trunk boats, furnishing them with oars and rowlocks and other tackle from their old ‘monoxyla’, which they dismantle; and so they fit them out.”

---

³¹ See note 28.

According to criterion 12, they fitted the boats with oars and rowlocks. Today this is only known from finds of ELB. The expanded logboat fitted with rowlocks we know from finds in Scandinavia, England, The Netherlands, Germany, Poland, Estonia, Belarus and Russia [Crumlin-Pedersen, Jensen, 2018, p. 12–15]. Moreover, because of the width needed a simple dugout canoe would need an enormous log to be suitable for rowlocks.

Criterion 15 (Chapter 9, verses 53–57):

Εἶθ' οὕτως οἱ μὲν σύροντες, οἱ δὲ καὶ εἰς τοὺς ὤμους βαστάζοντες τὰ αὐτῶν μονόξυλα εἰς το τοῦ φραγμοῦ ἐκεῖθεν μέρος διαβιβάζουσιν καὶ οὕτως ρίπτοντες αὐτὰ εἰς τον ποταμόν καὶ τὰ πετζιμένα αὐτῶν ἐμβλησκόμενοι, εἰσέρχονται, καὶ αὐθις ἐναποπλεύουσιν.

“Then, partly dragging their ‘monoxyla’, partly portaging them on their shoulders, they convey them to the far side of the barrage; and then, putting them on the river and loading up their baggage, they embark themselves, and again sail off in them.”

According to criterion 15, the M could be carried on the shoulders in the fitted versions. This excludes traditional Nordic ships. They weighed far more than would allow them to be carried on the shoulders. It must also be taken into consideration that a LB is heavier than an ELB, which also Crumlin-Pedersen remarks [Crumlin-Pedersen, 1972].

All criteria, including 7, 8, 12 and 15, present strong evidence that the M referred to in DAI was an ELB, which is also given the name *σκαφίδιον* (little tree-trunk boat). Nothing in the literary evidence, the finds, and illustrations challenges this argument³². Therefore, we must consider this particular Slavic technology as the precondition for Rus’ major nautical expeditions to Constantinople. This shared technology is the reason why Scandinavians were able to reach the Christian Metropolis.

This evidence with its importance of Slavic boatbuilders and Slavic tribes for Rus’ (Scandinavian) ambition to reach Constantinople offers an explanation why Slavs rather early became significant and numerous

---

³² Concerning the question of how many individuals could be in the Ms including the slaves (that Rus’ according to DAI took with them), it is important to underline that DAI does not see this as a problem. The boats which could be carried on the shoulders could also transport slaves. That slaves were transported at the same time is an indication that many boats were used, just as mentioned in DAI and PVL.

members of Rus³³. By virtue of their nautical technology Slavs became Rus. PVL claims that the Slavic people took the name Rus from Scandinavians. The proof of the Slav nautical importance for the Rus allows us to suggest that Slavs, as boatbuilding communities living in settlements along the rivers, identified with the Scandinavian seafarers and vice versa. Scandinavians appreciated their (the Slavic tribes) craft and invited them to take part in their expeditions. Over time, the Slavs as the vast majority in Old Rus not only adopted and embraced the maritime Rus' identity and the name Rus. They shaped it. Figuratively spoken, it can be argued that the Slavs during 10th century formed the core of Rus' identity just as they shaped the basic element of Rus' boats. This identity came to unite the many different Slavic tribes. It is likely that a new Slavic Rus' identity developed. It subdued the former Scandinavian, which was forgotten and no longer used by the Scandinavians themselves³⁴.

5. FIELD STUDY OF БОТНИК

In 2019, this author discovered the production of the ELB in Russia. Uniquely, 2,000 years after the oldest finds of an ELB in Scandinavia³⁵, this boat type is still made around 60 km from the Volga's confluence with the river Oka in the village of Aristovo (see Fig. 1). As mentioned above, local people call this ELB *ботник*. Normally experimental studies of vessels rely on reconstructions. This unique find without precedence made it possible to study the living boatbuilding tradition of the ELB³⁶.

The field study was simply designed with three purposes: first, to register and document the production of the ELB; second, to use this boat type to find the shortest route from the Viking Age settlement Staraja Ladoga to the Caspian Sea; and third, to find out if this boat type, as the evidence suggests, could be used on the different rivers, including the Volga. Two visits were made to Russia; one in January 2020 and one from August to October 2021³⁷.

---

³³ As discussed above, in Chapter 2 and according to sources, there is little doubt that Rus was a mixed ethnic group in 907 and 941.

³⁴ The focus of identity might keep the latent controversy of Normanism versus Anti-Normanism discussed by many [Lebedev, 2005a; Melnikova, 2012] at bay.

³⁵ Rieck, Crumlin-Pedersen, 1988, pp. 79–90.

³⁶ This field study was made possible with the help from Mikhail Sergievich Napylov, Vladimir Prokhorov, Jury Nemtsov and Nikolai Fjordovich.

³⁷ Initially, one visit more was planned in May 2020, however, the Covid-19 pandemic did not allow that.

5.1. The building process of “ботник”

The ancient technology of making ELBs is without precedence among Viking Age vessels preserved in present day Russia and Estonia [Parts, 2019]. It has been uniquely handed down through the generations, on the outskirts of Old Rus. It is proof of the former use and importance of the ELB that the craftsmanship of this boat type has uniquely survived in a village near the Volga and close to Old Rus in Estonia near the Baltic Sea.

In January 2020, the process of building three ELBs began in Russia (see Fig. 5). They were made of aspen (*Populus Tremula*) similar to finds of the ELB in Novgorod and still used to make the ELB in Estonia.

Fig. 5. Building of ELB. Photo Anton Belousov, 2020

Right from the beginning it was evident that the building process was quite similar to the one described above in DAI, in particular with respect to criteria 7 and 8. The trees, around 70 years old, were cut down in winter, and from this time until spring, the logs were carved and formed into an ELB.

Today the boatbuilder Mikhail Sergeevich Napylov makes the boats together with his neighbor Viktor. Normally they make two boats, one for each. Mikhail Sergeevich Napylov described how, as a child, he went to the forest in the winter with his father to make boats. His father made boats without chainsaws — there were none at the time — so he used an

axe, an adze, a plane and a brace with drills. “In winter, my father and I went to the forest to choose aspens for the Botnik. It was a very hard work in the middle of winter, yet our family needed the money we could earn by building the boats.”

For many years, Mikhail Sergeevich Napylov has been making ELBs. He knows all the right aspens in the nearby forest and knows which one to choose for a given size of boat. In detail, the manufacture of the ELB in Aristovo was registered as follows³⁸:

First he chooses the right diameter of an aspen. They come up to a tree and wrap their arms around it at chest level. If there is a gap between their hands of about 30 cm or more, then such an aspen is considered suitable for making an ELB.

The trunk of the tree should be cylindrical; there should not be any twigs, rot, tinder fungus, cracks and other defects above its height of 6–8 m. The trunk of the tree should be straight; a slight curvature is allowed on one side, where the bottom of the boat will be. The optimal length of the ELB is 5 m. With this length the best shape is obtained when expanding, but they are made to be both 4.5 m and 5.5–6.5 m. (Here Fillipov mentions that they could be made up to 7.5 m [Filippov, 2020].) The larger the diameter of the aspen, the longer the ELB can be. They build Botniki both in the forest and near their homes. The process of shaping the log into the desired shape consists of several stages as follows:

The log is placed on two underpads of a small diameter.

They turn the log onto its supporting pads, looking for the side where there is a bump in the middle part. This will be the bottom of the ELB. From the center of this curved part to the bow and stern, they begin to cut to a difference of 5 cm. They can immediately make cuts in the bow and stern to give them the desired bend.

Then, they place the aspen with that hewn side on the backing board, the way the ELB is going to be positioned on the water. Then they hew the right and left sides of the aspen with an axe, polishing them into a straight line. And immediately, cross-cuts are made every 5 cm along the top of the tree. They try not to make deep cuts in the middle part of the tree, so that the width of the tree cavity remains about 20 cm. Then the cuts grow gradually deeper, so that the closer to the stern and the bow, the notch is as deep as 1/3 of the trunk's diameter. At the finishing stage, the tree trunk is polished. The depth of the notch is almost as deep as half the diameter of the tree. The gashes are chopped off with an axe, and this polished part is turned down, so that the ELB's bottom is on top.

After that, they find the center of the polished tree trunk and draw the centerline from the stern to the bow. Using an axe, they work on the ELB's

---

³⁸ The author together with Mikhail Sergeevich Napylov and the filmmaker Jury Nemtsov made this description of the building process.

desired shape, watching the centerline. The shape is similar to the shape of an egg. This applies to the top, bottom and sides of the tree trunk.

All the surfaces are carefully levelled, so no dents are left. This is the most important part of the manufacturing process, since the shape of the ELB depends on it and how it will be expanded (straightened).

Next, polishing is performed with a plane.

Then, holes whose are drilled of 6–8 mm in diameter, with a depth of about 5 cm. The distance between the holes is 25–30 cm. They do not drill close to the edges of the ELB's boards.

They cut dry rods of buckthorn with a diameter of 6–9 mm, and a length of 20 mm. Then, they soak them overnight in water until they get a brown color.

The log is placed upside down; they make cuts along the sides in the inner part and then cross-cuts, but carefully so as not to saw through the wall of the tree trunk. All this is poked out with a groove or an adze. The finishing internal processing is done with an adze, which is necessary for this work, until the moment when a round speck appears — the end of the previously hammered buckthorn. This means that it is impossible to further polish (chop off) the wood otherwise the board would be thinner than 20 mm.

The boards are levelled with an axe to the desired shape and until the expansion (straightening) time is covered with snow or completely soaked in a reservoir with water. (Here Fillipov mentions that the log needs to be in water for at least a week [Filippov, 2020].)

In order to expand (straighten) the tree trunk, they make a fire from dry wood along the entire length of the ELB. Poles are placed at a height of about 1 m. They let the fire burn a little until the flames are reduced. The tree trunk is placed in the center of the fire on the poles with the bottom up for heating from the inside. After 40–50 min. the body of the boat becomes elastic and loses its rigidity. At this time, the tree trunk is turned upside down again; they place clamps made of wood bars in the stern and in the bow, so that the sides do not break, and they continue to heat it up. Then they turn the tree trunk on one side, then on the other, and at this time, they place rowan rods with a bend of the required length crosswise, to stretch the sides with tension. Under this influence, the sides open — first one, then the other.

Towards the end of the straightening process, the rods from one board are placed on the other. When expanded (straightened) to the desired shape, the finished ELB is removed from the fire and put on the ground.

At this time, in addition to the rods, 5 spacers made of thin wood are placed between the upper edges of the boards, fastened with nails. Then they put the ELB in the shade under the roof so it dries for one month.

At the end of the drying process, the boards are finally levelled and they put 5 frames inside the hull, each of which are adjusted in their place.

At the end of the work, the ELB is coated with pine resin at least twice and dried well. Outside, in the stern and bow, in the end part, they place strips of thin sheet metal 30 mm wide and 50–60 cm long to prevent cracking. In the old days, instead of the metal sheet, they nailed down branches of bird cherry or mountain ash sticks cut along their length.

Filippov [Filippov, 2020] has made another description of the craft on the river Kerzenets in Nizhny Novgorod oblast. In Estonia, Keerdo [Keerdo, 2011] and Parts [Parts, 2019] have described the Estonian process of making the ELB. Comparing these descriptions shows the existence of a widespread craft of making these ELBs. Harri [Harri, 2010] has discussed and described the diffusion of the ELB. He argues that the method underwent developments and several different methods existed, which is verified by studies made by this author of Estonian and Russian methods of making the ELB.

5.2. The eastern route from Staraja Ladoga to the Caspian Sea

To test ELB for long-distance travel, the field study followed a route different from the PIVG³⁹, the route that, in the Viking Age, led from Staraja Ladoga to the Volga and all the way to the Caspian Sea.

How Scandinavians in the Viking Age reached the Volga is unexplored. We know some came via the White Sea. Regarding the entry via the Baltic Sea to the Volga, there is [Makarov, 2017] a tendency among scholars to think Scandinavians exclusively followed the route along the river Svir to the Volga. However, there are comparatively very few finds along this route and it was longer than the route discovered in this field study. Today channels and log systems connect the route via the Svir. Nevertheless, not all maps from before the establishment of the channels and logs show this route.

Studies of maps, literary sources, and material finds [Kochkurkina, 1989; Kochkurkina 2018; Stalsberg, 2001] supported by Franklin and Shepard [Franklin, Shepard, 1996] suggest the existence of a route from Staraja Ladoga via several smaller rivers to the Volga (see Fig. 1). From Staraja Ladoga, the river Volkov led, via the Ladoga Lake to the river Sjas. Via Sjas, the river Tikhvinka was reached. From here, they could follow the rivers Sominka, Goryn, Tjagoda, Tjagodesja, and Mologa to the Volga.

---

³⁹ In 2017, the author found and followed the PIVG [Frank, 2020].

During the field study, this route was explored several months after the snow and ice had melted — during the months August, September and October. This is a period of low water compared to spring. Also in the Viking Age, the water was at its highest level in spring. Still, all year long (when the rivers were free of ice) the river flow was strong and dangerous. Local knowledge and experience of navigating the rivers was crucial, especially on the smaller rivers.

Along this route, the Viking Age settlements⁴⁰ in Staraja Ladoga, Aalaborg, Tikhvin, Timerevo, Bolgar and Itil were visited during the field study. The itinerary of the study excluding the layover days is presented in Table 1⁴¹.

Table 1. Route from Staraja Ladoga to the Caspian Sea

Start	End	River	Days	Distance, km
Staraja Ladoga	Aalaborg	Volkov, Sjas	3	101
Aalaborg	Tikhvin	Sjas, Tikhvinka	2	60
<i>Tikhvin</i>	<i>Somina</i>	<i>Ruined log system made navigation impossible</i>		
Somina	Timerevo (Jaroslavl)	Sominka, Goryn, Tjagoda, Tjagodosja, Mologa, Volga	9	424
Timerevo	Gorodets	Volga	6	337
Gorodets	Nizhny Novgorod	Volga	1	50
Nizhny Novgorod	Cherboksary	Volga	5	344
Cherboksary	Bolgar	Volga	4	248
<i>Bolgar</i>	<i>Volgograd</i>	<i>Boat moved by truck</i>		
Volgograd	Astrakhan	Volga	8	372
Total distance rowed, km				1936

⁴⁰ From these places, we have important finds of Scandinavian presence including boat graves at some of the sites [Kochkurkina, 1989; Kochkurkina, 2018; Franklin, Shepard, 1996; Makarov, 2017; Stalsberg, 2001; Sorokin, 2012; Sorokin, 2018].

⁴¹ The idea of the study was to visit historical places and talk to scientists. Therefore, more layover days were necessary.

Though the field study was not a conventional archaeological experiment, together with the study in 2017 [Frank, 2018], it provides a guideline of the time needed during late summer and autumn. More importantly, the study proved that this route was used in the Viking Age. We must imagine that Scandinavian merchants and other travellers followed this route as early as the late 8th century.

5.3. Navigating “ботник”

Due to Covid-19 the ELB ended up being stored for one year after its production before its actual use. In May 2020, it was painted with tar inside and on the hull for the first time. It was painted a second and third time on the hull in June and August 2021, some weeks before departure. The ELB weighed c. 40 kg at the beginning and 46 kg after 50 days in water, approximately 10 h a day.

The expedition began on August 6, 2021 in Staraja Ladoga by the old natural harbor used in the Viking Age. It ended on September 25 in Astrakhan by the Caspian Sea.

The ELB was not fitted with rowlocks as mentioned in DAI, and it was rowed by only one man⁴².

For a period of 50 days (see Table 1), the boat was rowed nearly 2000 km, in high winds up to 13 m/s, waves up to 1 m and, for shorter distances against a current up to 3.5 kn. It was dragged against the current, when the current was higher than 3.5 knots. This was the case for the first part of the route. Therefore, more time was needed for this part (see Table 1).

During the night, the boat was carefully dragged on land. Besides the weight of an approximately 80 kg man, the equipment, including water up to 20 L, was around 40 kg. Under optimal conditions, it could manage a distance up to 75 km during 10 h of constant rowing. The ELB was painted with tar two times on the hull during the expedition.

The ELB performed very well in the different types of water on this route. It is a very light and stable boat, which sits well on waves and is easy to navigate and steer. The traditional tar coating preserved the boat well though it had to be painted a third time on the hull after 20 days on the water. The hull was able to withstand rocks and stones. During

---

⁴² If the actual ELB were to be fitted as indicated in DAI with rowlocks, sail and rudder, it would be possible to obtain more knowledge about this boat type and thereby the travels to the East in the Viking Age.

the expedition, evidence of similar boats were found along the ancient route to the Caspian Sea, more precisely in Somina, Gorodets, Nizhny Novgorod, Kazan and Bolgar.

6. NAUTICAL INSIGHTS TO RELIGIOUS EXCHANGE AND TRANSITION

The field study supports and elaborates the analysis of DAI. Thereby, the value of DAI as an accurate historical text with first-hand witnesses is emphasized⁴³. Most importantly, the field study together with the analysis of DAI, presents new insights concerning the production of the ELB, the use of the ELB and information about the exposure to Christianity within this period.

6.1. *The performance of the ELB in the unfitted version*

The test (Table 1) of the ELB confirmed that these boats, as argued in DAI, could travel long distances to Constantinople. These boats could be dragged through difficult waters with boulders, bending riverbeds and strong currents. They could be carried on shoulders if necessary. Thereby, not only are DAI's claims about the fitted ELB proved, but more knowledge about their performance has been acquired. This shared technology made large-scale expeditions possible against the current on the Volkov and Lovat and the passing of the barrages on Dnepr all the way to Constantinople.

6.2. *The production of the ELB and its consequences*

Concerning the production of the ELB, we must imagine a boat-building process somewhat similar to that of the field study. This was the situation in many places in Old Rus during the Viking Age, as mentioned in DAI. Scandinavians at some point found out that they could use this technology⁴⁴. This set the scene for the exchange of skills and cooperation. It was, as discussed in the analysis of DAI, most likely conducive to the development of the Rus as a mixed Slavic-Scandinavian group. Rus, as a group, were especially bound together by nautical skills and sailing as their means of transport, namely nautical skills from

---

⁴³ This qualifies the other historical information in DAI about this period. The historical value of DAI is underlined.

⁴⁴ Westerdahl [Westerdahl, 2014, p. 85] proposes with reference to DAI that Rus during winter took part in the production and maybe even controlled it. This seems likely.

the sea and long-distance travels (Scandinavians) on the one side, and abundant Slavic boatbuilding skills of the ELB used on shorter distances and local knowledge of the geography on the other side. While the Scandinavian expeditions to the west were characterized by the fact that they could use their own vessels and technology all the way, Scandinavians in the east were forced to cooperate with native boatbuilders. In the early Viking Age, Scandinavians arriving in England were seen as a threat [Timofeeva, 2016]. In the east, the story turned out differently⁴⁵. Scandinavians needed assistance and could not be indiscriminately aggressive toward the local population.

6.3. *The question of production-numbers*

The study of the building process gives a profound understanding of how the vessels of DAI were actually constructed. In addition, it indicates how many ELBs could be produced at a time. PVL state that a great number of vessels were used by Rus in 860 (200), 907 (2,000) and 941 (10,000). The exact numbers for the year 860 are supported by another Byzantine source⁴⁶. However, in the Byzantine chronicle of Georgius Monachus the numbers of vessels are not mentioned. Instead, the chronicle as an indication of their numbers, state that the Rus surrounded Constantinople in their vessels. They spread great fear until the emperor took action and the Rus by divine intervention were defeated. The many vessels of the Rus sank [Georgius Monachus, Tomos 4, p. 161–167]⁴⁷. The magnitude of the attacking fleet in 860 is also indicated in the homilies of Photius [The homilies of Photius, 2018, p. 82–110]. The numbers for 907 are not known from other sources. Luidprand of Cremona writes concerning the attack in 941 “These people [Rus] had a king named Igor, who got together a fleet of a thousand ships or more, and sailed to Constantinople” [The works of Luidprand of Cremona, 1930, p. 185]. The chronicle of Georgius Monachus supports this. Here it is mentioned that the Rus came in thousands of vessels: “*Ἰουνίῳ δὲ μὲν ἰα’ κατέπλευσαν οἱ Ῥῶς κατὰ Κωνσταντινουπόλεως μετὰ πλοίων*

---

⁴⁵ It is the subject for another study, to compare the Scandinavian appearance in the West as described by Timofeeva with the appearance in the east during the Viking Age.

⁴⁶ See: [Anecdota Bruxellensia, 1984, p. 33]. It is likely that this source were known to the writers of PVL.

⁴⁷ It is widely acknowledged that PVL used The Chronicle of Georgius Monachus [PVL, 1953, p. 23–24]. In the text of PVL, it twice refers to this chronicle.

χιλιάδες” / “In the month of June the Russians came sailing down to Constantinople in thousands of vessels.” [Georgius Monachus, Tomos 4, p. 1001]⁴⁸. In DAI, there is no mention of how many boats were made. There are, however, indications that it was a large number, somewhat comparable to the numbers mentioned in PVL and the other sources.

The field study, to some extent, supports PVL and these sources. The fact that the boatbuilder with his neighbor in Aristovo made three boats in one winter, allows us to argue that 100 boatbuilders in the Viking Age could make approximately 150 boats within a season, provided there was enough wood available⁴⁹. Moreover, according to DAI, all the Slavic tribes in Old Rus, five of which are named in DAI [DAI, 1985, p. 57, 62], built the ELB for Rus. In PVL [PVL, 1953, p. 37], eight Slavic tribes are listed. If each of them had allocated 100 boatbuilders and had 150 logs at their disposal, it is possible that 1,000 ELB's could be produced. Moreover, if taken literally, the numbers 2,000 and 10,000 (PVL) must be seen in light of the fact that not only new vessels were used. The ELB could last more than one season. The boatbuilder Mikhail Sergeevich Napylov tells that if taken care of, the ELB could last up to 50 years. The number of vessels mentioned in PVL is additionally supported by the verification of the boat type (ELB) in the analysis and the field study. They were comparatively small boats. Therefore, many of these vessels, likely more than 1,000, were needed to transport the military campaign strategically necessary to attack Constantinople. Moreover, in DAI we are told that the M (ELB) came from five places and gathered in Kiev. These places were populated centers in Old Rus. They were clan centers with their own leadership and DAI as well as Luidprand of Cremona [The works of Luidprand of Cremona, 1930, p. 185] suggest that all these clans gathered forces in order to attack Constantinople. In comparison, *The Chronicle of Novgorod*, as mentioned above (Chapter 2), tells that 4,000 men (3,000 Slavs and 1,000 Varangians) in 1016 went from one of these five places (Novgorod) to Kiev.

Taken together, it is plausible that a great number, more than 1,000, of new and old ELBs sailed to Constantinople. It supports the claim in PVL that a considerable number of Scandinavians and Slavs reached Constantinople in 860, 907 and 941.

---

⁴⁸ Ibid.

⁴⁹ This author in 2022 found unverified evidence that an Estonian boat builder made 30 ELBs in one season. It was supposedly his record.

6.4. *The magnitude of the exposure to the Eastern Roman Empire*

That great numbers of Rus reached Constantinople implies and verifies the information that many Rus were exposed to Christianity in Constantinople. One source tells that Rus, after their defeat in 860, asked the Patriarch Photius to send a bishop⁵⁰, which he did and a few years later, supposedly, an archbishop was sent with many gifts and performed a miracle with the use of fire that convinced the Rus⁵¹.

The actual influence of this early Christianisation of the Rus and Old Rus territory caused by the Rus' arrival in Constantinople has been debated and questioned, by several scholars [Shepard, 2009]. However, the proof of the magnitude of these expeditions leaves no doubt that a massive exposure of Rus to Eastern Roman Christianity was the case since 860. From that time on, a period of religious and ideological transition began, until the final adoption of Christianity in both Scandinavia and Old Rus.

Since the late 9th century, a Byzantine sea (an appointed bishop) existed in Old Rus. Moreover, after the Rus' attack on Constantinople in 907 the peace treaty of year 912 mentions Rus in the service of the emperor [PVL, 1953, p.43], which is corroborated by Byzantine sources telling that no less than 700 Rus in 911 were part of the Byzantine marine⁵². This implied loyalty to the Christian emperor, though it is questionable if that included baptism for all of them.⁵³

From the beginning of the 10th century, Rus' exposure to Eastern Roman Christianity had intensified. In 945, PVL tells that many Christian Varangians resided in Kiev and that there was a church there [PVL, 1953, p.55]. The peace treaty from the same year mentions many Christian Rus' [PVL, 1953, pp.50–51]. According to the names in this treaty, some of them were of Scandinavian descent. Furthermore, as mentioned above, DCB tells that baptized Rus served at the Imperial Palace in Constantinople [DCB, 2014, p.579]. Therefore, it is reasonable to argue that a considerable number of the Rus were baptized in Constantinople as a consequence of this massive exposure.

---

⁵⁰ See: [Theophanes Continuatus, 1838, p. 196]. This is corroborated by Photius himself, who writes that he sent a bishop [Photii Patriarchae Constantinopolitani Epistulae et Amphilochia, 1983, p.50].

⁵¹ See: [Theophanes Continuatus, 1838, pp. 342–343].

⁵² Luidprand of Cremona mentions a similar use of Rus c. 960 [The works of Luidprand of Cremona, 1930, p.252].

⁵³ As opposed to service at the imperial palace according to DCB, there is no proof that this military service entailed baptism.

6.5. The first major elite Scandinavian conversion

It is likely that a Scandinavian Christian community of practice came into existence in Old Rus and Constantinople⁵⁴, and this suggests that the first major conversion of the Scandinavian elite took place abroad in Constantinople⁵⁵. This hypothesis of a Scandinavian Christian community abroad is supported by an anecdote in *Gesta Danorum* by Saxo Grammaticus. The Danish king Erik Ejegod in Constantinople c. 1100 met a military unit of Danes in the service of the emperor (as Varangians). He conversed with them, in his mother tongue and praised them for their service over the generations. He told them that, if they returned home, they would be rewarded well [*Gesta Danorum*, XII, 7.2].

6.6. Christianisation of Scandinavians in the east was part of the Christianisation of Rus and Old Rus

For Scandinavians the exposure to Christianity in Constantinople was intertwined with the similar exposure of Old Rus' elite society. Before the first Scandinavian king adopted Christianity, this resulted in the baptism of Princess Olga in 955 [DCB, 2014, p. 594–598]. She was baptized in Constantinople most likely together with her retinue of Rus' elite, and the emperor himself, Constantine VII, was her godfather. This indicates that the Byzantines and the Eastern Roman emperor considered Olga the head of the Old Russian State. It is likely that a rather large number in her retinue was baptized. This was the case more than a century before in 826 when the Danish king Harald Klak was baptized in Ingelheim in the presence of the West Roman Emperor Luis the Pious.

A few years after her baptism in 960 the Rus and most likely Olga requested a bishop from the Western Roman Emperor Otto I [*Annales Hildesheimenses*, p. 60]. In the period of religious transition when Christianity was adopted in Scandinavia, it is important to take into consideration the possible influence of this eastern exposure to Christianity. Moreover, this influence was part of the Christianisation process of Old Rus and the Rus (as groups of different ethnicities).

---

⁵⁴ This is to some extent, supported by the Danish scholar John Lind who has advocated for a Varangian Christianity [Lind, 2017].

⁵⁵ How this new religion manifested itself among the Scandinavians is outside the main scope of this paper. It is however likely, that elements of old Scandinavian customs and rituals remained.

7. CONCLUSION

The ability to combine Scandinavian nautical technology with Slavic technology gave access to the Christian World in the east. The existence of compatible Slavic technology was a precondition for the eastern exploits, and it set the scene for exchange.

The Slavic boat *ботник* is the actual basis of the fitted boat of the Rus mentioned in DAI as the *μονόξυλος* and most likely in PVL as the *скедия*. This ELB, which is uniquely preserved in a living boat-building tradition in Russia, made it possible for the Scandinavians and the Slavs, to move further and further south along the rivers in great numbers in spite of the fact that the routes from the north at Staraja Ladoga did not allow big ships.

To move along the rivers in the east, Scandinavians needed skilled boatbuilders among them and it opened up a transfer of skills and a close relation with the Slavs. It was only a question of time before Rus, as a term for the people arriving by sea in the early Viking Age, was used as a name for the numerous Slavs living along the rivers, making the ELBs and taking part in the expeditions. At some point, the tables turned and the Slav Rus' were the ones to invite Scandinavians to join. By virtue of their nautical technology Slavs became Rus.

Even though adventurous Scandinavians might have instigated the travels to the east, these expeditions to the east in the Viking Age were, by their nature, voyages of exchange and were likely to result in friendships being formed between the ethnicities instead of animosity. A bilingual community of practice appeared. For Scandinavians, the territory of Old Rus was not only a place with conflict. Over time, it also became a place of assimilation and integration somewhat different from their western destinations.

The shared technology made it possible for Scandinavians in large numbers to meet the Eastern Christian Empire in Constantinople during the Viking Age. This confrontation was nothing short of a massive exposure to a new religion dressed up in imperial ideology, architecture and grandeur. Years before their kings, adopted Christianity, this exposure of the Scandinavian travellers, as an ethnic group was part of the larger mixed group, the Rus. During the campaigns of 860, 907 and 941 several thousand Rus reached Constantinople by sea. In Old Rus, the consequences of that culminated in year 988 when Grand Prince Vladimir adopted Christianity. However, decades before and earlier than the baptism of Princess Olga in 955, elite Rus, and thus elite Scandinavians, became Christians in the East.

While some Scandinavians stayed in Constantinople and others settled in Old Rus, some returned to their homeland, made rich by their exploits and as now baptized with gifts from the emperor. In narratives about their exploits abroad they took home with them the impressive idea of a powerful Christian empire, Byzantine style. It is difficult not to imagine that these highly respected returnees facilitated the religious transition in Scandinavia, which in Denmark culminated in 965.

This particular eastern influence of Scandinavia was part of a larger transition in Old Rus, and Scandinavian kings, like Constantine and Charlemagne centuries before them, understood that the new religion they met abroad was a powerful tool in their hands. It was in their interest, and a great honor as appointed by their new triune god, to adopt Christianity.

The analysis and field study presented in this paper have provided several new insights. However, the matter needs to be further explored by new field studies within the framework envisioned by the Russian scholar Gleb Lebedev that “the time has come to examine the ancient water-route with pre-sailing boats powered exclusively by oars” [Lebedev, 2005b, p. 384]. The unique evidence of the Viking Age boat *σκαφίδιον* and present-day Russian *ботник* raises new questions. Just as it tells the story of how Scandinavians together with Slavs met the Christian culture abroad in great numbers, it might tell a far older but somewhat similar story of how culture moved north from the east before Christianity appeared as a new religion⁵⁶.

ABBREVIATIONS

- DAI — De administrando imperio
- DCB — De Cerimoniis Aulae Byzantinae
- ELB — Expanded logboat
- LB — Logboat
- M — Monoxylon
- PVL — Povest' vremennykh let
- PIVG — Put' iz varjag v greki

---

⁵⁶ One question is whether the ELB was brought from present-day Russia to the North where it became part of the development of the Viking ship in the late Iron Age as suggested by Crumlin-Pedersen [Rieck, Crumlin-Pedersen, 1988, p. 92] and Von de Moortel [Von de Moortel, 2009]. Did Scandinavians, when they more than 2000 years later returned to Russia in the Viking Age, find this technology preserved in the old form, with which they were somehow familiar? This author wishes to use the ELB of the field study to explore that hypothesis in 2022.

MEDIEVAL SOURCES

- Annales Hildesheimenses*. Available at: https://www.dmgh.de/mgh_ss_3/index.htm#page/63/mode/1up (accessed: 02.01.2022).
- Anecdota Bruxellensia*, ed. F. Cumont. Gand: Librairie Clemen (H. Engelcke successeur), 1894. 119 p.
- Das Buch der Lander*, transl. by A. D. Mordtmann. Hamburg: Druck des Rauhen Hauses in Horn, 1845. 204 p.
- De administrando imperio*, ed. G. Moravcsik, transl. by R. J. H. Jenkins. Washington, D. C.: Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies, 1985. 354 p.
- De ceremoniis aulae Byzantinae Libri Duo*, vol. 1, transl. by J. J. Reiske. Primary Source Edition, 2014. 876 p. (In Greek)
- El-Mas'udis's Meadows of Gold and Mines of Gems*, transl. by A. Sprenger. London: Harrison & Co, 1841. 464 p.
- Eiríksdrápa*, transl. by J. Carrol. In: Whaley D. (ed.). *Poetry from the Kings' Sagas 1: From Mythical Times to c. 1035. Skaldic Poetry of the Scandinavian Middle Ages I*. Turnhout: Brepols, 2012. 487 p.
- Georgius Monachus*. Available at: https://www.documentacatholicaomnia.eu/30_20_0800-0900-_Georgius_Monachus.html (accessed: 21.08.2020).
- Gesta Danorum*. Available at: <http://wayback-01.kb.dk/wayback/20101108105429/http://www2.kb.dk/elib/lit/dan/saxo/lat/or.dsr/> (accessed: 02.12.2021).
- Haralds saga Sigurðarsonar*, transl. by A. Finlay, A. Faulkes in Snorri Sturluson. Heimskringla Vol. III. Magnus Olafsson to Magnus Erlingsson. London, 2015. 292 p.
- Illarion's Sermon on Law and Grace*, transl. by S. Franklin. *Sermons and Rhetoric of Kievan Rus'*. Harvard: Harvard University Press. 1991. 326 p.
- John Skylitzes: a Synopsis of Byzantine History 811–1057*, transl. by J. Wortley. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2010. 491 p.
- Knútsdrápa*. Available at: <https://skaldic.org/m.php?p=text&i=1356> (accessed: 06.06.2022).
- Kristni saga*, transl. by S. Gronlie. London: Viking Society for Northern Research, 2006. 148 p.
- Leonis Imperatoris Tactica*, transl. by R. Vari. Budapest: Budapestini Academia Litterarum Hungarica, 1917. 370 p.
- Russkaya Pravda*. Available at: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4947> (accessed: 02.12.2021). (In Russian)
- Photii Patriarchae Constantinopolitani Epistulae et Amphilochia*. Vol. 1. *Epistularum pars prima*, ed. B. Laourdas, L. G. Westerink, 1983. 197 s.
- Strategikon of Kekaumenos*, ed. M. D. Spadaro. Alessandria: Ed. dell'Orso, 1998. 254 p. (In Greek)
- The Alexiad*, transl. by E. A. Dawes. London: Kegan Paul, 1928. 427 p.
- The Annals of St. Bertin (839) and Chacanus of the Rhos*, ed. I. Garipzanov. *Ruthenica*, 5, 2006. P. 7–11.
- The book of routes and provinces*, transl. by C. B. De Meynard. *Journal Asiatique*, 1865 (May–June). P. 446–532.

- The Chronicle of Novgorod 1016–1471*, transl. by R. Michell, N. Forbes. London: Offices of the Society, 1914. 237 p.
- The homilies of Photius*, transl. by C. Mango. Eugen, Oregon: Wipf and Stock Publishers, 2018. 340 p.
- The life of St George of Amastris*, ed. V. Vasil'evskij. *Russian-Byzantine studies*, 2, 1893. P. 1–73. (In Greek)
- Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus*, ed. by I. Becker. Bonnae, 1838. 951 p.
- The Russian Primary Chronicle: Laurentian text*, transl. by S. H. Cross, O. P. Sherbowitz-Wetzor. Cambridge, Massachusetts: The Mediaeval Academy of America, 1953. 313 p.
- The Saga of Hacon, transl. by Sir G. W. Dasent. *Icelandic Sagas and Other Historical Documents Relating to the Settlements and Descents of the Northmen on the British Isles*, vol. 4, London, 1894. 491 p.
- The works of Luidprand of Cremona*, transl. by F. A. Wright. New York: E. P. Dutton & Company, 1930. 306 p.

REFERENCES

- Crumlin-Pedersen O. Skin or wood? A study of the origin of the Scandinavian plank-boat. *Ships and shipyards, sailors and fishermen*, ed. O. Hasslöf, H. Henningsen, A. E. Christensen. Copenhagen, 1972. P. 208–234.
- Crumlin-Pedersen O. Bådgrave og gravbåde på Slusegård. *Slusegårdgravpladsen III*, 1978. P. 97–241.
- Crumlin-Pedersen O. Marinarkæologisk Forskingscenter i Roskilde — en aktuel orientering. *Fortid og Nutid*, marts 1994. S. 24–52.
- Crumlin-Pedersen O., Jensen H. *Udspændte bade fra vikingetid og jernalder*. Roskilde: Vikingeskibsmuseet i Roskilde, 2018. 99 s.
- Edberg R. *En Vikingafard Genom Ryssland og Ukraina: Ett arkeologiskt eventyr*. Sigtuna: Vikingabatsforeningen Aifur och Sigtuna Museer, 1998. 96 s.
- Edberg R. *Vikingar i osterled: Gamla batar och moderna fardexperiment*. Stockholm: Stockholms Universitet, 2017. 63 s.
- Fabricius L. P. *Danmarks kirkehistorie*. København: Lohse, 1934. 1096 s.
- Filippov J. V. *Nizhny Novgorod one-tree boat — kerzhensky botnik*. 2020. Available at: http://cr-journal.ru/rus/journals/513.html&j_id=44 (accessed: 22.10.2021). (In Russian)
- Foote P., Wilson D. M. *The Viking Achievement*. London: Book Club Associates, 1974. 473 p.
- Frank T. *Min vej til vikingernes Byzans*. København: Kristeligt Dagblads Forlag, 2018. 364 s.
- Frank T. Rediscovering Russian-Scandinavian relations: The role of medieval Russian waterways. *Scandinavian Philology*, 18 (2), 2020. P. 409–427.
- Franklin S., Shepard J. *The emergence of Rus: 750–1200*. London: Longman, 1996. 450 p.

- Harri L. On the diffusion of the bark canoes, skin boats and expanded log boats in the Eurasian North. *A Circumpolar Reappraisal: The Legacy of Gutorm Gjessing (1906–1979)*, ed. C. Westerdahl. Trondheim, 2010. P.189–217.
- Hvass S. *Jelling-Monumenterne — deres historie og bevaring*. Kulturarvsstyrelsen, 2011. 91 s.
- Jackson T.N. *Eastern Europe in Icelandic Sagas*. Leeds: Arc Humanities Press, 2019. 216 p.
- Jesch J. *Ships and Men in the Late Viking Age The Vocabulary of Runic Inscriptions and Skaldic Verse*. Woodbridge: The Boydell Press, 2001. 330 p.
- Kainof C. J. *The Gnezdov archaeological complex. Materials and research*. Iss. 1. Moscow: Proceedings of the State Historical Museum, 2018. 552 p. (In Russian)
- Kainof C. J. *The Gnezdov archaeological complex. Materials and research*. Iss. 2. Moscow: Proceedings of the State Historical Museum, 2021. 472 p. (In Russian)
- Keerdo J. *Haabjaehituse teoreetilised põhimõtted ja praktilised lahendused*. 2011. Available at: <https://haabjas.files.wordpress.com/2019/03/2011-jaan-keerdo-magistritc3b6c3b6> (accessed: 02.01.2022).
- Koch H., Kornerup B. *Den danske kirkes historie I*. København: Gyldendal, 1950. 419 s.
- Koch H. *Danmarks kirke gennem tiden*. København: Gyldendal, 1967. 247 s.
- Kochkurkina S.I. The 10th — early 11th century artifacts in Karelia and in the South-Eastern Ladoga Region: Ethnocultural aspect. *Archeology*, 171 (2), 2018. P.7–15. (In Russian)
- Kochkurkina S.I. *Monuments of the South-Eastern Ladoga and Prionezhie*. Petrozavodsk: Karelia, 1989. 348 p. (In Russian)
- Lausten M. S. *Danmarks kirkehistorie*. København: Gyldendal, 1989. 352 s.
- Lebedev G. S., Zhvitchashvili I. B. *Dragon Nebo: on the Way from the Varangians to the Greeks. Archaeological and navigational research of ancient water communications between the Baltic and the Mediterranean*. St Petersburg: Nordmed Publ., 1999. 196 p. (In Russian)
- Lebedev G. S. *From the Varangians to the Greeks under sail and oars*. 1996. Available at: <https://norroen.info/articles/lebedev/nevo.html> (accessed: 23.08.2020) (In Russian)
- Lebedev G. S. Reassessment of the Normanist Question. *Russian History*, 32. 2005a. P.371–385.
- Lebedev G. S. *The era of the Vikings in Northern Europe and Russia*. St Petersburg, 2005b. 640 p. (In Russian)
- Lind J. H. Varangian Christianity' and the Veneration of Anglo-Saxon and Scandinavian Saints in Early Rus. *Identity Formation and Diversity in the Early Medieval Baltic and Beyond: Communicators and Communication*, ed. J. Callmer, I. Gustin and M. Roslund. Leiden; Boston: Brill, 2017. P.107–135.
- Makarov N. A. *Die Rus' im 9.-10- Jahrhundert: Ein arch.ologisches Panorama*. Mainz: Wachholtz Murmann Publishers, 2017. 541 s.

- McGuire B.P. *Da himmelen kom nærmere: Fortællinger om Danmarks Kristning 700–1300*. Frederiksberg: Alfa, 2009. 262 s.
- Melnikova E. The 'Varangian Problem': Science in the Grip of Ideology and Politics. *Russia's Identity in International Relations: Images, Perceptions, Misperceptions*, ed. R. Taras. Abingdon: Routledge, 2012, pp. 42–52.
- Moravcsik G. Critical Introduction. *Constantine Porphyrogenitos, De Administrando Imperio*, vol. 1, ed. by R. G. H. Jenkins, G. Moravcsik. Washington, 1967. P. 15–39.
- Murasheva V., Malysheva N. Finds of Wooden Ship Parts at Gnezdovo, Interaktion ohne Grenzen: Beispiele archaologischer Forschungen am Beginn des 21. Jahrhunderts, ed. by B. V. Eriksen, A. Abegg-Wigg, R. Bleile, U. Ickerodt. Schleswig: Archaologisches Landesamt Schleswig-Holstein, 2017. P. 671–682.
- Nyberg T. Danmarks kristning — fra Ansgar til Erik Ejegod. *Kristningen af Norden — et 1000-års jubil. um.*, ed. by L. Bisgaard, R. S. Christensen. Odense: Syddansk Universitet, 2002. S. 37–57.
- Nylén E. The Krampmacken Project. *Sailing into the past*, ed. by O. Crumlin-Pedersen, M. Vinner. Roskilde: Vikingeskibsmuseet i Roskilde, 1986. P. 104–113.
- Okorokova A. B. Traditional shipbuilding as part of the cultural heritage of the peoples of Russia. Moscow: Institut Nasledii Publ., 2021. 558 p. (In Russian)
- Parts P.-K. A brief manual for building an Estonian dugout canoe. *Studying Estonian heritage craft technologies: best of Studia Vernacula 2013–2019*, 11, 2019. P. 190–199.
- Ravn M. *Viking-age War Fleets: Shipbuilding, resource, management and maritime warfare in 11th-century Denmark*, Viking Ship Museum Roskilde, 2016. 161 p.
- Rieck F., Crumlin-Pedersen O. *Bade fra Danmarks Oldtid*. Roskilde: Vikingeskibsmuseet i Roskilde, 1988. 180 s.
- Roesdahl E. *Vikingernes verden*. København: Gyldendal, 1993. 335 s.
- Rydzevskaya E. A. Information about Old Ladoga in Old Norse Literature. *KSIIMK*, 11, 1945. P. 51–65. (In Russian)
- Sawyer P. Da Danmark blev Danmark: 700–1050. *Gyldendal og Politikens Danmarkshistorie*, vol. 3. Ed. O. Olsen. København: Gyldendal, 1988. 376 s.
- Shchhavelev A. S. Treatise De Administrando Imperio by Emperor Constantine VII Porphyrogenitus: Date of the Paris. GR. 2009 Copy, Years of Compiling of the Original Codex, and a Hypothesis about the number of Authors. *Studia Geraneae*, 9, 2019. P. 681–704.
- Sevcenko I. Re-reading Constantine Porphyrogenitus. *Byzantine Diplomacy*, ed. by J. Shepard, S. Franklin. London, 1992. P. 167–195.
- Shepard J. The coming of Christianity to Rus: Authorized and unauthorized versions. *Conversion to Christianity from Late Antiquity to Modern Age: Considering the Process in Europe, Asia, and the Americas*, ed. by C. B. Kendall, O. Nicholson, W. D. Phillips, Jr., M. Ragnow. Minnesota: University of Minnesota, 2009. P. 185–222.

- Sorokin P. Waterway from Varangians to the Greeks: Some results of experimental study on Medieval navigation. *Between continents: Proceedings of the twelfth symposium on boat and ship archeology*, ed. by N. Günsenin. Istanbul: Offprint, 2012. P.279–286.
- Sorokin P. *Waterways and Shipbuilding in North-western Russia in the Middle Ages*, 2002. Available at: <https://dengelen.com/~m10354/mar/rus-ship.htm> (accessed: 27.08.2020).
- Sorokin P. Viking boats in Medieval Russia from written and archeological evidence. *Archaeonautica*, 21, 2021. P.371–375.
- Sorokin P. The boats from graves on the Territory of Old Russia. *Stratum plus*, 5, 2018. P.235–250.
- Stalsberg A. Scandinavian Viking age boat graves in Old Rus'. *Russian History*, 28 (1), 2001. P.359–401.
- Swane G. O. *Nesters krønike*. Aarhus: Vormianum, 1983. 325 s.
- Timofeeva O. The Viking outgroup in early medieval English chronicles. *Journal of Historical Sociolinguistics*, 2 (1), 2016. P.83–121.
- Van de Moortel A. The Utrecht ship type. *Between the seas: transfer and exchange of the eleventh international symposium on boat and ship archeology*. Mainz, 2009. P.329–336.
- Van de Moortel A. Medieval boats and ships of Germany, the Low Countries, and northeast France — archeological evidence for shipbuilding traditions, shipbuilding resources, trade, and communication. *Siedlungs- und Küstenforschung im südlichen Nordseegebiet (SKN)*, 34, Rahden; Westf, 2011. P.67–104.
- Voronin H. H., Kapger M. K., Tikhanova M. A. *Istoriia kultury Drevnei Rusi*. Vol. 1. 1951. 501 p. (In Russian)
- Westerdahl C. Boats, Portages and Texts. Comments on society and water transport in inland Russia during the Viking Age. *Norsk Maritimt Museum. Årsbok*, 2014. P.71–109.
- Widerberg L. Med Fornkåre genom Ryssland 2013. *Sigtuna Dei*, 2014. S. 82–87.

Томас Франк

Университет Орхуса, Дания

**УНИКАЛЬНАЯ СОХРАНИВШАЯСЯ СЛАВЯНСКАЯ МОРСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ
КАК ФАКТОР РЕЛИГИОЗНОГО ОБМЕНА И ПЕРЕХОДА В СТАРОЙ РУСИ
И СКАНДИНАВИИ**

Для цитирования: *Frank T. Uniquely preserved Slavic nautical technology behind religious exchange and transition in Old Rus and Scandinavia // Скандинавская филология. 2022. Т. 20. Вып. 1. С. 169–209.*
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2022.111>

Для того чтобы понять, как распространялись мировые религии, такие как христианство, необходимо исследовать пути религиозного обмена. В данной работе рассматривается воздействие христианства на скандинавов в эпоху викин-

гов в контексте морских путешествий и теологии. В настоящем исследовании используются литературные, изобразительные и материальные свидетельства, а также полевые исследования древнего судостроения, которое уникальным образом сохранилось в России. Приводятся свидетельства того, что множество скандинавов достигли христианской метрополии Константинополя, адаптировав свои навыки строительства лодок к славянским морским технологиям. Анализ текста *De Administrando Imperio* позволяет доказать, что скандинавы использовали и оснащали славянскую расширенную бревенчатую лодку, названную в тексте скафидион («скафидион») по пути «из варяг в греки» из Новгородской области. В статье утверждается, что именно эта славянская технология была предпосылкой для морских экспедиций в Константинополь и что она предлагает новое объяснение того, почему славяне со временем использовали термин «Русь» в качестве обозначения для самоидентификации. В статье показано, что этому способствует полевое исследование русского расширенного бревенчатого судна — ботника. Это исследование обосновывает утверждение в русской летописи «Повесть временных лет» о том, что несколько тысяч скандинавов и славян достигли Константинополя во время морских экспедиций в 860, 907 и 941 гг., а также информацию о том, что некоторые из них были крещены в Константинополе в эти годы. Утверждается, что первое крупное обращение скандинавской элиты произошло за границей. Благодаря ботнику скандинавы вместе со славянами познакомились с идеей и реальностью христианской империи задолго до того, как их короли и великий князь приняли христианство.

Ключевые слова: *De Administrando Imperio*, *Повесть временных лет*, суда эпохи викингов, Русь, варяги, ботник, религиозный переход, христианство, лодейные могилы, Старая Ладога, Константинополь, король Харальд Синезубый, великий князь Владимир, Скандинавия, эпоха викингов, путь *из варяг в греки*, моноксилос, скир.

Thomas Frank

PhD, Affiliated Researcher,

University of Aarhus,

7, Jens Chr. Skovs Vej, Aarhus, 8000, Denmark

E-mail: tofr@km.dk

Received: December 7, 2021

Accepted: January 20, 2022

УДК 811.113.4

Борис Жаров

Независимый исследователь

ИЗ ИСТОРИИ ДАТСКО-РУССКОЙ ДВУЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ. ИВАН ЩЕЛКУНОФФ (1870–1966) И ЕГО СЛОВАРЬ

Для цитирования: Жаров Б. С. Из истории датско-русской двуязычной лексикографии. Иван Щелкунофф (1870–1966) и его словарь // Скандинавская филология. 2022. Т. 20. Вып. 1. С. 210–220.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2022.112>

Первый в истории датско-русский словарь (*Dansk-Russisk Ordbog*) был опубликован в Дании в 1949 г. Его составитель Иван Щелкунофф (*Ivan Stchelkunoff*) родился в Копенгагене в семье, переехавшей из России. Получил хорошее образование, учился в престижной школе «Метрополитен», затем в Копенгагенском университете, где изучал латинский, греческий и английский языки. В 1901–1910 гг. был православным диаконом в Афинах. Годы после возвращения в Данию до 1917 г. были весьма успешными. Он был священником Императорской дипломатической миссии России, настоятелем Церкви Александра Невского в Копенгагене. Осуществил несколько проектов, связанных с Россией. Опубликовал книгу на материале истории России «Письма императрицы Екатерины к вдовствующей королеве Юлиане Марии», перевод романа И. С. Тургенева «Накануне». Выпустил «Учебник русского языка для начинающих», учебное пособие «Русская коммерческая корреспонденция» и два карманных словаря: датско-русский и русско-датский. В начале 1920-х гг. переехал из Копенгагена на остров Борнхольм, где стал учителем. О своей жизни он рассказал в книге «Пятьдесят лет под золотыми куполами. Дания, Греция, Россия». К этому же периоду относится публикация переводов романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» и двух книг И. Г. Эренбурга. В 1945 г. уже после капитуляции Германии из-за нелепых распоряжений германского командования советским солдатам пришлось освобождать остров. В 1945–1946 гг., когда они находились на острове, Щелкунофф был «переводчиком для русских солдат». Датско-русский словарь создавался долго, с 1934 по 1946 г. В предисловии автор выражает благодарность Хольгеру Педерсену, оказывавшему ему помощь. Словарь опубликован в 1949 г. вскоре после принятия изменений в датской орфографии, но они не могли быть учтены. Сло-

варь ориентирован на датских пользователей, «которые хотят выучить русский язык, но может быть полезен для русских, которые, читая, захотят напрямую познакомиться с датской литературой». Поэтому автор обошелся минимальными грамматическими пояснениями. Отсутствуют списки сокращений и географических названий, которые даны в корпусе. Словник удовлетворительный для данного объема (примерно 30 000 слов), хотя присутствуют не очевидные для данной пары языков лексемы. В целом словарь можно оценить как надежный, добросовестно сделанный и появившийся очень своевременно.

Ключевые слова: датский язык, двуязычные словари, датско-русские словари, Иван Щелкунофф.

Первый в истории датско-русский словарь [Stchelkunoff, 1949] в 643 страницы большого формата был опубликован в Дании в 1949 г., составитель — Иван Щелкунофф. Его биография начинается 14 января 1870 г., когда у проживавших в Копенгагене россиян родился сын. Отец — Яков Иванович Щелкунов, так его имя писалось в России, а в Дании стало выглядеть как Jakov Ivanoff Schtschelkunow, причем в написании фамилии были разночтения, позже сам носитель выбрал вариант Stchelkunoff. Мать — Варвара Константиновна Николаевская (Varvara Konstantinova Nikulajevskaja). Данных о том, когда и при каких обстоятельствах они появились в Дании и чем занимались, обнаружить не удалось, так же как и о том, состояли ли они в официальном браке, но несомненно, что раньше они жили в России.

Об их взглядах судить можно по косвенным признакам. В возрасте двадцати лет их сын опубликовал перевод на датский язык сборника сибирских рассказов. Григорий Александрович Мачтет (1852–1901), писатель и поэт, в наши дни не очень известен. Между тем он был автором многих рассказов, очерков, романа, а также стихотворений, одно из которых стало весьма популярной в дореволюционную и советскую пору песней: «Замучен тяжелой неволей / Ты славною смертью почил». На титульном листе книги Г. А. Мачтета переводчик написал: «Переведено с разрешения автора» [Matschtet, 1890]. Эта пометка говорит, что либо сам переводчик, что маловероятно, либо же его родители были знакомы с писателем и, возможно, придерживались близких взглядов.

Иван Яковлевич Щелкунофф (Ivan Jakovlevitsch Stchelkunoff, отчество в Дании использовалось редко, только в официальных документах) прожил долгую и насыщенную событиями жизнь

[Dansk Forfatterleksikon]. Он получил на редкость хорошее образование, учился в очень старой и престижной школе, расположенной в самом сердце Копенгагена рядом с кафедральным собором, — гимназии «Метрополитен» (Metropolitanskolen), которая вела отсчет своей истории от церковной школы, открытой в 1209 г. В этой школе учились многие известные священники, ученые, политики и деятели культуры Дании. Чтобы лучше понять уровень гимназии, нужно знать, что через год после того, как в 1888 г. И. Щелкунофф окончил гимназию, студенческую фуражку получил учившийся здесь принц Кристиан, ставший в 1912 г. королем Дании Кристианом X. Позже один из воспитанников школы, писатель Ханс Шерфиг (Hans Scherfig, 1905–1979), увековечил ее в своем до сих пор популярном в Дании и переведенном на другие языки романе «Загубленная весна» (Det forsømte forår). Когда в 1936 г. гимназии стало тесно в старых стенах, ее перевели в другое место, а здание вплоть до 2016 г. использовал Копенгагенский университет¹. В 2009 г. школа торжественно отметила 800-летие, а через год объединилась с другой старой гимназией и стала называться «Гефион».

Для получения высшего образования И. Щелкунофф сделал всего несколько шагов. Рядом со школой находится главное здание Копенгагенского университета, где он стал изучать латинский, греческий и английский языки. Русский язык был его родным, а владение немецким и французским считалось тогда само собой разумеющимся, так что со знанием языков у него было все хорошо. Возможно, он посещал занятия на теологическом факультете, поскольку позже королевским указом получил официальное разрешение стать священником. Завершил обучение он в 1894 г. Заметных событий в его жизни в следующие несколько лет не отмечено, но в 1901 г. И. Щелкунофф покинул Данию и стал диаконом (!) в Афинах, где прожил десять лет. Его родители были православными, поэтому он выбрал стезю православного священника. Годы после возвращения в Данию в 1911 г. и вплоть до 1917 г. были необыкновенно успешными, он стал весьма заметным человеком в Копенгагене, это видно из того, что в 1915 и 1916 гг.

---

¹ В 1962–1963 гг. автор этих строк во время учебной стажировки именно здесь посещал семинары по грамматике Пауля Дидериксена и стилистике Уллы Альбек.

его биографические данные были включены в справочник самых известных людей Дании — «Синюю книгу» [Kraks Blå Bog, 1915; Kraks Blå Bog, 1916].

По линии церковного служения И. Щелкунофф был священником Императорской дипломатической миссии России, а также настоятелем хорошо известной Церкви Святого Александра Невского в Копенгагене, построенной в 1881–1883 гг. по распоряжению императора Александра III, который таким образом отметил бракосочетание с датской принцессой Дагмар, ставшей русской императрицей Марией Федоровной. Известно, что значительную часть денег на строительство храма император выделил из своих личных средств.

Помимо церковных дел, И. Щелкунофф осуществлял проекты, которые так или иначе были связаны с Россией, ее культурой и историей. В 1911 г. вышел его перевод романа И. Тургенева «Накануне» [Turgenjew, 1911]. Можно предположить, что большой перевод, опубликованный сразу же после его возвращения в Данию, был сделан раньше, во время пребывания в Афинах.

Вот совсем свежий факт. Российское историческое общество 11 октября 2021 г. опубликовало сообщение об имеющемся в фондах Российского государственного исторического архива (РГИА) «Деле по предложению Иоанна Щелкунова об издании донесений датского посланника при российском дворе Иоганна-Фридриха Бахова» [Российское историческое общество]. Эти донесения посланник Бахов регулярно отправлял своему начальству в Копенгагене в 1736–1743 гг., в турбулентный период русской истории: последние годы царствования Анны Иоанновны, воцарение только что родившегося Иоанна VI, Бироновщина, правление Анны Леопольдовны, начало царствования Елизаветы Петровны. И. Щелкунофф, будучи священником Императорской миссии России, предложил в ноябре 1913 г. Императорскому Русскому историческому обществу перевести на русский эти донесения и сопутствующие документы, которые были написаны на многих языках. Характерно, что автор подписывался как Иван, но русская сторона в ответных письмах предпочитала называть его Иоганном или отцом Иоганном в связи с тем, что он был священником. Опубликованные фрагменты письма демонстрируют безупречный русский язык автора. К сожалению, начавшаяся Первая мировая война остановила дальнейшую переписку и продвижение проекта.

В 1914 г. И. Щелкунофф опубликовал книгу на материале истории России «Письма императрицы Екатерины к вдовствующей королеве Юлиане Марии» [Stchelkunoff, 1914]. Он проявлял также живой интерес к русскому языку. В 1915 г. выпустил «Учебник русского языка для начинающих» [Stchelkunoff, 1915], за которым последовало учебное пособие «Русская коммерческая корреспонденция» [Stchelkunoff, 1916c]. Возможно, в качестве подготовки к будущему большому словарю он опубликовал два карманных: датско-русский [Stchelkunoff, 1916a] и русско-датский [Stchelkunoff, 1916b].

Помимо этих занятий, которые, так сказать, хорошо освещены, была сторона его деятельности, которую проверить трудно. По данным музея на Борнхольме, И. Щелкунофф был «императорским курьером и протеже императрицы Дагмар» (Kejserlig kurer og kejserinde Dagmars protegé) [Nexø Museum]. Вероятно, это относится к периоду жизни Марии Федоровны в Копенгагене в 1920–1928 гг. К сожалению, подробностей источник не раскрывает.

В результате революционных событий в России 1917 г. датско-русские связи на некоторое время были прерваны. И. Щелкунофф уехал из Копенгагена и обосновался на острове Борнхольм, где стал учителем (adjunkt) в г. Рённе. О своей жизни он рассказал в книге 1926 г. «Пятьдесят лет под золотыми куполами. Дания, Греция, Россия» [Stchelkunoff, 1926]. Наличие России в этом списке вполне понятно, но данных о его пребывании там найти не удалось. К борнхольмскому периоду жизни относится также публикация переводов романа Л. Толстого «Анна Каренина» [Tolstoy, 1928] и двух книг И. Эренбурга: «10 лошадиных сил» [Ehrenburg, 1931] и «День второй» [Ehrenburg, 1934]. Последнее показывает его интерес к литературе Советской России. После смерти первой жены И. Щелкунофф в 1933 г. женился на учительнице Ингеборг Эльсе Гронеман (Ingeborg Elsa Groneman, 1901–2003), которая была на 30 лет моложе его. Примечательно, что именно тогда началась его работа над датско-русским словарем, и, возможно, супруга оказала ему в этом большую помощь.

Спокойная жизнь датчан нарушилась 9 апреля 1940 г., когда гитлеровские войска оккупировали Данию, в том числе Борнхольм. Остров стал для немцев стратегически важной точкой на Балтике, там появился большой гарнизон, комендант которого стал главным

виновником драматических событий 1945 года. 5 мая германские вооруженные силы в Дании и северной Германии капитулировали, и в Копенгаген прибыл английский фельдмаршал Б.Монтгомери, восторженно встреченный датчанами. Борнхольм — часть Дании, и, казалось бы, гарнизон должен был безо всяких проблем подчиниться капитуляции. Но на предложение сдаться командованию советских частей, находившихся рядом, комендант Г.фон Кампц ответил отказом под предлогом того, что капитуляцию сил на острове должны обязательно принять представители британских вооруженных сил, а те туда не прибыли. Почему они не прибыли, почему датское правительство не обратилось к ним с такой просьбой — историки спорят до сих пор. В ответ на отказ советское командование провело бомбардировки укрепленных пунктов и городов Борнхольма, что привело к значительным разрушениям. Германский гарнизон не соглашался капитулировать. И 9 мая, уже после подписания Акта о безоговорочной капитуляции Германии, к острову подошли шесть советских торпедных катеров, с которых 108 солдат осуществили десантирование, прошедшее при минимальном сопротивлении, и остров был освобожден. В дальнейшем в течение 11 месяцев советские солдаты находились здесь и только 5 апреля 1946 г. по согласованию с датским правительством покинули остров.

И. Щелкунофф был, скорее всего, единственным человеком на острове, владевшим русским языком, причем владел он им в совершенстве. Неудивительно, что во всех биографических справках его характеризуют как «переводчика для русских солдат на Борнхольме». Благодаря активной работе в новой обстановке он, как можно предположить, весьма расширил запас русских слов. Это не только послужило стимулом для него создавать словарь, но и позже весьма расширило круг инстанций, которые профинансировали издание. Среди оказавших финансовую помощь был, в частности, ригсдаг — двухпалатный парламент Дании, о чем говорится в предисловии к словарю.

Иван Щелкунофф умер в г. Нексё 15 апреля 1966 г. Его захоронение охраняется властями².

---

² Возможно, тот факт, что у советских частей на Борнхольме обнаружилась нехватка переводчиков с датского языка, привел к тому, что по специальному разрешению правительства в 1947 г. в Ленинградском государственном университете, где на филологическом факультете уже существовали шведское и нор-

Датско-русский словарь [Stchelkunoff, 1949] создавался с 1934 по 1946 г. Иван Щелкунофф писал его от руки на карточках или в тетрадях, другого способа просто не существовало. В словаре 30 000 слов, по приблизительному подсчету, — огромный труд для одного человека.

Следует упомянуть одну возникшую прямо перед публикацией проблему. Словарь был готов к печати, когда в 1948 г. в Дании были приняты важные изменения в орфографии. Все нарицательные существительные теперь полагалось писать не с прописной, а со строчной буквы. Вводилась по шведскому образцу буква *å*, которая должна была заменить ранее использовавшееся сочетание *aa*. Как курьез можно добавить, что авторы реформы проявили вопиющую безграмотность. Они знали о существовании текстов на датском языке, но, похоже, не знали, что есть словари. Вводя новую букву, они не определили ей особого места в словаре, видимо, наивно полагая, что все слова останутся в словарях на своих местах, например так: *Får* (раньше *Faar*), *Fabel* и т. п. И только спустя некоторое время было опубликовано уточнение, ликвидировавшее это недоразумение. Кроме этого, если ранее различалось написание трех модальных глаголов в форме инфинитива и имперфекта: *kunde imperf.* от *kunne*, то по новым правилам оставляли только второй вариант. Неминуемая переделка словаря отняла бы слишком много времени, у издателей и автора была дилемма: вносить изменения или оставить все как есть. Они воспользовались тем, что введение новых правил было перенесено на сентябрь 1949 г., и выпустили словарь в старой орфографии³.

Словарь открывается предисловием, в котором автор выражает «глубочайшую благодарность» профессору Хольгеру Педерсену, «во-первых, потому, что в он в самом начале пробудил мой интерес к этой увлекательной работе, а затем во время работы я постоян-

---

вежское отделения, открылось датское. Первым преподавателем стал офицер Советской армии, прослуживший переводчиком с немецкого языка на фронтах Великой Отечественной войны, затем в Берлине. Этим офицером была Марианна Петровна Ганзен-Кожевникова (1889–1974) — дочь знаменитых переводчиков скандинавской литературы Анны Васильевны и Петра Готфридовича Ганзенов. В первой датской группе училась будущий доктор филологических наук профессор Ирина Петровна Куприянова.

³ Вышедший всего лишь через год после этого в Москве аналогичный словарь отразил уже полностью новую орфографию [Крымова, Эмзина, 1950].

но получал от него помощь, основанную на его глубоких знаниях русского языка» [Stchelkunoff, 1949, s. 5]. Хольгер Педерсен (Holger Pedersen, 1867–1953) был выдающимся датским языковедом, славистом, специалистом по индоевропеистике и сравнительно-историческому языкознанию. В предисловии говорится также, что корректуру словаря вычитывала магистр Гудрун Стернер Петерсен (Gudrun Sterner Petersen), позже в течение многих лет работавшая на кафедре славистики Копенгагенского университета и переводившая русскую литературу.

В предисловии подчеркивается, что словарь ориентирован на датских пользователей, «которые хотят выучить русский язык, но также может быть полезен для русских, которые, читая, захотят напрямую познакомиться с датской литературой» [Stchelkunoff, 1949, s. 5]. Исходя из этой целевой установки, составитель обходился без каких бы то ни было приложений, не указывал ударения в датских лексемах и не снабжал их грамматическими пометами. Грамматические пометы в русских лексемах также почти всюду отсутствуют. Есть только предварительное указание, какие существительные, как правило, принадлежат к мужскому, женскому или среднему роду [Stchelkunoff, 1949, s. 5]⁴.

В словаре отсутствуют общепринятые списки сокращений и географических названий. Те и другие даны в корпусе, причем для географических объектов составитель использует старые русские названия, как, например, *Dorpat* ‘Дерпт (Юрьев)’ вместо уже принятого к этому времени варианта Тарту. Очевидным недосмотром является то, что в сокращениях дается только краткая датская форма: *d.v.s.* ‘т. е.’ — при отсутствии полной: *det vil sige*.

Встречаются в словаре и личные имена. При этом И. Щелкунофф вообще не делает различий между датскими и русскими именами: *Peter* ‘Пётр’, *Hans* ‘Иван’. Попадают отдельные исторические личности: *Platon* ‘Платон’; *Rikard Løvehjerte* ‘Ричард Львиное Сердце’. Есть, видимо, только один скандинавский бог — *Odin* ‘Один’ — и даже названия некоторых литературных произведений: *Iliade* ‘Илиада’, *Odyse* ‘Одиссея’⁵.

⁴ В последующих примерах из словаря не воспроизведено обозначение ударения в русских эквивалентах.

⁵ Впоследствии выдающийся российский лексикограф В. П. Берков обосновал необходимость расширения лексического состава словарей именно таким

В целом словарь вполне удовлетворительный для данного объема словаря. Но наблюдается и некоторое своеволие. Присутствует, например, не очевидная для датско-русского словаря лексема *Drakme* ‘драхма’. Но составитель жил в Греции и решил, что это нужно знать.

Вызывают улыбки некоторые эквиваленты типа: *Muserede* ‘мышье гнездо’; *Plattysk* ‘посконемецкий язык’ (общепринятое: нижненемецкий); *Numse* ‘жепёнка’. Есть попытки отреагировать на, видимо, непривычное для уха составителя языковое употребление: *Tilhører(ske)* ‘слушатель(ница)’; *mine Tilhørere!* ‘господа!’; (*Kammerater!*) ‘товарищи!’.

Иногда проблемой становились новые для составителя понятия. Например, есть лексема *Dansen* ‘танцевание, пляски’. Сомнительны оба русских эквивалента, но кроме этого понятно, что в датской лексеме последние две буквы не являются определенным артиклем при *Dans*, поскольку артикль никогда не указывается. И тогда становится ясно, что на самом деле это лексема *Dansant* [dangsang] ‘ресторан с танцами, дансинг’.

Несмотря на некоторые недостатки, в целом словарь можно оценить как надежный, добросовестно сделанный и, главное, появившийся весьма своевременно. Его составитель Иван Щелкунофф заслуживает уважения как пионер датско-русской двуязычной лексикографии.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Berkov V.P. *Bilingual lexicography*. St Petersburg: St Petersburg University Press, 1996. 248 p. (In Russian)
- Ehrenburg I. *10 Hestekræfter*. København: Martin, 1931. 256 s.
- Ehrenburg I. *Skabelsens anden Dag*. København: Martin, 1934. 328 s.
- Kraks Blå Bog*. København, 1915. 559 s.
- Kraks Blå Bog*. København, 1916. 581 s.
- Krymova N.I., Emzina A. Ya. *Danish-Russian Dictionary*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo innostrannykh i natsional'nykh slovarei Publ., 1950. 803 p. (In Russian)
- Matschet G. A. *Fortællinger fra Livet i Sibirien*. Med Forfatterens Tilladelse oversat fra Russisk af Ivan Schtschelkunow. København: Axel Andersen, 1890. 148 s.

образом, только не случайными вкраплениями, а на систематической основе. Это он сделал в своих многочисленных работах и наиболее четко в учебнике двуязычной лексикографии [Берков, 1996].

- Stchelkunoff I. *Dansk-Russisk Lommeordbog*. København, 1916a. 344 s.
- Stchelkunoff I. *Dansk-Russisk Ordbog*. Kjøbenhavn: Nyt Nordisk Forlag, Arnold Busck, 1949. 643 s.
- Stchelkunoff I. *Halvtreds Aar under gyldne Kupler. Danmark, Grækenland, Rusland*. København: Hagerup, 1926. 333 s.
- Stchelkunoff I. *Kejserinde Catharina II's Breve til Enkedronning Juliane Marie*. København, 1914. 112 s.
- Stchelkunoff I. *Lærebog i Russisk for Begyndere*. København, 1915. 314 s.
- Stchelkunoff I. *Russisk-Dansk Lommeordbog*. København, 1916b. 344 s.
- Stchelkunoff I. *Russisk Handelskorrespondance*. København, 1916c. 232 s.
- Tolstoy L. *Anna Karenin*. Bd I. København: Hagerup, 1928. 334 s.
- Tolstoy L. *Anna Karenin*. Bd II. København: Hagerup, 1928. 338 s.
- Turgenjew I. *Dagen før*. København: John Martin, 1911. 158 s.

ИНТЕРНЕТ-ИСТОЧНИКИ / INTERNET SOURCES

- Dansk Forfatterleksikon*. Available at: <https://danskforfatterleksikon.dk/1850/sivanstchelkunoff.htm> (accessed: 10.01.2022).
- Russian Historical Society*. Available at: <https://historyrussia.org/sobytiya/delo-po-predlozheniyu-ioanna-shchelkunova-ob-izdanii-donesenij-datskogo-poslannika-pri-russkom-dvore-ioganna-fridrikha-bakhova-delo-lviii.html> (accessed: 10.01.2022). (In Russian)
- Nexø Museum*. Available at: <http://da-dk.facebook.com/NexoeMuseum/phothos/nexoe-borgerskole-1949-elsa-stsclkunoff-underviser-inger-jakobsen-ved-tavlen/804258089629834/> (accessed: 10.01.2022).

Статья поступила в редакцию 19 декабря 2021 г.,
рекомендована к печати 2 февраля 2022 г.

Boris Zharov

Independent researcher

FROM THE HISTORY OF DANISH-RUSSIAN BILINGUAL LEXICOGRAPHY. IVAN STSCHELKUNOFF (1870–1966) AND HIS DICTIONARY

For citation: Zharov B. S. From the history of Danish-Russian bilingual lexicography. Ivan Stschelkunoff (1870–1966) and his dictionary. *Scandinavian Philology*, 2022, vol. 20, issue 1, pp. 210–220.

<https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2022.112> (In Russian)

The first Danish-Russian dictionary (*Dansk-Russisk Ordbog*) was published in Denmark in 1949. Author Ivan Stschelkunoff was born in Copenhagen to a family that moved from Russia. He received a good education, studied at the prestigious Metropolitan School, then at the University of Copenhagen, majoring in Latin, Greek and English. In 1901–1910 he was an Orthodox deacon in Athens. The years after returning to Denmark until 1917 were very successful. He was priest of the Imperial Diplomatic

Mission of Russia, priest of the Alexander Nevsky Church in Copenhagen. He implemented several projects related to Russia. He published a book based on the history of Russia, *Letters of Empress Catherine to the Dowager Queen Juliane Maria*, a translation of I. S. Turgenev's novel *The Day Before*, *Russian Textbook for Beginners*, *Russian Commercial Correspondence*, and two pocket dictionaries: Danish-Russian and Russian-Danish. In the early 1920s he moved from Copenhagen to Bornholm, where he became a teacher. He told about his life in the book *Fifty years under the golden domes. Denmark, Greece, Russia*. The publication of translations of L. N. Tolstoy's novel *Anna Karenina* and two Ehrenburg books belongs to this period. In 1945, after the surrender of Germany, Soviet soldiers had to liberate the island due to the ridiculous orders of the German command. In 1945–1946, when they were on the island, Stchelkunoff was “an interpreter for Russian soldiers.” The Danish-Russian dictionary was created for a long time, from 1934 to 1946. In the preface, the author expresses gratitude to professor Holger Pedersen, who helped him. The dictionary was published in 1949 shortly after the adoption of changes in Danish spelling, but they could not be taken into account. Danish-Russian Dictionary is aimed at Danish users “who want to learn Russian, but it can be useful for Russians who want to get directly acquainted with Danish literature *while reading*.” Therefore, the author made do with minimal grammatical explanations. There are no lists of abbreviations and geographical names that are given in the corpus. The dictionary is satisfactory for this volume (about 30.000 words), although there are non-obvious lexemes for this pair of languages. In general, the dictionary can be assessed as reliable, conscientiously made and very timely appeared.

Keywords: Danish, bilingual dictionaries, Danish-Russian dictionaries, Ivan Stchelkunoff.

Жаров Борис Сергеевич

кандидат филологических наук, доцент,

независимый исследователь,

Российская Федерация, 193231, Санкт-Петербург, ул. Подвойского, 24

E-mail: bzharov@gmail.com

Boris Zharov

PhD in Philology, Associate Professor,

Independent Researcher,

24, ul. Podvoyskogo, St Petersburg, 193231, Russian Federation

E-mail: bzharov@gmail.com

Received: December 19, 2021

Accepted: February 2, 2022

Учредитель: Санкт-Петербургский государственный университет

Свидетельство о регистрации СМИ
№ ФС77-73019 от 06 июня 2018 г. (Роскомнадзор)

Главный редактор *Е. В. Краснова*, канд. филол. наук, доц.
Редактор русского текста *В. С. Щеглова*,
редактор английского текста *Джеффри Хасс*
Корректор *Ю. А. Стрельбицкая*
Компьютерная верстка *А. М. Вейшторг*

Дата выхода в свет 14.07.2022. Формат 60 × 84 1/16. Усл. печ. л. 12,8.

Тираж 35 экз. Заказ № . Цена свободная.

Адрес редакции: 199034, С.-Петербург, Университетская наб., д. 7–9

Издательство Санкт-Петербургского университета

199004, С.-Петербург, В.О., 6-я линия, д. 11

Тел. (812)328-96-17; факс (812)328-44-22

publishing@spbu.ru

publishing.spbu.ru

Типография Издательства СПбГУ

199034, С.-Петербург, Менделеевская линия, д. 5

Позиция редакции может не совпадать с позицией авторов.